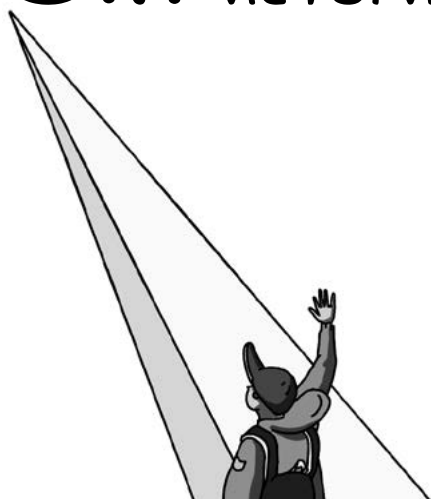

Елена Борода

ZOOM КАРАНТИННАЯ ИСТОРИЯ

Иллюстрации Наси Хилькевич

УДК 821.161.1-3-93
ББК 84(2=411.2)6-44
Б83

Борода, Елена.

Б83 ZOOM. Карантинная история : [для ст. шк. возраста : 16+] / Елена Борода ; ил. Насти Хилькевич. — М. : КомпасГид, 2022. — 288 с. — ил.
ISBN 978-5-907514-12-6

Алёна хочет стать звездой. Ярослав — уехать в Питер. Игорь — наладить отношения в семье. Женя с Ирой — успешно сдать экзамены и самостоятельно выбрать профессию. Иван — спасти планету от катастрофы. И каждый из этих 17-летних молодых людей мечтает изменить мир вокруг себя.

Однажды мир действительно меняется. Но не так, как они хотели.

Теперь вместо школы — надоевшие стены собственной комнаты, рядом не одноклассники, а родители, у которых тоже «удалёнка», а вместо классной доски — окошко ZOOMa. «Дистант», «пандемия», «изоляция» — новые слова настойчиво теснят привычную повседневность. Многое непонятно, неизвестно, непривычно, многое спрятано за пределами экрана. Зато открывается то, что раньше оставалось незамеченным. И цель, за которую ты ещё неделю назад отдал бы полжизни, кажется мелкой и ничтожной. Одноклассник, которого ты считал пустым местом, оказывается лучшим другом. А общение в «дистанте» ничуть не легче общения в реале.

В повести каждый эпизод вписан в общую хронику. «ZOOM. Карантинная история» Елены Бороды — не просто летопись последнего школьного полугодия, это ещё и кусочек большой истории, когда реальность меняется в короткие сроки, а жизненный экзамен оказывается сложнее, чем ЕГЭ.

Желание старшеклассников общаться и активно жить дальше вопреки новым реалиям визуально «объединила» в книге художница Настя Хилькевич, у которой пока нет громких проектов, но есть умение видеть.

Автор книги, Елена Борода, — писатель, филолог, литературный критик. Лауреат Международной премии им. В.П. Крапивина, финалист премии «Книгуру».

УДК 821.161.1-3-93
ББК 84(2=411.2)6-44

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения издательства «Тинбук»

© Елена Борода, текст, 2022
© Оформление. ООО «Издательский дом
«Тинбук», 2022

ISBN 978-5-907514-12-6

ПОБЕДИТЕЛЬНИЦА

Визит к психологу пришлось отменить. Из-за начавшегося карантина. Вот уж из-за психолога Алёна ни капли не расстроилась!

Это просто у мамы пунтик. Она по любому поводу обращается к «специалистам». Проблемы с физикой? Найдём репетитора! Беспорядок в квартире? Позовём клининговую службу! Есть дома нечего? А доставка еды на что? Самый ценный ресурс — время, неразумно тратить его на всякую ерунду.

Вот и с Алёной так же. Мама решила, что у неё зависимость от гаджетов — это называется номофобия. И немедленно записала её к психологу.

Ну какая зависимость?! Алёне сейчас просто необходимо быть на связи! Потому что у неё появился шанс. Даже так — Шанс! Самый настоящий Счастливый Случай!

— Косарь — божеская цена, — сказала Миранда. — Меньше чем за три тысячи в зал не попадёшь.

— Так мы не в зал, — возразила Настя.

— А за кулисы! Это ещё круче.

Миранда протянула руку, и Настя с Алёной положили ей на ладонь по тысячной купюре.

Миранда кивнула и жестом фокусника заправила деньги в рукав. Пальцы вспорхнули в воздухе:

— Чао!

— На матешу не пойдёшь? — крикнула Настя ей в спину.

Миранда не обернулась, на ходу качнула головой — огромная яркая грива колыхнулась туда-сюда.

— Не пойдёт, — заключила Настя. — Зачем ей? Деньги она и так считать умеет!

Всю дорогу до кабинета математики Настя бурчала, что дорого, что смотреть музыкантам в спины удовольствие так себе, да и концерт, может, того не стоит.

Алёна молчала.

Да если говорить о Трикстере, то в его спину она готова смотреть сколько угодно! А потом, он же будет рядом:

пробегать мимо, пить воду, менять футболки. Это вам не цветочки подарить и селфануться наспех! Миранда права: закулисье круче.

Группу «Трикстер» Алёна любила давно. Может, год, а может, и больше. Главным образом из-за солиста, конечно. У них пела ещё и Агата, меланхоличная девица с крашеными дредами. Насколько Алёна знала, у них с Трикстером ничего не было, поэтому Агата ей тоже нравилась.

Просто удивительно, как эта Миранда умудряется быть в центре самых интересных событий! И ей, главное, безразлично, «Трикстер» или не «Трикстер», она за любой движ. У «Трикстера» концерт, Миранда приглашает!

Ну, как — приглашает? Не без пользы для себя.

Миранда...

Два года назад их классы объединили и они стали учиться вместе. Вот что понадобилось Миранде в одиннадцатом классе? Учится плохо, на занятия ходит через день. Можно подумать, она пойдёт в вуз! Он ей и даром не нужен, она, кажется, про образование вообще не думает. Ну и шла бы себе спокойно в колледж после девятого! Так нет, притащилась на два года посидеть за партой нога на ногу!

До этого у Алёны конкуренток не было. Самая популярная девочка в классе! И не только в классе — она, между прочим, «мисс Школа»! Миранда, правда, в том конкурсе

красоты не участвовала. Но не суть. Когда она появилась, все парни сразу переключились на неё. А Миранде было вроде плевать на популярность, но Алёна ей не верила. Не может быть, чтоб плевать! Просто делает вид. Но никто, кроме неё, не подозревал Миранду в лицемерии, и это Алёну ужасно раздражало!

Она иногда наблюдала за ней и думала о том, что вот таких, как Миранда, наверное, в Средние века сжигали на кострах. Рыжая, стройная, с длинной шеей, светящейся кожей, с глазами-хамелеонами — вроде зелёными, но мимикрирующими в синеву, стоило Миранде пригасить их блеск, опустив ресницы.

Алёна и сейчас бы её сожгла!

— Сейчас подойду!

После этого «сейчас» Алёна с Настей ещё минут десять простояли перед закрытой дверью в тупике театрального коридора. Сюда никто не заглядывал, за дверью тоже никакого движения не происходило. Они уже начали думать, что ошиблись маршрутом, но дверь наконец открылась, и показалась Миранда.

Она молча поманила рукой, придерживая тяжёлую дверь. Девчонки скользнули в щель и оказались в другом тупике.

— Ступеньки узкие, осторожно, — предупредила Миранда.

Ступеньки узкие, лестница крутая, стены ободранные. Театр только назывался «Молодёжным», а здание занимал старое. И, как все театры, блистал фасадом и поражал лабиринтами лестниц, переходов, подвалов, запасных выходов. Конечно, не зная дороги, легко было сбиться с пути. И всерьёз сгинуть, подумала Алёна, случайно заглянув в один из дверных проёмов. За ним виднелись перила балкона, но сам балкон обрушился, и получался такой выход в никуда, обозначенный кое-как аварийной ленточкой.

— Не обращай внимания, тут вечный ремонт, — снова бросила Миранда, мельком оглянувшись.

Наконец добрались.

Место тоже было непонятное, но хотя бы людное.

— Стойте здесь, — скомандовала Миранда.

И снова исчезла.

Если бы Алёна не знала, что они в театре, подумала бы, что завод какой-то: бетонные стены с металлическими лестницами, длинные тросы. По стенам разбросаны фонари. Светят довольно уныло и мешают разглядеть потолок. Понятно только, что он высоко, этажа на три, если не больше.

— Нормально так! — возмутилась Настя. — Опять ушла! И что у нас тут? Театр теней?

По стенам в самом деле гуляли тени разной величины и яркости — эффект всё тех же фонарей.

— Не, ну свинство, скажи, Алён?

Настя хотела продолжить, но вздрогнула от громкого однотонного звука, непонятно откуда исходившего. Алёна и сама поморщилась, захотелось закрыть ладонями уши. Но звук стал убывать, а потом вообще оборвался.

— Мы же даже обратно не выберемся! — не унималась Настя. — Ой!

Она попыталась опереться на чёрную бархатную стену, но стена под её рукой колыхнулась и оказалась тяжёлой портьерой, пришпиленной к полу длинными деревянными полосьями.

Ну да, они находились за кулисами! За портьерной стеной оказалась ещё одна такая же, а когда они осторожно выглянули, подавшись на очередной звук, то увидели сцену. С прожекторами и аппаратурой. По сцене ходили люди и что-то мудрили с тем и другим: освещение менялось, звуки тоже.

— А ты говоришь! — почти прошептала Алёна, почувствовав дыхание Насти за плечом. — Не надо нам обратно!

Настя не ответила. Молча стояла рядом. Не комментировала, как обычно. И когда Алёна окликнула её, тоже промолчала.

Алёна обернулась. Сзади стояла не Настя.

Агата — ну точно такая, как на фото и на экране! — Агата, со своими дредами, огромными глазами и таким же огромным носом, прошла мимо, совсем близко, и стала

на сцене что-то выяснять со звукооператором. На Алёну она не взглянула, зато слегка задела её рюкзаком, который свесила на одну сторону.

Алёна огладила плечо, которого коснулся рюкзак, и тут её пронзило! Совсем скоро она увидит Трикстера! На этой самой сцене!

Она бросилась обратно за драпировки.

За этой самой сценой и прямо сейчас! Трикстер сидел на полу, скрестив ноги, и сосредоточенно пил газировку из полуторалитровой пластиковой бутылки.

Алёна примерно так себе всё и представляла. Но всё это было похоже на чудо. От того, что мимо бежали разные люди, которые Трикстера будто не замечали — да как так можно-то! — чудесности не убавилось. Трикстер на людей тоже не смотрел. Он вообще выглядел усталым, не слишком довольным и, в отличие от Агаты, сильно ушёл от себя «в образе».

Но всё же это был Трикстер! Тот самый, что поёт про Колумба и небесное воинство, про Химеру-изгоя, про семнадцать братьев-крестоносцев! Алёна все его песни-истории знала наизусть! И самую новую уже успела выучить! Про молодого капитана, которого любят сразу две девы. Одна обыкновенная, а вторая колдунья. Так вот, с колдуньей он танцует при лунном свете, а простушку, естественно, не замечает. Хорошая такая песня, Алёна

только никак не могла решить, кем же она себя представляет: колдуньей или хорошей девушкой.

Надо подойти, конечно. Алёна раздумывала, что бы такое сказать — оригинальное и запоминающееся. Но придумать не успела. Трикстер встал, оглянулся вокруг — и на Алёну тоже посмотрел, и она почувствовала, как застыло сердце, — и скрылся в закулисном хаосе.

Сердце отошло, забилось быстро-быстро, так что в груди стало горячо, а в ушах зашумело. Выскочили откуда-то Миранда и Настя. Да и всё вокруг пришло в движение.

Только когда снова появился Трикстер, уже весёлый, такой, как всегда, с узким лицом, острыми скулами и хитрым прищуром плохого мальчишки, до Алёны дошло, что концерт уже начался. Здесь, за сценой, всё слышалось и виделось как-то по-другому и даже время, кажется, было другим.

Трикстер глотнул из своей полторашки — газировки там убавилось наполовину, — поставил её на табурет и снова поскакал на сцену.

Появилась Агата. Будто и не пела: дышит ровно, двигается не спеша. В сценическом костюме: безрукавка, широкие штаны, тяжёлые ботинки. Под безрукавкой короткий топ, а руки голые. Мышцы рельефные, но в меру, отметила Алёна. У неё, наверное, и ноги красивые, чего она их всё время в штаны упаковывает?

А ведь она самая обыкновенная, эта Агата! Надо же! Вот ведь она, опять рядом, все пуговицы и заклёпки на безрукавке пересчитать можно! Ничего особенного! Ну ничего же! Алёна с её внешностью тоже могла бы на сцене выступать.

Ну, голос, конечно. Алёна погрузилась, вспомнив, как мощно Агата выдаёт «Фейри» или «Дом под землёй». Но ведь любой голос можно обработать, современная техника творит чудеса, разве не так? Да и в песни вникают не все. Некоторым достаточно просто смотреть.

Но больше Алёна ни о чём думать не стала. Пора было получать свою порцию счастья, и она постаралась вытряхнуть все мысли из головы.

Трикстер поёт.

Потом Агата. «Фейри», ага. И «Вересковый мёд», мурашки по коже!

Настя восторженно скачет.

Миранда улыбается, спрятавшись за ширму.

За сценой не очень получается расслабиться, здесь либо работают, либо не мешают тем, кто работает.

Лицо Трикстера. Агата поправляет ему грим, и они, кажется, ругаются. Лицо у Трикстера сердитое, да и Агата не сильно умиротворённая.

Ревёт музыка.

Снова Трикстер, он хочет пить, но не может найти свою бутылку.

Алёна вспоминает, как Агата сунула её под ящик, и спешит помочь.

Опять лицо Трикстера, наконец-то обращённое к ней. Сначала удивлённое, потом торжествующее, даже мстительное — когда полторашка выпита и отброшена. Торжество не для неё — Алёна оборачивается и видит Агату, у неё морщинка на лбу и брови нахмурены.

«Это не газировка, что ли?» — соображает Алёна.

Снова музыка. Пауза. «Меня зовут Кирилл». Земное имя, надо же!

Настя?

Настя послушно нацеливает камеру на Алёну с Кириллом. Ещё кадр?

Но тут появляется Агата, и Настя отвлекается на селфи с ней.

А Кирилл тянет Алёну к гримёрке. Наклоняется и целует её. Чуть ниже ключицы. У Агаты здесь блестят капельки пота — теперь-то она устала, и это заметно, у Алёны ничего такого нет. Кирилл просто шарит жадными губами, это как-то бессмысленно. «Ты очень красивая», — и его руки блуждают там, где совсем не надо, Алёна носит юбки и не скрывает ног, в отличие от Агаты. Ну это точно не газировка, и концерт ещё не закончился, он сошёл с ума, а какие у него руки сильные, в том смысле, что не вырвешься...

Но она вырвалась как-то. И теперь сидела на ступеньках запасного выхода и дрожала как от озноба. Впервые

она встретилась с чужой волей и чужой силой, почувствовала, что кто-то может подчинить её и она ничего с этим не сделает, и это оказалось так страшно...

Настя что-то лопотала и невпопад брызгалась водой. Миранда молчала, вытянув губы в струнку и скрестив руки.

— Так, хватит! — сказала она наконец. — Ничего не случилось по итогу!

Она выхватила у Насти бутылку (с водой без газа), с хрустом её скомкала, выбросила в мусорную корзину и скрылась за дверью запасного выхода.

Домой они всё-таки вернулись вовремя. Даже странно — Алёна абсолютно потерялась во времени. Уже почистив зубы и приготовившись ко сну, она стояла перед зеркалом в ванной. Не отрывая взгляда от своего лица в зеркале, медленно коснулась пальцами чуть ниже ключицы — того места, где побывали губы Трикстера.

Позорный эпизод вспоминался уже как-то по-другому.

Чего она, дура, запаниковала? Разве не об этом мечтают тысячи фанаток? Ей, можно сказать, повезло, а она подняла пену со дна, поставила всех на уши, так что никакой Трикстер теперь к ней близко не подойдёт. Молодец, ничего не скажешь!

Ночью Алёну осенило. Она проснулась, разбуженная даже не открытием, а мыслью о том, как же это не пришло ей в голову при свете дня. Она так и не заснула больше. Зато всё обдумала.

И Миранду встречала уже решительная и собранная. Та заявила только к третьему уроку. Увидев Алёну с Настей, вопросительно приподняла брови.

— Ты ведь с Кириллом общаешься? — начала Алёна.

— Допустим.

— Передай ему, что я хочу сниматься в его новом клипе. Брови Миранды изогнулись теперь удивлённо.

— Что?! Васнецова, ты с дуба рухнула? Клип ей! Может, в солистки сразу?

— Это мы ещё обсудим, — серьёзно сказала Алёна. — С тем же Кириллом.

— А если нет, то что? — спросила Миранда.

— Тогда вот!

Алёна кивнула стоявшей рядом Насте, и та послушно подняла экран телефона, на котором светились лица Трикстера и Алёны.

— Ну и?

Алёна улыбнулась. А Настя запустила видео. Несколько секунд, и уже понятно, какой Кирилл невменяемый и чего он хочет от Алёны. Настя нажала паузу, погасила экран.

— Это самое начало, дальше интереснее, — прокомментировала Алёна. — Ты Кириллу скажи — надеюсь, он понимает, как я могу использовать эту запись?

— Мне-то откуда знать? Я передам, а он пусть сам думает.

— Только чтоб быстро! — предупредила Алёна.

— И тыщу мне верни! — встряла Настя.

Миранда расхохоталась.

— Извини, я не ношу при себе такие огромные сумы, — сказала она, отсмеявшись.

Зелёные глаза её искрились, на виске легонько пульсировала растревоженная смехом венка.

Настя что-то недовольно пробурчала, а Алёна смотрела на Миранду и думала, какая же тонкая у неё кожа, — она никогда раньше не видела её так близко: при ярком свете вообще прозрачная, разве можно выжить с такой кожей?

— А ты не такая уж простая, Васнецова!

Алёна вздрогнула, не сразу сообразив, что Миранда это о ней. А когда сообразила, то разозлилась. Да что она о себе думает!

— Объясни: зачем тебе это всё? Ты просто славы хочешь? Или тебе Кирилл нужен?

— Это моё дело!

— Ты ещё не видела всех ступеней его мракобесия!

— Значит, меня ждёт много открытий.

— Это только на сцене прикольно!

— Я догадалась.

— Ты на что-то надеешься? Да у него в каждом городе...

— По одиннадцать беременных подружек?

— Почему одиннадцать? — растерялась Миранда.

— Чтоб страшнее! — огрызнулась Алёна. — Хватит меня пугать! Твоё дело — передать инфу кому следует! А советы мне не нужны!

Миранда отпрянула.

Так-то вот! Знай своё место, ведьма рыжая!

Разговор закончился. Теперь можно и плясать, и прыгать! Алёна с трудом удерживала себя в руках, внутри у неё всё переворачивалось и смешивалось в разноцветные праздничные вихри. Так вот, значит, как чувствуют себя победители!

Она опять вспомнила слова Миранды, но теперь они отзывались в ней торжеством. Как будто она уже сделала клип, стала звездой и вообще зажигает на сцене вместе с Трикстером и Агатой.

Агата ладно, пусть останется, голос у неё всё-таки потрясный.

Алёна сначала не поняла, что это кот. Просто собака со странными повадками. Собака, которая несёт хозяину палку. Которая вдруг припустила гигантскими прыжками от других собак и забралась на дерево.

Хозяин подошёл к дереву. Собаки — настоящие — разбежались. И кот спрыгнул прямо ему на спину. Когда хозяин обернулся, Алёна перестала думать про необычного кота. Потому что перед ней стоял Кирилл.

— Привет, — сказал он, придерживая кота.

— Здравствуйте.

Кирилл улыбнулся и тут же охнул, потому что кот стартовал с его спины опять на дерево. Никакой опасности

не было, но он то ли птицами интересовался, то ли просто решил развлечься.

— Я думал, мы на «ты», — сказал Кирилл.

— А я думала, ты предупреждаешь, когда собираешься прийти.

Ну конечно, на «ты», Алёна сама не понимала, откуда взялось вдруг это «здравствуйте».

— О чём? — удивился Кирилл.

— Мы разве не клип снимать собираемся?

— А, ну да... Клип. Бемоль, ко мне!

Команда была совершенно собачьей, но кот в этот раз не пошёл против естества — он шебуршал где-то наверху, ветки похрустывали под его лапами, самые мелкие летели вниз.

— Клип, да, — повторил Кирилл. — Знаешь, снимать пока рановато, надо определиться с локациями и всё такое...

— Так давай определяться. Прямо сейчас. Что нам мешает?

Кирилл поднял плечи.

— Да вроде ничего. Пойдём.

— А... — Алёна посмотрела на дерево, по которому всё ещё бродил кот Бемоль.

— Догонит, — Кирилл беспечно махнул рукой.

И правда — кот нагнал их, когда они пересекали велосипедную дорожку, которая отграничивала «малышовую»

часть двора, с её песочницами и горками, от взрослой, со скамейками и остатками баскетбольной площадки.

Кирилл наклонился и нацепил на kota ошейник с поводком. Тот не протестовал, только мяукнул еле слышно.

— Как это он так? — удивилась Алёна.

Кот спокойно трусил рядом, не обращая внимания на поводок.

— Хозяин собачку хотел, — серьёзно произнёс Кирилл. — Вон, смотри, подходящий объект.

Алёна удивилась. Что может быть привлекательного в изнанке летней парковой сцены?

— Стиль уличной съёмки, — кивнул Кирилл, заметив её сомнения.

И зашевелился, затормозил её, не позволяя задавать вопросы. Встань сюда. Повернись вот так. Посмотри туда. Выше. Ниже. Правее. Левее.

Бемоль отыскал местечко посуше и спокойно сидел себе, следил за людьми круглыми глазами. Поводок лежал рядом и нисколько ему не мешал.

Они ещё пару мест отметили такой же блиц-сессией. Уличная съёмка, хм.

Но результат Алёне понравился. Получилось так... атмосферненько. Несколько фоток она мысленно примеривала на аватарку. Только вот...

— Я как-то иначе представляла себе клип к этой песне.

— К какой песне? А, ну да...

Кирилл помахал рукой в воздухе, подбирая слова.

— Ну, во-первых, это ещё не клип. А во-вторых, видеоряд крайне редко дублирует содержание. Это считается не круто.

Алёна понимающе кивнула. Хотя в её голове песня о простушке и колдунье не уживалась с городским видеорядом вообще никак! Но Кириллу виднее. Хочется верить, что он профессионал.

— Вовремя отработали, темнеет уже, — заметил Кирилл, быстро скользя пальцами по экрану.

Он отправлял фотки Алёне, поэтому она тоже смотрела в телефон.

— Слушай, — он поднял голову. — Я бы тебя проводил, да Бемоль проголодался. Сама доберёшься? Тут вроде недалеко.

— Без проблем, — Алёна пожала плечами. — А можно кота погладить?

— Без проблем, — улыбнулся Кирилл.

Однако Бемоль куда-то исчез. Только что лупал глазами, заглядывал хозяину в лицо — и вот уже ни тени, ни следов от поводка.

— Домой потащился. Ничего страшного.

— А дорогу знает? — усомнилась Алёна.

— Знает. Тут рядом.

— Зачётный кот. Я таких не видела никогда!

Кирилл развёл руками, признавая: так и есть, кот супер. Алёна ещё раз полюбовалась фотками, а потом они разошлись каждый в свою сторону.

— А ты не понимаешь, нет? Что всё серьёзно! Вот так оно всё и начинается! А потом поздно! Я боюсь, как бы уже не поздно!

Когда мама заводится, то начинает говорить голосом пронзительным и высоким. Сейчас она едва ли не срывалась на визг. Папа иногда вставлял что-то своим — никогда не меняющимся — басом. Но маму это не успокаивало.

Алёна хлюпнула носом и с ненавистью посмотрела в зеркало. А ведь каких-то три часа назад она себе там нравилась. Ну да, посомневалась немножко насчёт подведённых глаз — было искушение сделать стрелки до самых висков, как у Агаты. Но потом Алёна решила, что не надо никому подражать, надо ощущать себя личностью. Сильной, уверенной, способной поставить свои условия. Не всё же таким, как Миранда, хозяйничать в этой жизни!

Кирилл позвонил, разговаривал уже совсем другим голосом, не раздражённым, а деловым. Сообщил, что сегодня съёмки не на улице, а в павильоне. Да, вот так вот меняются планы — а потому что график аренды внутри помещений предельно плотный, сейчас не впишешься, будешь ждать полгода, да звёзды мы, звёзды, но не настолько, чтобы под нас подстраивались по первому требованию...

А когда она была почти готова, позвонил ещё раз, сказал, что вот прямо сейчас всё решается, возможно, съёмку придётся отложить, на пару часов. Или на пару дней. Или больше. Но он на связи, и она, Алёна, тоже пусть будет на связи.

Алёна почему-то услышала только про пару часов. Поэтому и сидела, готовая стартовать по первому сигналу. Одета, накрашенная и с телефоном, естественно. В голову, кроме съёмок, ничего не вмещалось, даже музыка «Трикстера», даже песня про ведьму.

Алёна маялась. Пересматривала фотки, качалась на стуле, без конца обновляла новостную ленту.

Вот в таком состоянии её и увидела мама. А потом ещё раз увидела, примерно через полчаса, когда пришла звать к обеду. Алёна сказала «сейчас», не отрываясь от телефона, и, конечно, тут же забыла. Тут у мамы терпение кончилось. Ноутбук она отобрала, телефон тоже. Сказала, чтобы никаких поздних возвращений домой. Да вообще никаких возвращений — Алёна под домашним арестом!

Недоумение — осознание — отчаяние. Смену этих своих чувств Алёна запомнила отчётливо. Даже странно, до чего отчётливо: как по ступенькам шагала.

Вниз.

А дальше оступилась и полетела кувырком — как нахлынула ярость, она вообще не помнила. Как отступила,

впрочем, тоже. Просто потом она сидела с мокрыми волосами, икала и глотала воду из пластиковой детской кружки.

— Что ты молчишь? Что ты уставилась в эту кружку?

Мама не понимала. Даже папа не понимал.

Кружку давно не использовали, она стояла в шкафу, наверное, со времён Алёниного младенчества, и на дне сохранился коричневый налёт. Алёна смотрела на него без отвращения и вообще без эмоций. Там, на дне этой детской кружки, растворялся и таял призрак её Счастливого Случая.

— Будешь книжки читать! Крючком вязать! Йогой заниматься! А через неделю у тебя встреча с психологом! Я договорилась.

Мама круто развернулась и вышла. Папа заглянул следом, развёл руками — что, мол, могу поделать?

Алёна устала плакать. Она с отвращением ткнула кнопочный телефон, выданный взамен родного. Где только такую древность откопали? Даже не позвонить: симка новая, из контактов только мама, папа и этот ещё психолог. А номера Алёна никогда не запоминала. Зря.

— Всё получилось? Ты ничего не пишешь! Даже ни одной фоточки не выложила, вот это выдержка! Или всё так секретно? Как Трикстер? Он не изменился? Вы ещё работать будете? Счастливая ты!

Алёна кивала и улыбалась, потерявшись в потоке вопросов. Она обрадовалась Насте, которая, отчаявшись дозвониться, явилась сама.

Подруга, естественно, ждала подробного отчёта после съёмки. Молчание Алёны её заинтриговало, причины придумывались разные: всё ещё занята, интересничает, слишком устала, — но никак не то, что Алёну лишили интернета.

— Да ты что! — Настя даже присела, выслушав про Алёнину беду, она такого ужаса даже вообразить не могла. — Ничего не получилось, и как же теперь? Слушай, а если карантин объявят, как в Европе?

— Какой карантин?

— Ну, из-за пандемии. Все об этом говорят, ты что, новостей не читала? А, ну да...

Алёна скорбно посмотрела на подругу.

— Вкусное печенье, — заметила Настя, выбирая из вазочки сладости. — Я ещё одно возьму, больше не буду. Я на диете вообще-то. Это ты ешь и не толстеешь, везёт же!

Они пили чай. Алёна налила себе в ту же детскую кружечку. Перед этим тщательно её отмыв, чтобы никакого налёта!

— Зато Миранда звездит, совсем стыд потеряла! — сказала Настя. — Смотри сама!

Она достала телефон, провела рукавом по экрану, стирая невидимые пятна, и протянула Алёне.

— Я с твоего телефона сообщение отправлю? — попросила Алёна.

Про Миранду, конечно, занятно, но сейчас важнее другое.

Подруга дёрнула плечом. Алёна торопливо застучала по экрану, злясь на дурацкий Т9, который назойливо менял слова.

— Настя, уже поздно, твои родители будут волноваться!

Мама вошла без стука.

Алёна вздрогнула, телефон скользнул обратно к хозяйке.

— Да, ухожу!

Настя не удержалась, схватила ещё одно печенье, одним глотком допила чай и встала.

— Держись, подруга, — шепнула она, прощаясь. — И это... води себя хорошо. Пусть тебя простят и вернут телефон.

Алёна кивнула.

Это были самые тоскливые каникулы в её жизни. Алёна и раньше весну не очень любила. Весна всегда обещала больше, чем дарила. Но такой пропасти между ожиданием и реальностью она себе даже представить не могла!

От нечего делать она и правда взялась за книги. Прочитала всю школьную программу до конца года. Принялась за папину фантастику.

Раньше она любила читать, и папа подсунул интересное, он вообще поддерживал и развлекал её как мог, был бы ещё солидарен с ней в главном, эх! Но прочитанное не захватывало, а укладывалось куда-то сразу в архив памяти, потому что мысли Алёны были заняты другим.

Сообщение ей отправить не удалось. Хорошо хоть, Настя знает теперь её новый номер.

И Настя позвонила.

— Повезло тебе, подруга! — сообщила она. — Знаешь, как мы теперь будем учиться? Дистанционно!

— И что? — Алёна пока никак не могла сообразить, в чём везение.

— Ну ты тормоз! — возмутилась Настя. — Это значит, что тебе без компьютера никак! Поняла?

— Поняла-а! — протянула Алёна.

Новость оказалась верной и ошеломляющей. За дверями уже ругались мама с папой, обсуждая грядущие перспективы. Их ведь тоже отправили на удалённую работу.

Папа слушал. Ругалась-то мама, возмущаясь, что у неё рушатся планы, что это не жизнь — в четырёх стенах, — что такими темпами все быстро деградируют до состояния инфузории-туфельки. Про Алёну тоже говорила, но Алёна не расслышала, что именно.

Этой ночью она засыпала с чувством тревожного ожидания.

Дистанционное обучение началось с того, что рухнули разом все образовательные платформы, не выдержав массового нашествия.

Выручили соцсети. Попрыгав по впадшим в анабиоз сайтам, школа мигрировала на территорию хаоса — в «Инстаграм» или ВК.

Когда мама вошла в комнату и, увидев Алёну в чате, уже набрала в грудь воздуха, Алёна продемонстрировала ей галерею окон, на каждом из которых горело: «Ошибка № ...»

Мама ничего не сказала. У неё самой тоже что-то не ладилось на работе, с техникой в том числе.

— Вот! Вот почему я не могу работать дома! — донёсся до Алёны её голос. — Потому что ты через каждые полчаса предлагаешь мне попить чайку! Лопнуть можно!

Это она про папу, догадалась Алёна. Он-то работал в мебельном цехе, а не в офисе, у него никакой удалёнки, а просто бессрочный отпуск. Бессрочный и безденежный.

— Сам пей свой чай! — рывкнула мама.

Хлопнула дверью и скрылась в спальне. Ну, хоть можно не так напрягаться, зная, что в ближайшее время она оттуда не выйдет, будет налаживать процесс.

Алёну, конечно, учёба интересовала в последнюю очередь. Пользуясь случаем, она лихорадочно просматривала переписку того самого дня, со страхом выискивая сообщения от Кирилла.

Ни одного!

Ни одного сообщения! То же самое со звонками.

Нет, этого просто не может быть! Он что, просто бросил её? Пообещал и скрылся во мраке?

Алёна ещё раз проверила: нет, не ошиблась, сообщений ноль.

В комнату вошёл папа. Вид у него был смущённый. В одной руке он держал тарелку с бутербродами, в другой — чашку чая.

— Заяц, ты извини... Я у тебя посижу. Мама решила, раз я всё равно бездельничаю, буду присматривать за тобой. Чтобы ты занималась уроками, а не посторонними вещами. Чай будешь?

— Пап, ну какой чай? — возмутилась Алёна.

Она отвернулась.

Папа, конечно, не мама. Он, даже если и поймает на постороннем, не станет ничего говорить маме — потому что до смерти не любит всякого шума и выяснения отношений.

— Ладно, сиди, — буркнула Алёна.

Как будто это она сама решала!

Но папа ободрился, прошёл наконец в комнату. Упал в кресло со своими бутербродами.

— Я не буду мешать! — пообещал он. — Я же понимаю, у тебя учёба... Но знаешь, я тоже учиться буду! Давно хотел поставить китайский, вот тебе и время появилось!

Он вытащил смартфон и занялся приложениями по обучению иностранным языкам.

А Алёна вернулась к своим проблемам.

Кирилл откликнулся неожиданно быстро. Прислал ей скрин трикстеровской странички.

«Хей, трикстеры с вами! Пока все маются в изоляции, мы готовимся взорвать мир новым роликом! Когда всё закончится, мы будем на низком старте и во всеоружии!»

И приписал:

«Не суетись, всё в силе, просто пока поставили процесс на паузу».

«Учти, я не люблю ждать», — ответила Алёна.

«Обстоятельства сильнее нас. А угрозы — не лучший способ наладить контакт. Мы ведь партнёры?»

Алёна перебрала, наверное, пятьдесят вариантов: писала и тут же удаляла, молясь, чтобы Кирилл не догадался о её терзаниях. Она боялась перегнуть палку, но и выходить из роли «Я-знаю-чего-хочу-и-всегда-добиваюсь-своего» тоже не хотелось. Нравилась ей эта роль. И не собиралась она её никому уступать!

В итоге она ограничилась коротким «да». Не удержалась и отредактировала: «Пока да».

Алёна осторожно посмотрела на папу. Тихонько подвинула ноутбук — так, чтобы экран не просматривался с папиного места. Тот не заметил — углубился в смартфон, осваивая очередное приложение по изучению китайского. Тогда, стараясь не менять выражения лица и не делать резких движений, она соскочила на страницу Миранды, к тем самым фоткам, что пыталась показать Настя.

Алёна смотрела, и зависть тугим узлом обхватывала горло.

Галерея прекрасных моментов. Миранда, Трикстер, Агата. Миранда везде! Непонятно, то ли это фотки с того самого концерта, то ли другие. Кирилл вроде одет точно так же, хотя он всегда так выглядит.

Алёна вдруг разозлилась на него не меньше, чем на Миранду, которая выглядела непозволительно радостной. Почему они празднуют без неё? Это ужасно несправедливо!

Почему у неё ничего такого нет? Неясные силуэты и мессиво огней с выступления не в счёт. Трясущимися руками сделано, такими фотками не похвастаешь!

— Заяц, ты что там делаешь? — подал голос папа.

— Ничего, — Алёна поспешно свернула страничку.

— У тебя закончились уроки? Так я пойду?

Первый день изоляции подходил к концу. После уроков все ринулись в чат класса, обсуждать, какой это сумасшедший дом. Алёна в этом участия уже не принимала: мама забрала ноут до следующего утра.

Родители разговаривали на кухне. Алёна прислушалась.

— Нельзя так много есть! И вообще, одними бутербродами питаться — это...

— Заюш, ну что я могу поделать? — извинялся папа. — Всю готовую еду слопали, похоже.

— Да знаю я! — голос у мамы раздражённый, но хоть не кричит. — Сама что-нибудь приготовлю!

Она загремела кастрюлями, застучали дверцы шкафов. Алёна подождала немного, убедилась, что мама всерьёз занялась ужином. Прикрыла дверь и набрала номер Нasti на своём кнопочном.

— Дурацкий карантин! — та принялась возмущаться почти сразу. — Мне крёстная шмоток надарила, и куда их теперь? Никому не покажешь, весь сезон в топку!

— Фотки мне перешли с концерта, — перебила Алёна. — И видео тоже, ты обещала.

Настя помолчала.

— Ладно, — наконец сказала она. — А что мне за это будет?

— В смысле? Мы же договаривались!

— Договаривались, — проворчала Настя. — Только интересно так получается! Ты с Трикстером в фильме, у Миранды всё в шоколаде, одна я как лузер!

— В клипе, — машинально поправила Алёна.

— Да не суть! Ты поняла, о чём я.

Вот ещё проблем с лучшей подругой не хватало! Что-то она полна возмущения последнее время. Раньше такого не случалось. Алёна привыкла, что Настя не особо умна, не слишком красива, любит поворчать по мелочам. Но у каждого свои недостатки. И с Настиными ещё можно мириться. Зато она не заслоняет Алёну, она согласна быть тенью.

Согласна ли?

Так и пошло. По утрам Алёна садилась за компьютер. Папа рядом. Всё постепенно наладилось, ничего больше не зависало. Задавали много, больше, чем в реале, и спрашивали строже, и укрыться, понадеяться, что сегодня не твоя очередь, невозможно.

Учиться дистанционно оказалось труднее. Тем, кто учится, конечно. Большинство-то не озадачивалось, пользовалось скринами тестов и готовыми домашними заданиями, которые щедро сливались в чат их одиннадцатого «У». Трудились в основном одни и те же. Ирка Егорова, Женя Кудрявцева, ещё парочка отличников. Они и выкладывали ответы.

Алёна тоже работала самостоятельно, но ей как-то жалко было делиться. С кем делиться-то? С Гариком, у которого в голове, кроме мемов, ничего не умещается? Или с Иваном, который спишет и даже спасибо не скажет? Да и вообще, это неправильно: кто-то трудился, а кто-то воспользовался чужим трудом. А оценки получают одинаковые — учителя давно отчаялись найти способы разоблачения бездельников и махнули на них рукой.

Но в чат класса Алёна всё равно ходила регулярно — вдруг что-то интересное пропустишь.

Мама пыталась контролировать ситуацию, но у неё и на работе проблем хватало. Там тормозили какие-то проекты, отчего она оказалась не у дел и потому прямо места себе не находила!

— Заюш, ну посмотри, как много лишнего вы, оказывается, делали! — заметил однажды папа. — Удалённая работа удалила всё ненужное, — он засмеялся.

Каламбур был настолько неуклюжим, а папины попытки поднять настроение — настолько неуместными, что Алёне стало стыдно за него. Но мама почему-то ничего не сказала.

У мамы теперь хватало её ценного ресурса — времени. И она ещё не определилась, на что его потратить. То ли, как папа, начать изучать иностранные языки. То ли заняться ирландскими танцами. Или пересмотреть наконец фильмы из вечного списка «на потом». И пока выбирала, она готовила еду. Много еды.

Настя совсем пропала. Нет, она, конечно, появлялась на уроках онлайн, но Алёне не звонила, не писала. Да Алёна, в общем, сама не рвалась общаться. Последний разговор вышел какой-то странный.

Зато она заходила к Миранде на страничку.

И злилась! На неё и на себя — зачем смотреть, чтобы так мучиться? Пока они с Настей сокрушались по поводу бездарного коронасидения, Миранда вовсе не унывала. Обыкновенную разминку на физре умудрилась превратить в шоу! Сделала ролик и в «Тикток» выложила. Три тысячи лайков, если что.

Да разве за ней угонишься? Ведьма, настоящая ведьма! Вот она смотрит через плечо. Пьёт воду. Капелька срыгается с горлышка бутылки и падает на грудь. Миранда вытирает губы тыльной стороной ладони. Прячет улыбку. И это уже не челлендж, а магия. Не скопировать этого, не перенять!

А сегодня вообще — Алёна зашла и обмерла. Уличная съёмка, говорите? Те же места, что проходили они с Кириллом. Только Миранда ещё и Бемоля на руках держит!

Он ей Бемоля доверил! Он совсем недавно это снимал!

Алёна приготовилась терпеливо ждать, потому что карантин, изоляция, все дела. А выходит, это для неё одной? А Миранде закон не писан?

«Трикстеры» возьмут Миранду вместо Алёны, разве непонятно?

— Заяц, представляешь, — голос папы врезался в тишину, как камень в песочный замок. — Я всегда думал, что «аригато» — это «спасибо» на японском! Заяц, ты меня слышишь?

— Это «спасибо» на японском, — подтвердила Алёна, не отрываясь от экрана.

— Стоп! Я же китайский изучаю. Или нет?

Алёна повернулась. В голове шумела песня «Трикстера», та самая, про ведьму, но дальше вступления не двигалась — слова забылись.

— Это японский, пап, — сказала Алёна, разглядев иконку приложения: красный круг на белом.

Страна восходящего солнца. Как можно перепутать?

— Ой-ё! — спохватился папа.

— Ну ничего, ещё и японский будешь знать, — через силу улыбнулась Алёна.

Выскочить из дома по уважительной причине — вроде в магазин. Тут же забыть про магазин, потому что мука, имбирь и сельдерей — это что-то из области внезапного маминого увлечения, но не Алёниной жизни.

Она неслась по улице, слегка полинявшей за зиму. Снега в этом году не случилось, поэтому сейчас не хватало тающих островков, сверкающих потоков, мокрого асфальта. Как будто она всё пропустила! Как будто у неё украли весну!

Алёна остановилась, добежав до места, где в прошлый раз распрощалась с Кириллом. Здесь мог бы быть скверик — место открытое, солнечное, вон уже пробивается бойкая свежая травка. Но территория почему-то оставалась необжитой. Может быть, из-за бетонной гряды, которая раньше служила скамьёй, пока с неё не исчезли дощечки для сидений. Кирилл находил грядку живописной, но больше она никому не нравилась.

Алёна растерялась. Почему-то дома ей казалось, что она легко сориентируется на месте и отыщет Кирилла. Он тогда махнул рукой — вон там мой дом. Но в той стороне начинались промышленные здания, там люди вообще, кажется, не живут.

Глупая ситуация, глупее не придумаешь. Но что делать, если телефон Кирилла молчит вторую неделю, а Шанс становится призрачнее облака, вероломнее, чем весенний лёд.

И тут она замерла.

Шанс, конечно, не материализовался. Но повернулся к ней, полыхнув знакомыми жёлтыми глазами.

Боясь поверить в такую удачу, Алёна позвала очень тихо, почти беззвучно:

— Бемоль!

Разумеется, это он! Разве его можно с кем-то спутать! Кот тыкался мордой в выросшую травку, вдумчиво и неторопливо. Он не стал кокетничать и делать вид, что

не слышит, а поднял голову и посмотрел на Алёну. Она в это время вертела головой, отыскивая хозяина. Но нет, кот гулял в одиночестве.

— Бемолечка!

Она бы его схватила, но вовремя поняла, что это не лучшее приветствие для малознакомого кота. Она же не Миранда!

Бемоль закончил с травой, дёрнул хвостом, прыгнул на бетонную уродину и приземлился с другой стороны.

Алёна ринулась за ним, прямо через бетон, хотя могла бы обойти.

Кот потрусил, не оглядываясь. Алёна следовала за ним, стараясь не слишком приближаться. Кот исчез в узкой арке между домами. Алёна помедлила и нырнула следом. Хочешь добраться до Страны чудес — доверяй Белому кролику! Или чёрному коту. У каждого свой проводник.

Проводник между тем сорвался с места и припустил огромными скачками. Но долго бежать не пришлось — только до крайнего подъезда. Здесь имелся домофон, но дверь почему-то была открыта, и кот, по-видимому, иного не ждал. Он снова обрёл степенность и шагом направился к двери на первом этаже, которая уже открывалась ему навстречу.

На пороге стояла Миранда.

— Ты что здесь делаешь? — удивилась Алёна.

— Живу.

— А Кирилл?

— Тоже.

— Вы... вместе?

Миранда улыбнулась.

— А как же клип? — упавшим голосом произнесла Алёна.

— Да никак! — отрезала Миранда. — Спустишься на землю, Васнецова! Праздник отменяется! Видели мы твой компромат. Попытка засчитана, но — ничего особенного.

— Где видели?

— Угадай!

— Настя слила?

Миранда кивнула.

— Выбирай подруг получше, ладно?

— Таких как ты? — не сдержалась Алёна.

Миранда усмехнулась. Взялась за ручку двери, потянула на себя.

— Да нет, я не претендую. Иди домой, Васнецова! Изолируйся.

Удивительно, но она ничего не забыла купить. Ни муку, ни имбирь. Ни даже любимый йогурт. Хотя мама его не заказывала, а Алёна сейчас меньше всего думала про еду.

Когда она подходила к дому, ей встретилась компания мальчишек лет девяти-десяти. Они катили перед собой огромный шар из железных прутьев. Где только такой

нашли! Мальчишки шумели, хохотали, с явным удовольствием сквернословили. Алёне вдруг захотелось с ними — ругаться, и орать, и пинать этот несуразный шар. Но ребята посмотрели на неё презрительно и помчались дальше.

Она уселась на ступеньки собственного подъезда, открыла йогурт и выпила его весь — без удовольствия, заглатывая и давясь. Потом подобрала пакет с продуктами и поплелась наверх.

— Ты что так долго? — мама выглянула из двери кухни.

Там что-то шкворчало, но тянуло почему-то травяным чаем.

Алёна прошла к себе. Ноут стоял закрытый. Никто его больше не отбирал, но радости по этому поводу Алёна не чувствовала. Он перестал быть для неё окном на свободу и превратился в источник тревог или бесконечной работы. Занятия, опять занятия, обсуждения занятий...

Этот мир явно устроен неправильно. Несправедливо. Ты не получишь ни одной своей радости, если будешь только честно желать и честно просить. Капитаны всегда выбирают тех, в чьих глазах скрыт зелёный ночной огонь. Он неверен, зато заманчив, и как может соперничать с ним обычная нежность? Нежным остаётся только уступить. И молиться, чтобы ведьма не разлюбила капитана, чтобы хранила его от бурь и чужого оружия.

Тебе ничего не светит, если ты не чертовка. Если не умеешь плевать на все законы с той высоты, куда сможешь взлететь. Или запрыгнуть.

Папа позвал ужинать.

— Чашушули! — объявила мама, ставя на стол блюдо с дымящимися мясными кубиками. — Грузинская кухня.

— М-м! — папа потянул носом и в упоении закрыл глаза. — Мне добавки! Сразу!

Он принялся накладывать чашушули на тарелку, но сначала не себе, а Алёне.

— Попробуй сначала, — засмеялась мама.

— Чего пробовать? Я уверен, что вкусно! Мясо и помидоры — что тут можно испортить?

Кубики мяса перестали уместаться в тарелке, и только тогда папа перестал подкладывать Алёне еду. Она взяла вилку и запихнула в рот первую порцию. Горячо. Остро. С солью перебор. Из мамы кулинар, как из Алёны... актриса!

Но Алёна протыкала вилкой податливые кусочки мяса, жевала, глотала. Некстати вспомнилось, что на съёмках актёры выплёвывают еду. Иначе они получили бы растяжение желудка, после двадцати-то дублей.

— Нравится? — спросила мама.

Папа рявкнул что-то с набитым ртом. И замахал рукой, порываясь объяснить.

— Да поняли мы уже, что ты восхищаешься на японском!

— У каждого свои увлечения! — отбился папа.

— Алёна?

В голосе мамы зазвучала тревога. Потому что Алёна уронила вилку и запустила пальцы в тарелку. Она

выбирала мясные кубики, выкладывала их рядом на скатерть. Вокруг расплзались жирные пятна. А в рекламе мясо ненатуральное, это всего лишь муляж из воска или пластика. Вот зачем эти знания, если ей даже в рекламе сниматься не светит?

Мясо кончилось. Алёна замерла, растопырив пальцы, окрашенные рыжей подливой. И с силой ткнула лбом в столешницу.

Ей снилось, что она меняет обувь. Снимает старые ботинки и надевает новые, удобные. Она обрадовалась, что ботинки сразу оказались по ноге, как будто привычные, ношенные. Ботинки должны служить долго — во сне её ждал длинный путь.

Алёна открыла глаза. Сон моментально улетучился, не оставив после себя того удовольствия, которое Алёна испытала.

Солнце светило необычно ярко. Проспала, равнодушно подумала она. В кухне происходила какая-то возня. Тихая, правда, — ровно такая, чтобы обозначить, что здесь кто-то живёт и проснулся раньше.

Алёна приоткрыла дверь. Папа сидел у окна, мама за столом, перед горой теста, на том самом месте, где Алёна пыталась головой пробить стол.

— Сегодня выходной? — голос звучал хрипло, сорванно.

Она же вроде не кричала?

Родители встрепнулись. Мама вцепилась в тесто как в спасательный круг.

— У тебя да, — сказал папа. — Я позвонил Марине Петровне, сказал, что тебе нужно отдохнуть.

Мама молчала. Пальцы её разминали огромный комок, расположившийся в широкой зелёной миске.

— Куда так много? — кивнула Алёна.

— Я и не хотела так много, — сказала мама. — Просто никак не угадаю с пропорциями. Получается то жидко, то наоборот. Вот и...

— Понятно, — Алёна тоже ткнула комок пальцем. — К психологу меня уже записала? Они теперь онлайн консультируют. Или сразу к психиатру?

— Никаких психологов! — громыхнул папа, Алёна даже вздрогнула. — Никаких психиатров! Сами справимся! Просто надо взять тайм-аут. Как маме. Видишь, какая она счастливая. Дома сидит, пироги печёт.

— Скоро в дверь не пролезешь с пирогами своими, — проворчала мама.

— Ну... да. Есть такое, — папа с сомнением оглядел свой живот.

Мамины пальцы всё мяли и мяли чавкающую массу.

— Да оставь ты в покое эту гадость! — не выдержала Алёна.

Мама прекратила терзать тесто, обеими руками подняла расплзавшийся комок и выбросила его в мусорное ведро.

— Тайм-аут, заяц, — повторил папа, дождавшись, когда за мамой привычно захлопнется дверь спальни. — Ничего. От этого не умирают.

Алёна присела на табуретку. Она пока не осознавала: это её просто обошли или она вообще сошла с дистанции? Что из этого хуже, она тоже не понимала.

А может, нет в этом ничего страшного? И иногда можно посидеть у запасного выхода, пока все душат друг друга у парадного? Папа прав, от этого ещё никто не умер.

Алёна отодвинула зелёную миску. На скатерти остался мучной след.

Он был похож на солнце.

СОУЛМЕЙТ

«Ледяной якорь», «пасть дракона», «паучья кость», даже заурядная мышеловка. Ну, это очень смешно! Всё равно что ловить воздух ладонями. Или попытаться наступить на солнечное пятно.

Я отсмеялся, вытер слёзы и тщательно обезвредил все ловушки.

Мышеловку, впрочем, оставил. Кто-нибудь обязательно попадётся, и жестокие зубы сомкнутся на несчастной легкомысленной тушке.

А ничего! Ловушка устроена так, что одним мощным ударом перебьёт позвоночник.

Некрасиво, конечно, но долго мучиться не придётся. Жертве вряд ли будет больнее, чем мне.

Боль не позволила вспомнить о ней просто так. Виски пронзило ледяной иглой, дыхание перехватило. Я замер, не в силах двинуться дальше. Но беспощадная Тварь, подцепившая меня на крючок, наблюдала за происходящим, она видела дальше, чем я, и знала, когда безопасно напомнить мне о том, кто здесь настоящий хозяин. Ощутимо, но без вреда.

Боль ушла так же внезапно, как и появилась. Я продышался и двинулся вперёд. Очень хотелось думать, что по своей воле.

Женя откидывается на спинку кресла и прикусывает большой палец. Она вроде бы видит эту сцену — всю в рваных и ломаных линиях, лаконичную и насыщенную одновременно. Два или три цвета, не больше. Минимум деталей. А, ну да, и не выбиваться из общего стиля арки.

Хотя стиль Жене наскучил, она бы не прочь что-то поменять.

PoV Гермес...

Однако он очень самонадеян, этот болван, что следовал за мной. Он думал, я не замечаю, как он скользит вдоль замерших домов, стараясь держаться в тени. А я, конечно, делал вид, что не замечаю.

Настоящий болван — он даже оружия с собой не взял.

Я свернул на одну из улиц и хотел притаиться за углом. Но потом мне понравилось высокое парадное крыльцо ближайшего дома. Я представил, как лихо можно спрыгнуть с верхней ступени на этого горе-охотника и свернуть ему шею прямо на лету.

Взбежал по лестнице и опять передумал. Вместо того чтобы замереть в засаде, зачем-то прошёл внутрь.

Дом был мёртв, как и все остальные дома. Нет, никаких следов разгрома: мебель стояла почти нетронутая, в углу собрались в кучу мягкие звери, на широком столе — книги и детские рисунки. Но тлен уже проник в это гнездо: стёкла ссыпались на подоконник, здесь же, на подоконнике, чернели тушки дохлых насекомых, потолок пошёл трещинами, а на полу валялись листья, перья, другой мусор, занесённый снаружи случайным ветром.

Лучше бы сгореть этому жилищу, чем вот так медленно умирать, лишившись хозяев.

Я подобрал с пола упавший рисунок. На нём было изображено дерево с богатой листвой и висевшими на ветвях большими плодами. Плоды напоминали планеты, а ветви не вмещались

в картину и уходили за её грань. Я подивился фантазии человеческого детёныша, потом смял бумагу и бросил на стол.

Надо признать, он умел двигаться, мой преследователь. Он подобрался почти бесшумно и теперь стоял у меня за спиной. Если бы не Тварь, мы были бы почти на равных. Но Она наделила меня нездешним зрением и звериным чутьём, и он просто не мог остаться незамеченным.

Тварь разрешала мне играть. Наверное, ей самой это нравилось.

Ударить не оборачиваясь. Повалить одним броском и сомкнуть руки на шее. Только пусть подойдёт поближе...

— Я так и знал, что ты придёшь сюда.

Нет, не слова заставили меня вздрогнуть и обернуться.

Голос.

Тот, кто их произнёс.

Женя читает, забыв обо всём. Она давно ждала, когда Гермес встретится с Икаром.

Они с детства друзья, но это не помешало Икару отречься от него, как отреклись остальные. Женя понимает, что это справедливо, что Икар хороший, а Гермес чудовище и он заслужил такое к себе отношение. Но ей всё-таки немного жаль Гермеса.

Над этим фанфиком Женя работала давно и с удовольствием. И не то чтобы это был её любимый фандом (теперь-то любимый, да!). Что-то в самом тексте зацепило.

Иногда такое бывает — и словами не объяснить, где они, точки сближения, в каких таких особенных словах. Букв всего тридцать три, совершенно непостижимо, как они складываются в таинственный код, понятный только соулмейтам.

Больше года. Женя сама удивилась — больше года прошло с того дня, как она открыла страничку неизвестного тогда фикрайтера. И сделала фан-арт к первой главе.

А потом Флегматичный Огрызок — так он (или она) значился на «Фикбуке» — ждал уже иллюстрацию к новой главе. И Женя вливалась в продю смелыми штрихами, обмирая, читала восхищённые комментарии к их тандему и чувствовала себя настоящим художником.

Пожалуй, это уже можно назвать отношениями.

Соулмейт, правда, не особенно баловал комментариями, а в сообщениях осторожничал, так что Женя ничего не знала о его личной жизни. Может, так и лучше: ведь от неё тоже никто не требовал откровенности.

Соулмейт, несомненно, личность выдающаяся, возможно даже, это взрослый человек с солидным бэкграундом и уж точно с богатой и смелой фантазией. И что могла ему рассказать о себе старшеклассница Женя Кудрявцева, девочка-невидимка?

Приходится, однако, оторваться от любимых буковок. Через полчаса дистанционный урок, а ещё успеть бы сделать пару заданий.

Женя вздыхает и раскладывает тетрадки.

И тут звонит мобильник.

Она слышит настойчивое пение, мечется в поисках, но ответить не может. Телефон спрятался где-то в книжных завалах.

Женя с досадой пинает кучу книг, сложенных на кровати, и они друг за дружкой скользят на пол — как в аттракционе.

Телефон затихает. Женя, чуть не плача, продолжает поиски. Если это мама, то вечером не миновать выяснения отношений.

Мама звонит в редкие свободные моменты, и это надо понимать. Необходимо взять трубку и ответить. Потому что в следующую секунду мама снова помчится работать, и перезванивать ей бесполезно.

Вот он, телефон.

Женя торопливо включает экран, но не успевает ничего увидеть. Телефон будто взрывается в её руках.

— Ты чего трубку не берёшь?

Женя слышит голос Милы, и её отпускает. Настолько, что она не сразу понимает, что ей говорят.

— Чего ты молчишь, тормоз юный?

Мила орёт и, видимо, злится. Но звук тихий. Как будто издалека.

— Я тебе же... мать... не слышишь...

Теперь ещё и паузы. Что-то со связью?

— Мил, давай позже! — Женя тоже кричит в трубку. словно нестабильную связь только так и можно компенсировать, таким вот громким голосом. — Мне сейчас некогда!

Молчание. То ли Мила вняла просьбе, то ли связь вообще пропала.

Женя смотрит на часы. И правда некогда. До урока пятнадцать минут, задания так и не сделаны, ещё и в комнате теперь бардак. Пока искала телефон, всё перевернула вверх дном!

— Простите, Мариночка Петровна. Одну минутку, Мариночка Петровна, — бормочет Женя, выхватывая из шелестящей кучи нужное, собирая в горсть разбросанные карандаши, пинком отправляя под кровать запасной рюкзак и краем глаза поглядывая на монитор.

Она спешно пытается навести порядок, хотя, наверное, стоило бы заняться задачками по биологии. Комната что? Повернул камеру в другую сторону — и груда книг на полу, и клубок из одежды и скомканные покрывала остались вне зоны видимости.

До Жени это наконец доходит. Да, она и правда тормоз, Мила не преувеличивает.

Она надеется, что Марина Петровна опоздает минут на пять.

Но звук вызова раздаётся даже раньше времени.
Женя кидается к ноутбуку и обмирает.
Это не Марина Петровна.

— Ну что, деточка, поговорим про вирусы. Актуальная сегодня тема, не так ли?

Так начала Бронислава их последнее очное занятие.

Женя кивнула. Она, как всегда, жутко смущалась. Из-за «деточки», которая, впрочем, в устах Брониславы звучала совсем не ласково, а скорее с жалостью; из-за того, что ей, как всегда, хотелось чихнуть от Брониславиного парфюма — наверное, изысканного, но для Жени совершенно непереносимого.

А ещё она думала о том, что под ногами у неё рюкзак и надо бы с ним поосторожнее. Там спрятался нарядный пакет. Мама настояла: дорогие конфеты, кофе и орехи макадамия — скоро Восьмое марта, репетшу надо поздравить. Женя пыталась сопротивляться, но маму разве переспоришь?

Бронислава наверняка выше всего этого.

Пани Збаражская Бронислава Казимировна. Потомственный биолог, доктор наук, преподаватель университета и старая аристократка. Вот какой у Жени репетитор по профильному предмету!

Хотя «старая» — это не про неё. Бронислава, конечно, пожилая. Сильно пожилая даже. Но она так держится и разговаривает, что никому в голову не придёт вспомнить

в её присутствии о каком-то там возрасте. Женя чувствует себя маленькой тростиночкой рядом с красивым вековым деревом.

Они занимались в просторной аудитории университета. Женя всё время думала, как она будет вручать подарок, не явится ли в этот момент кто посторонний, мучительно краснела и оттого была совсем рассеянной. Бронислава в ответ на промахи ничего не говорила, только вздёргивала свои аристократические брови.

Точно так же она их вздёгнула, когда Женя протянула ей пакет.

— Что это?

— Подарок. Вам. К Восьмому марта.

— Сегодня не Восьмое марта, — заметила Бронислава. — И вообще, деточка, это лишнее.

— Нет, возьмите, возьмите, пожалуйста! — взмолилась Женя.

И тут дно пакета провалилось, банка грохнулась, а круглые орехи бодро запрыгали по глянцевому полу в разные стороны.

— Ой, простите! Я сейчас всё уберу!

Женя чуть не плакала. Она попыталась прямо руками сгрести оставшиеся орехи в пакет, совершенно забыв, что он теперь негодный.

— Не надо, оставь уборщикам, — брезгливо произнесла Бронислава. — Я же сказала, что это лишнее.

И тут произошло то, чего Женя больше всего боялась. Кто-то открыл дверь и остановился на пороге. Чувствуя себя как в огне, не смея взглянуть в лицо вошедшему, Женя выскочила из аудитории.

Короче, потом она плелась домой с этим пакетом и с конфетами, которые в панике не заметила, как уволокла с собой. Её всё ещё преследовал ванильный запах макадамии, а Женя ненавидела себя и думала, что же она скажет маме.

Вон она, коробка конфет, спряталась на полке, в пространстве между книгами и задней стенкой шкафа. Можно их съесть, конечно, но Женя не смеет.

Так вот, это Бронислава звонит.

После того занятия Женя её больше не видела. Перестала ходить к ней. Родителям она об этом сказать не решилась. Но мама, видимо, перечислила оплату за месяц — как он так быстро пролетел-то! — и у пани Збаражской возникли вопросы.

Тут в третий раз подаёт голос телефон. Как нарочно!

— Женя, что с мамой? — неожиданно отчётливо произносит Мила.

— А что с мамой? — переспрашивает Женя.

У её уха телефон, перед глазами ноут. Она слушает Милу, но смотрит на экран. Отклоняет вызов Брониславы. Всё равно она не знает, что ответить.

— Алло! Алло!

Это уже Миле. Но на этот раз в трубке застыла тишина настолько плотная и основательная, что уши закладывает.

Мама у Жени врач. Главный пульмонолог центральной больницы. Она спасает людей. Сейчас тех, кому нужно спасение, стало в сотни раз больше.

Женя тоже будет врачом. Так мама решила.

Когда пришло время определяться, она так и заявила:

— Пойдёшь в мед!

Женя немножко удивилась. Она вспомнила, как мама всегда ругала свою работу, как приходила домой полумёртвая от усталости, даже ещё до наступления пандемии. Как проклинала уродскую систему здравоохранения, вековую бюрократию, нынешних недоучек-врачей, бестолковых интернов, а главное — тот день, когда она выбрала профессию...

— А ты думаешь, жизнь состоит из удовольствий? — удивилась мама. — Легко только кошки рожают. И то не всегда. Привыкай.

И Женя стала привыкать. К ежедневным дополнительным занятиям — готовиться надо как можно раньше, чего тянуть? К мысли о том, что по окончании школы её ждёт медицинский вуз. Один из медицинских — мама ещё не определилась какой. Хорошо бы тот самый, что окончила она сама, но он был в другом городе, а мама боялась отпустить Женю далеко. Она её даже в Петербург

в поездку с классом не пускала. Хотя в итоге поездка со-
рвалась из-за пандемии, но всё равно обидно — Женя
очень хотела! Что уж говорить про учёбу!

Можно побороться, конечно. Но проблема в том, что
Женя и возразить-то не может ничего конкретного. Мама
так и спросила бы:

— Ну хорошо, и что ты предлагаешь?

И Женя ничего не предложила бы. Как объяснить, что,
кроме комиксов, артов и аниме, тебе в принципе ничего
не интересно?

В жизни действительно оказалось мало радости.
Сплошное преодоление, испытание и чувство долга. Толь-
ко так можно стать взрослым ответственным человеком.

Женя зубрила математику, химию и биологию. И за-
полняла тетрадные поля изображениями чумного док-
тора, безумного психиатра и других экзотических персо-
нажей истории медицины. Однажды, забывшись, даже
в тетради для контрольных работ нарисовала. Хорошо
ещё, не совсем треш, что-то безобидное.

Когда совсем уж уставала от формул и задач, отпра-
влялась на любимый «Фикбук».

К Гермесу.

Ужасный перс на самом деле! Женя не уставала пора-
жаться его цинизму, осуждала за то, что он никого не лю-
бит и думает только о себе — а так разве можно?

Но продолжала неумоимо множить эскизы в школь-
ных тетрадках. Вот он похищает Пояс Силы из-под носа

циклопа Бергамота. Отчаянно рискует, добровольно становясь приманкой для Искристого Дракона. Между прочим, в результате спасает целое племя северных людей, больше тысячи человек! Случайно, конечно. Все его добрые поступки вызваны случайностью.

Женя с грустью думала о том, что в её жизни ничего подобного не будет никогда! Да и не заслуживала она такой жизни, прямо говоря.

Экран ноута снова мерцает — ответственная Бронислава настаивает на общении. Звук вызова предусмотрительно отключён, но Женя слышит его у себя в голове. Вызов длится долго — как только у Брониславы терпения хватает!

Женя думает про репетшу почти с ненавистью.

Всё. Отключилась. Скорее всего, больше не позвонит. Пани Збаражская не из тех, кто навязывает своё общество другим.

Женя не выдерживает, набирает маму. Сама. Мама не отвечает, но Женя и не ожидала, что ответит. Она нажимает голосовое сообщение, говорит, что бросила занятия с Брониславой и вообще не хочет связывать своё будущее с медициной. Сколько можно решать за неё!

Закончить. Отправить. Всё.

Потом набирает Милу. После такого отчаянного поступка она ещё не в себе. Пальцы не слушаются, правильный контакт высвечивается с третьего раза. Но абонент

не отвечает. Ни занят, ни вне зоны, ничего. Прежняя разрывающая уши тишина.

И снова звонок. На этот раз от Марины Петровны. Урок-то давно закончен!

— Женья! С тобой всё в порядке?

— Да. Извините, что пропустила. У меня тут...

— Я знаю, знаю! И тоже волнуюсь. Мы все волнуемся, — перебивает Марина Петровна. — С мамой всё хорошо?

— Да, — растерянно откликается Женья.

— Ну, я рада. А вообще, конец света! Совсем озверел народ. Береги себя!

И Марина Петровна облегчённо вздыхает.

После звонка Женья несколько минут сидит неподвижно.

Потом идёт смотреть сайт новостей.

Марина Петровна тоже преподаёт биологию. Но не в университете, а в обыкновенной школе, где учится Женья. С ней Женья не чувствует себя моллюском и ничтожной «деточкой». Ошиблась? Ничего. Забыла? Вспоминай, не страшно. И Женья исправляется, вспоминает, догадывается, находит ответ.

Она бы и дополнительно занималась с Мариной Петровной, но мама упёрлась в Брониславу, считает, что она лучше.

Про Марину Петровну и слышать не хочет. Поджимает губы, когда Женья о ней заговаривает, даже случайно.

Женя учится в одиннадцатом «У». У — значит «универсальный» Это профиль такой, у них в старших классах разделение: «Г» — гуманитарный, «М» — математический, «И» — иностранный. И вот универсальный. Вроде как разносторонний, но на самом деле — никакой. Сюда попали в основном те, у кого нет талантов ни в «И», ни в «М», ни даже в «Г». Или те, кто в своё время не смог определиться, что хотел бы изучать в старших классах. Вот и Женя тоже. Мама, когда узнала, ох и ругала Женю!

— Ну и будешь всю жизнь с отбросами общаться! — сказала она, когда вернулась из школы — ходила туда, чтобы перевести её на другой профиль, но сделать ничего уже было нельзя.

Но это ведь неправда! У них есть очень даже способные ребята! Ирина Егорова, например: такие пишет сочинения и статьи, гэшки обзавидуются! Или Игорь, он же артист прирождённый!

Но мама не верит. Она вообще относится с подозрением ко всем, кого Женя хвалит. Стоит о ком-нибудь сказать хорошо, мама тут же отыщет изъян. Или придумает.

Женя раньше спорила, доказывала что-то. Потом перестала. Себе дороже. Теперь она просто не рассказывает маме про тех, кто ей по-настоящему нравится.

Но про Марину Петровну молчать не получается. Она же у них не только преподаватель биологии, но ещё и классный руководитель.

Вот, кстати, мама считает, что никуда не годная классная. Дисциплину держать не умеет. За успеваемостью не следит. Рассеянная — даже электронный журнал вовремя заполнить не может.

Это неправда.

Всего один раз, в каком-то допотопном десятом классе, Марина Петровна забыла вовремя выложить ДЗ. Мама до сих пор вспоминает.

Хотя с дисциплиной у них и правда беда. Марина Петровна просто такая... Не умеет быть жёсткой.

Так нельзя. Это даже Женя понимает. Марина Петровна, даже когда учеников отчитывает, будто не требует, а просит. И видно, что ей ужасно неудобно ругать человека.

Вот поэтому все думают, что могут Марине Петровне указывать. И родители, и другие учителя.

Однажды Женя слышала, как её отчитывает завуч.

Марина Петровна трубку рукой закрыла и отошла по-дальше, но завуч так орала, что Женя почти всё слышала.

Она ругала Марину Петровну за то, что та допустила всех желающих выпускников до экзамена по биологии. Даже тех, кто на пробниках набирает балл ниже среднего.

— Но как же я могу им запретить? — возражала Марина Петровна. — Они же готовятся, у них же планы...

— У них планы, а у нас показатели! — настаивала завуч. — Низкие, ниже, чем в области! Готовятся, говорите? Разве так надо готовиться? Да что это за врачи будущие, с такими баллами!

— Они же не только в мед собираются. На психологов...

— И психологи такие же! — отрезала завуч. — В общем, Марина Петровна, делайте что хотите, убеждайте, запугивайте, гипнотизируйте, но чтобы в списке на экзамен я этих неудачников не видела!

Женя изо всех сил делала вид, что ничего не слышит.

А Марина Петровна отошла к окну и украдкой смахивала слёзы.

Ничего она никому запрещать не будет, это ясно. И одиннадцатый класс отстоит, даже с их низкими показателями. И ничего она не слабая. Просто вот... теряет перед грубостью.

Женя её понимает.

Это шутка какая-то. Такого не бывает. Они же не в книге и не в кино!

Жене холодно, она тянет на себя покрывало, набрасывает на плечи как придётся.

В центральной больнице какой-то сумасшедший в ярости ударил по аварийному щиту с электропроводкой и обесточил часть больницы. Электричество быстро восстановили, психа обезвредили, но что-то там произошло с системой. В результате вся медицинская техника сбила, в том числе жизненно важные сейчас аппараты ИВЛ. А ещё оказались заблокированными двери герметичных боксов. И коридора тоже.

Четвёртый этаж. Мамина пультмонология.

Женя столько раз бывала у мамы на работе! Но теперь больница кажется ей каким-то страшным местом, эпицентром техноапокалипсиса. Женя отгоняет фантастические видения, старается мыслить по-взрослому. И ей представляется, как люди, запертые в коробке, страдают от нехватки воздуха, от жажды и тесноты, криками сводят друг друга с ума. А вдруг там не только двери заклинило, а ещё и приборы под напряжением, и кто-то неосторожно касается, скажем, дверной ручки...

Нет, так ещё страшнее!

И вдруг её словно молотом бьёт.

Сообщение!

Она представляет, как мама берёт телефон, отходит в сторону, чтобы прослушать голосовое без помех, подносит телефон к уху...

Нет, то, что она услышит, ну никак не годится в качестве слов поддержки!

Женя лихорадочно листает ленту... Не прочитано ещё!

На секунду она замирает. С горечью думает о том, что красиво и решительно повернуться спиной к судьбе не получилось. Судьба придавила её лапой и выпустила когти, демонстрируя, что Женя — пленница, заложница. Таким, как она, нельзя бунтовать. Мир держится на таких, как она.

Несправедливый, прямо скажем, мир.

Женя, по обыкновению, закусывает большой палец — и бьёт пальцами по экрану.

Вы хотите удалить данное сообщение?

Ок.

Ок второй раз.

Женя успевает заметить: что-то не так. Но пальцы оказываются быстрее, и, только когда злосчастное голосовое уничтожено, до неё доходит, что именно.

Удалить для всех?

Проклятая привычка чистить чат! У неё на автомате стоит команда просто «Удалить».

Женя скулит и сползает по стенке.

Она не боялась ночевать одна во время маминых дежурств. Зато не могла заставить себя в одиночку прийти в школьный буфет и купить какой-нибудь пирожок или бутылку воды.

Однажды она почти час простояла в холле маминной больницы, подглядывая за теми, кто подходил к кофемашине, потому что очень хотела купить себе кофе, но не знала, как работает аппарат.

Потом наконец решилась, подошла. И у неё, может быть, всё бы получилось. Но прямо за её плечом пристроился какой-то парень, который тоже, видимо, соскучился по кофе.

Парень был смешной, кудрявый и ушастенький, одет в белый халат с криво висящим бейджином. Интерн,

кажется. Он беспрерывно зевал. Поймал Женин взгляд, улыбнулся. Так хорошо, приветливо, без всякой насмешки.

А Женя занервничала, отвернулась, потянула из стопки стаканчик, вытянула сразу три.

— Помочь? — спросил парень.

Женя затрясла головой, устроила стаканчик в нужное место, ткнула в какую-то кнопку, забыла закинуть монетку, закинула монетку...

Дальше она помнила плохо. Кажется, все три стаканчика покатались по полу, дымящаяся карамельная струя полилась мимо, а Женя рухнула на пол прямо возле ненавистного аппарата.

Смешной интерн перепугался. Он больше не улыбался и не зевал. Опустился на колени рядом и что-то кричал, и ещё подбегали люди и тоже что-то кричали, Женя не разбирала.

А потом она сидела рядом с мамой, и мама обнимала её за плечи и укачивала как маленькую. Пахло ванилью и лекарством. Ванилью — от стаканчика с горячим шоколадом, мама держала его в руках и время от времени давала Жене отхлебнуть.

— Ты просто устала. Бывает, — повторяла она.

Шоколад остыл и был невкусным, но кофе вреден девочке Жениного возраста, да ещё такой легковозбудимой.

— Что делать, бельчонок, привыкай. Всё достаётся тяжким трудом. Только так. Ты ведь не хочешь стать такой, как наша Мила?

Женя глотала отвратно-тёплый шоколад. У неё не было сил сказать, что она, может быть, как раз этого и хочет.

Быть как Мила.

Мила — Женина тётка, младшая мамина сестра.

Когда-то она тоже поступила в медицинский институт. И даже проучилась там полтора года. А потом заскучала, заявила: «Это не моё!» — и забрала документы на кануне сессии.

Фразочка Милы. Она повторяла её в решающие моменты своей бурной и непутёвой жизни.

— Это не моё! — произнесла она, покидая тёплое кресло референта одной солидной фирмы, куда её устроила подруга.

— Это не моё! — сказала как отрезала, уходя от мужа с чемоданом в одной руке и хнычущим свёртком — в другой. — Он зануда, — объяснила она, сидя на кухне у сестры.

Она ела абрикосовое варенье столовой ложкой, кормила грудью пятимесячную дочь Елизавету и абсолютно не чувствовала себя виноватой.

— Тебе ребёнка растить! Одной! — выговаривала Женина мама.

— Ты же растишь, — Мила облизала ложку и улыбнулась. — Тоже без мужа. И ничего.

— Это другое! — возразила мама. — Я не смогла жить рядом с ленивым и безвольным человеком. А ты?

Мила осторожно переложила засопевшую дочку на другой локоть. Застегнула блузку.

— По сравнению с тобой все ленивые и безвольные, — заметила она.

С тех пор её дочь Лизка выросла. Мила зарабатывала изготовлением тортов на заказ. Получалось здорово, но не то чтобы очень доходно.

Мама вроде бы махнула рукой на убогую сестру — пусть живёт как хочет! Но время от времени принималась её ругать. Или приводила Жене как дурной пример.

Но Женя не проникалась. Втайне она завидовала всему, что мама считала непростительно легкомысленным. Тому, что Мила способна, например, предложить Лизке прогулять школу — потому что «погода хорошая» и «пятый класс — не выпускной». Тому, что она может уволиться из своей кондитерской и мотануть на всё лето в какой-нибудь Кисловодск. Что в любой момент способна сказать «Это не моё» и решительно повернуть свою жизнь в другую сторону.

Наплакавшись, Женя подходит к окну.

Снаружи темнеет. Она провожает взглядом тонкие облачка, тающие над крышами многоэтажек. Звонит Миле (с тем же успехом), думает, что надо бы извиниться перед Брониславой, решает, что пока обойдётся, и отправляется к последним новостям.

Теперь все говорят — крайним. Женю это раздражает. «Крайний герой». «Крайний из могикан», ага! Но сейчас она и сама боится слова «последний». Даже когда оно звучит только в голове.

Сердце стучит так, что хочется достать его, сжать руками и утихомирить.

Человека, раскурочившего проводку, отпустили на поруки родственников. Он оказался не таким уж психом. Просто неделю провёл в больничных коридорах, почти не спал, ждал, когда жену переведут из реанимации в общую палату.

И не дождался. Вирус косит не только пожилых.

Вообще-то псих, конечно. При чём здесь остальные? Ни врачи, ни другие больные не виноваты. Каждый день кто-то умирает, кто-то выздоравливает.

Но Женя почему-то не осуждает этого человека. Злит-ся на него, но не осуждает, нет.

В комнате уже совсем темно. Только экран ноутбука светится. Как портал.

Стук в дверь отзывается грохотом лавины. Женя вскакивает с места и мчится в коридор, но перед самой дверью замирает.

Стук повторяется снова, на этот раз из-за двери подают голос:

— Открывай, чудище!

Женя бросается навстречу Миле так стремительно, что не даёт войти, и обе стоят на пороге: Мила — растопырив руки и придерживая дверь, Женя — уткнувшись ей в плечо.

— Ну хватит уже. Чего ты! — Мила отрывает Женю от себя, и они наконец ступают из тёмного подъезда в квартиру.

— Ты почему не перезвонила? — набрасывается на тётку Женя.

— Телефон сдох, — отзывается Мила уже из кухни, где гремит кастрюлями и что-то роняет на пол. — Есть что-нибудь глотнуть? В горле пересохло. И засвети уже фонарик какой-нибудь, сколько можно в темноте.

Женя щёлкает выключателем. Кухню заливают светом.

— Опа! — Мила зажмуривается. — А я думала, здесь тоже электричество отключили.

— Здесь не отключили, — произносит Женя.

Они смотрят друг на друга и думают об одном и том же.

Мила не выдерживает.

— Идём! — командует она.

— Куда?

— В больницу, конечно!

— Что мы там будем делать?

— Не знаю. Что-нибудь. Двигаться легче, чем ждать.

Женя всхлипывает.

— Это из-за меня...

И вываливает на Милу сразу всё: про банку кофе и орехи, про Брониславу, про Марину Петровну, про то, что не хочет поступать в медицинский, но чего именно хочет, сказать не может.

Про сообщение и неудачную попытку его удалить тоже рассказывает.

— Вот балда! — вздыхает Мила.

Она намешивает в кувшине воду с вареньем — ни сока, ни компота в доме нет, а чай греть долго и лень. Наливает себе в стакан, кивает Жене:

— Будешь?

Женя качает головой. Наблюдает, как в прозрачном кувшине мечутся по кругу ягоды смородины.

Потом они вместе шарят по новостям. Жертв пока нет. Профессионалы устраняют последствия. Вот список врачей, что оказались в блокаде. Мамы среди них нет.

— Уже хорошо, — говорит Мила.

Женя закусывает палец. Теперь, когда она перестала бояться за маму, её волнует другое. Мила легонько шлёпает её по руке — тут она солидарна с сестрой-медиком, которой тоже не нравится эта Женина привычка.

— То есть ты бы хотела, чтобы мать этого не слышала, так?

Мила не успокаивает, ничего. Просто уточняет.

Ну конечно, Женя хотела бы! Она бы с радостью вернула всё назад. Она бы даже перед Брониславой повинилась. И стала бы опять покорно ходить на занятия.

Мила отрывисто кивает. И не смотрит на Женю. Она, кажется, чем-то недовольна.

— Идём, — повторяет Мила. — Матери всё равно сейчас не до звонков. Заберём её аппарат и сотрём лишнее. Если ты уверена, что оно лишнее, конечно.

Последние слова она произносит вполголоса.

Женя вытирает слёзы и кивает.

— Ты не врач, — однажды сказала Мила. — Ты слишком близко к сердцу принимаешь мировую боль. Она не врач, — сообщила тётя и вошедшей маме, указывая пальцем на Женю.

Ну какая мировая боль? Они смотрели «Эру Альтрона», и Женя расплакалась, когда убили Пьетро.

— Это пройдёт, — сухо сказала мама. — Ко всему привыкают.

— Нет, ты не врач, — повторила Мила.

Это было уже позднее, во время пандемии.

Мама пришла с работы усталая. Повесила пальто на вешалку. Пальто упало, а у мамы не хватило сил даже на то, чтобы его поднять. Она велела Жене это сделать. Женя рванулась было...

Пальто лежало на полу такое... Как будто живое. Как будто тоже обессиленное. И перчатки валялись тут же — две усталые бабочки.

Женя сфотографировала всё это, а потом прибралась, конечно.

#КонецРабочегоДня #будни_врача #КогдаМамаВрач.

Потом фотка обросла другими тегами. Её перепостили много раз.

Женя этого не ожидала, она даже испугалась. Можно ваять арты под чужими именами, но когда такой резонанс получает твой собственный пост! Она очень боялась, что мама узнает. А маме, к счастью, было не до того.

Но Мила не мама.

Она долго смотрела на фотографию, вообще-то уже превратившуюся в общее достояние. Вот тогда она убеждённо повторила, что Женя вряд ли будет врачом.

А потом у Жени был день рождения, и Мила подарила ей крутой фотоаппарат.

Мама цокнула языком.

— Половину зарплаты угрохала на эту штуку. Зачем?

Мила пожала плечами. Вообще-то не половину, а гораздо больше.

— Мила, это же страшно дорого! — прошептала Женя.

В этот момент она говорила чужим голосом и чужими словами. На самом деле фотик ей очень нравился, не терпелось поскорее взять его в руки.

— Может, просто спасибо скажешь? — рассердилась Мила.

Сейчас у Жени нет этого фотоаппарата. Мама всё-таки узнала, что Мила взяла его в кредит, и заставила Женю вернуть подарок.

Они поругались.

Потом помирились, конечно. Но Жене кажется, что Мила до сих пор сердится.

Не на маму.

На неё.

Улица бьёт по глазам вспышками дворовых фонарей.

Улица странно безмолвна. Ни смеха, ни окриков. Людей мало. Машин и то больше. Все они сосредоточенно смотрят вперёд светящимися глазами и очень быстро едут. Спешат.

Навстречу идут девушка с парнем, тоже молчаливые, оба в чёрных масках, так что в темноте их лица проплывают мимо жутковатыми белыми пятнами.

Женя поневоле ощущает себя героиней комикса. Лучше думать об увлекательном, чем о страшном.

Да, она героиня. У неё миссия. Добраться до ключевого артефакта (мамин смартфон) и аннулировать смертельную программу (голосовое сообщение).

Она идёт по вымершему Вест-Гангу и держит за руку невидимого Гермеса. Зеленоглазый чертёнок всё ещё думает, что он свободен. Хотя давно говорит чужим языком.

Вот и Женя — она ведь тоже постоянно скрывает то, что думает на самом деле. Не из-за какой-то там Твари, а потому что собственные мысли кажутся ей неправильными.

Женя придвигается к Миле поближе. Но Мила смотрит вперёд. Лицо её кажется Жене серьёзным, даже печальным.

Но возле больницы людей много.

В основном у входа. Временами из дверей кто-нибудь выходит — служащий, не посетитель — и громко просит соблюдать дистанцию и надеть маски правильно — то есть закрыть всю нижнюю половину лица, а не только подбородок.

Народ послушно расступается, но через минуту дистанция сокращается снова.

— Жди! Я сейчас.

Мила ныряет в толпу, оставив Женю стоять в сторонке под клёнами. Женя со своего места видит, как та взбегает по ступенькам, долго стучит в дверь, как выходит охранник и они долго беседуют.

Как ни странно, именно здесь Женю настигает ощущение, что всё хорошо, всё как прежде. Здесь и звуки живут — нормальный человеческий гомон, разногласий и невнятный.

— Не пустили, заразы! — Мила появляется и заставляет вспомнить, что нет, ситуация ненормальная. Даже более ненормальная, чем всегда. — Но мне шепнули, что можно подойти к боковому входу...

Мила трещит на бегу, слова из-за маски звучат непонятно, Женя скорее догадывается, чем слышит. Про боковой вход она и сама могла бы рассказать — в мирное время в основном им и пользовалась.

Они не одни оказываются такими умными. У бокового входа народу тоже стоит порядком. Здесь никто не просит соблюдать дистанцию. Здесь дверь вообще не открывается.

— Вот блин! — недовольно произносит Мила.

Женя дёргает её за рукав.

Чуть в стороне, на свободной от клёнов площадке, какой-то парень крутит пои. Он одет в синий комбинезон, пол-лица закрывает маска с нарисованной улыбкой, на затылке подпрыгивает светлый хвостик. Но главное — пои, конечно!

Женя, загипнотизированная, движется к группе людей, которые любуются неожиданным фаер-шоу.

Фигуры, нарисованные огнём, живут своей жизнью, пусть всего несколько секунд. Но они кажутся более настоящими, чем окружившие их человеческие тени.

Парень останавливает шоу. Ему хлопают.

— Bravo! — кричит Мила.

Парень оборачивается в их сторону, сияя улыбкой. Женя тоже улыбается, но тут же спохватывается, что улыбка нарисованная. И, конечно, смущается.

Но глаза у парня всё равно смеются.

— Как это вы так?

Мила. Вот кого ничем не смутить!

— Не увидела бы — не подумала, что можно так красиво размахивать какими-то вертушками с пламенем.

Женя готова сквозь землю провалиться. Мила гордится какие-то очевидности-банальности, в ответ на которые настоящий мастер должен бы отвернуться.

Но мастер, похоже, ничуть не оскорблён.

— Красиво можно делать всё что угодно, — говорит он, успокаивая пои. — Даже кран чинить.

Поднимает с земли куртку в цвет комбеза и рывком набрасывает на плечо. Куртка форменная.

— Вы водопроводчик? — смеётся Мила.

— Точно! — парень продолжает сиять масочной улыбкой. — Но надо же иногда вспоминать, что есть радости в жизни.

— Послушайте, водопроводчик! — Мила бросается за ним следом. — Возьмите нас с собой! У нас там родственница.

— У всех родственники. Все ждут.

— Нам нельзя ждать! Вопрос жизни и смерти! Точнее, войны и мира! Водопроводчик, пожалуйста!

Парень останавливается и внимательно смотрит на Милу, потом на Женю.

— Только одну из вас проведу, — говорит он.

— Вот её!

Женя смотрит на тётку жалобно. Ей кажется, что Мила справится гораздо ловчее, чем она. Но Мила толкает её к парню очень решительно и, кажется, опять сердито.

Водопроводчик набрасывает Жене на плечи свою куртку, и они идут внутрь здания. Не через боковой вход, а через подвал.

Всю дорогу они молчат. Парень шагает впереди, Женя за ним. Перед глазами у неё огненные линии — плавные, сияющие. Подарок её внутреннему художнику.

Кажется, она готова сменить почерк и даже знает как. Интересно, как отнесётся к этому Флегматичный.

А, пусть как хочет, так и относится.

— Ну вот, пришли, — наконец говорит водопроводчик.

Он снимает маску и оказывается ещё моложе. Пухлые губы, подбородок с ямочкой. Маска тут же возвращается на место, только парень надевает её обратной стороной. Вообще-то так не положено, но правилам следуют не все. Теперь маска просто чёрная, без улыбки.

— Территорию знаешь? — спрашивает он.

Женя быстро-быстро кивает. Да, она знает территорию больницы! Как свои пять пальцев! Дальше она сама! И спасибо тебе, добрый водопроводчик, умеющий обращаться с огнём!

Кажется, что ничего и не случилось. Так же люди бегут по лестнице. Так же ярко горят светильники, и запах тот же — больничный, в котором звучат не столько лекарства, сколько мыло с хлоркой.

На мамином этаже царит всё та же деловитая суматоха, но здесь ещё работают и другие специалисты — люди в зелёных комбинезонах.

На Женю никто не обращает внимания. Она стягивает маску до подбородка, но ей никто даже замечания не делает.

Женя чувствует себя странно. Она всё ещё исполнитель миссии и уже близка к цели. Но в то же время она

устала быть невидимкой. Её не замечают не потому, что она искусно маскируется, а потому, что по жизни незаметная. Девочка-тень.

Даже мама её не видит. Проходит мимо ординаторской, уткнувшись в бумаги, скользит взглядом по Жениной фигуре. Бумаг много, а взгляд ничего не выражает.

— Мам! — окликает Женя.

— А?

Мама поворачивается, пара листиков выскальзывает из пальцев и плавно опускается к Жениным ногам.

Женя поднимает документы и отдаёт маме.

— Спасибо, — машинально откликается та. — Ты как здесь оказалась?

— Тайными тропами, — бурчит Женя.

— Тайными... Что? Что ты несёшь! — мама очнулась, глаза за стёклами очков уже искрятся. — Тебе кто разрешил выходить из дома? По-твоему, у меня мало проблем?

— А по-твоему, у меня их совсем нет? — срывается Женя. — И по-твоему, ты одна волнуешься? Я за тебя не могу переживать, да? Ты так считаешь? Даже не звонила!

Мама сдвигает очки на лоб, маску на подбородок. Удивлённо моргает.

Женя сама в шоке. Первый раз в жизни она кричит на маму. Но ей совсем не стыдно. И не страшно.

— Прости, бельчонок. Я как-то не подумала.

Голос у мамы охрипший. Она притягивает Женю к себе, при этом снова роняет свои бумаги.

У Жени глаза мокрые. Но она не плачет. Это нервное, это сейчас пройдёт.

— Ты скоро? — бубнит она сквозь маску.

— Наверное.

Ждать в самом деле недолго — профи в зелёном перекликаются уже весёлыми, а не напряжёнными голосами.

Оставшееся время Женя сидит в ординаторской и дочитывает фик. Решающий момент — а она не может сосредоточиться, перечитывает по четыре раза каждую строчку.

Когда Икар сказал, что это мой дом, наши общие игрушки и рисунок, который мы с ним не дорисовали, я ничего этого не вспомнил. Но как-то сразу поверил. И мне стало больно. Моей настоящей болью.

— Ты предал меня! Я тебя ненавижу! Ненавижу тебя больше, чем других!

Так я хотел ему крикнуть. Но вместо этого произнёс:

— Мне плевать. Оставайся один в своём прошлом.

Я не знаю, может, мой удар оказался бы смертельным. Но я почувствовал, что бить не могу. И шевелиться тоже. Что это? Магия? Тайное оружие?

Икар усмехнулся. А я-то принял его за безоружного болвана!

Я дёрнулся. Сначала от неожиданности, потом от боли — Тварь мстила за мою опрометчивость. Мстила качественно — я не выдержал, закричал.

Икар улыбаться перестал. Подошёл вплотную.

Смотреть в глаза, приказал я себе, хотя уже плохо различал его лицо сквозь огненную пелену. Встречать смерть нужно по крайней мере не теряя сознания.

Но он не ударил. Он протянул руку и убрал прядь волос с моего взмокшего лба.

Наконец блокада снята, в коридор радостно вываливаются медсёстры и пациенты — те, кто на ногах. Без надобности, просто так, проверить, что они больше не заперты.

И это тоже трогательно. Женя делает маме чай — ну и что, что сейчас домой. Пусть выпьет. Или не выпьет, а просто подержит тёплый бокал в руках.

Мила вызвала такси.

— Мам, ты прочитала моё сообщение?

Они уже сидят в машине, Мила рядом с водителем, Женя с мамой сзади.

— Не успела, — мама коротко зевает, почти не открывая рта.

— Можно?

Не дожидаясь разрешения, Женя забирает мамин телефон, удаляет сообщение.

— Что, уже не актуально? — спрашивает мама.

— Ещё как актуально, — говорит Женя. — Просто я сама тебе потом всё скажу.

И показывает язык Миле, которая изумлённо оборачивается со своего переднего сиденья.

— А, ну ладно. Кстати, Женя! — спохватывается мама. — Пани Збаражская вернула мне оплату твоих уроков за месяц. Всю сумму. И никак не прокомментировала. Не объяснишь почему?

Женя глубоко вздыхает. Нельзя сказать, что она прямо вот совсем не боится.

Мила отвернулась к окну. Делает вид, что не слышит. А может, и правда не слышит.

Машина едет по ночному городу. По пустому, но живому ночному городу: фонари льют мягкий свет на тротуары, дома мигают окнами, выглядывая из-за деревьев. Жене дорого это спокойствие. Ох, как же оно ей дорого!

Но рано или поздно всё меняется. Нельзя, чтобы не менялось.

— Объясню, конечно, — говорит Женя.

КРЮК И БАБОЧКА

Новенького звали Крюк.

Иван не помнил точно, когда он у них появился. Кажется, в декабре, незадолго до Нового года. Иван вообще мало интересовался одноклассниками — и новыми, и старыми. Так что ему какой-то незнакомый парень со странной фамилией!

Однако то, что Крюк никак не приживался в их классе, Иван заметил. Любой бы заметил.

У них, в принципе, не принято кого-то жёстко травить, издеваться всерьёз. Посмеяться — имелись любители, но так себе юмористы. Взять тех же Ярика с Гариком! Воображают, что они комеди-старз, а на самом деле — два клоуна! Остальные вообще народ беззубый.

Однако новенький напрягался в ответ на безобидные, в общем-то, шутки. Опыт омеги, не иначе. Существа, ожидающего удара или выстрела. Он, кажется, был из тех, кого не хочешь, а будешь гнать от себя подальше.

Ну а как иначе вести себя с человеком, чья благодарность не знает границ? Чужих границ прежде всего. Ирка Егорова только раз поговорила с этим самым Крюком. Просто поговорила! Так он потом две недели подсовывал ей шоколадки, подавал в раздевалке пальто, чуть ли не из рук вырывая. У неё же. А когда у неё со стола что-то падало — резинка, там, или карандаш какой, — он прямо от дверей бросался, распахивая остальных. Чтобы поднять и отдать Ирке в руки.

Он даже тихоню Женьку Кудрявцеву умудрился достать! Подсмотрел, что она всё время рисует в скетчбуке или тетрадке, и давай делиться бесценным опытом: как он обожает аниме и уличные граффити и даже тусовался одно время с райтерами. Таскался за Женькой на всех переменах. Она в спортзал — он за ней, она в столовую — он следом, место займёт, грязные тарелки после еды уберёт — ему же не трудно! Она из туалета выходит, а он снова тут: отрывается от подоконника и давай опять про аниме, арты и коллажи.

Женька краснела, бледнела, пряталась, но отшить стеснялась. Наконец кто-то из девчонок не выдержал. Да кажется, Егорова и не выдержала.

— Ты маньяк, что ли? — в упор спросила она.

Только после этого Крюк отстал.

И почему Иван об этом вспомнил? Да потому что настала, кажется, его очередь. Новенький нагнал его на выходе из школьного двора.

— Ты в сторону высоток идёшь? — спросил он.

Иван кивнул.

— Я тоже! — радостно сообщил Крюк. — Пойдём вместе?

— Ты разве не в общежитии живёшь? — усомнился Иван.

— В общежитии. Но я... Мне надо... Там крюк совсем небольшой!

«Крюк». Иван усмехнулся. Новенький заулыбался, сообразив, что нечаянно скаламбурил. И, конечно, решил, что Иван всё одобряет.

Иван пару минут размышлял, а не пойти ли ему к автобусной остановке, чтобы Крюк отцепился. Но потом решил, что один человек в непосредственной близости — это ещё ничего, а в транспорте людей явно больше и все друг друга касаются. И потом — кто помешает Крюку прыгнуть в автобус вслед за Иваном?

Так что он решил не возражать.

Они вместе вышли из ворот. Иван в очередной раз с удовольствием покосился на ограду. Теперь все школы в городе окружают забором — положено так, что ли? Вот

и им воткнули что-то громоздко-неуклюжее, чёрное, совершенно не подходящее ни к зданию школы, ни к окружающим её домам. По принципу «чтоб было».

Крюк шёл молча, изредка взглядывая на Ивана.

Возле остановки Иван всё-таки чуть замедлил шаг, но почти сразу двинулся дальше, уже не оглядываясь. Так и шли. Крюк не знал, о чём говорить, а Ивана молчание не тяготило.

Вдруг Крюк вытянул руку.

— Смотри! Чего это они?

На большой городской клумбе сидели утки. Много уток, целая стая. Зрелище привычное для тех, кто каждый день ходит этим маршрутом. Но не для Крюка, который возле клумбы оказался впервые.

— Они всегда здесь сидят, — ответил Иван.

— Почему? Здесь же ни водоёма, ничего.

— Водоём там, — Иван махнул рукой в сторону набережной, которая тянулась по городу параллельно самой длинной центральной улице. — Но он замёрз. Вот они и вышли к людям. Привыкли, что их подкармливают. Хотя, вообще, это не очень хорошо.

— Почему?

— Популяция деградирует.

Крюк помолчал.

— Значит, их нельзя кормить?

— Да теперь-то уж... Теперь приучили. Теперь они без помощи не выживут.

Крюк задумчиво оглядывал стаю. Утки шевелились, чистили перья, деловито выясняли отношения. Взгляд его задержался на крупной утке-альбиносе. Вообще-то почти незаметно было, что это альбинос, — весь какой-то неопрятный, почти неотличимый от пестрого большинства. Он неторопливо прохаживался между сородичами без очевидной цели. Как будто гулял. Его сопровождало несколько голубей.

— Селезень, — определил Иван.

— Как ты узнал?

— Перья на хвосте загибаются. И лоб треугольный.

— И крупный! — подхватил Крюк.

— Это необязательно. Размер от питания зависит.

Крюк уважительно посмотрел на Ивана.

— Откуда ты всё знаешь?

Иван пожал плечами. Он не имел привычки отслеживать пути, по которым информация попадает ему в голову.

— Тебе, кажется, животные с птицами интереснее, чем люди, — заметил Крюк.

Глубокомысленное какое замечание! Иван такое не навидел едва ли не больше, чем откровенную тупость. Та, по крайней мере, ни на что не претендует.

— Тебе чего надо? — грубо спросил он. — Ты чего ко мне пристал?

— Извини, — Крюк моментально пошёл на попятную. — Просто я подумал... Ну, мне показалось...

— Что?

— У тебя вроде тоже... Друзей не то чтобы навалом. Иван усмехнулся.

— Мне направо, — сказал он, оставляя озадаченного Крюка на подтаявшем тротуаре.

Иван направился к подъезду. Он взглянул на часы и отметил, что дорога в компании с Крюком отняла у него на полчаса больше времени. До прихода родителей всего ничего, и это минус тридцать минут желанного уединения.

Уединиться вообще не получится, разочарованно понял Иван, обнаружив, что ключ не лезет в гнездо, а такое возможно, только если изнутри вставлен другой ключ, и, значит, дома уже кто-то есть.

Но когда дверь открылась, недовольство моментально испарилось.

— Гришка! — обрадовался он.

Старший брат был в джинсах и свитере — видно, тоже не так давно вошёл. В прихожке стоял его рюкзак и прямо на него сброшена куртка — слишком тонкая для середины марта, мама обязательно будет ворчать, отметил Иван, швыряя собственный школьный рюкзак рядом с Гришиными вещами.

— Ты к нам надолго? — спросил Иван, дождавшись, когда Гриша закончит трепать его за уши и хлопать по щекам — такое у него братское приветствие.

— А что, уже надоел? — улыбнулся Гриша.

— Совсем, что ли? Наоборот!

Иван говорил правду. Он любил, когда приезжал Гриша. В его присутствии меньше было разборок с родителями. Ну и вообще.

А ведь они приходились друг другу сводными по отцу. Брат жил в Москве, вместе со своей матерью. Но с мамой Ивана ладил отлично, иногда, казалось, лучше, чем с общим папой.

В родной город Гриша наведывался нередко. Он чем только ни занимался, но любимая его профессия — звукорежиссёр, и здешний молодёжный театр часто пользовался его услугами. И не только театр — Гришу звали на концерты, разные шоу, фестивали и батлы. Знакомых у него было много, специалистом он считался проверенным, своим. Так что по факту он всё время работал.

— Хорошо, что поживёшь у нас, — щебетала мама вечером, выставляя на стол круглый пирог. — Ваньке повеселее будет. А то он совсем застыл. Смысла в жизни не видит.

Иван дёрнул плечом. В той, что в ближайшем обозре? Нет, не видит!

— Возможно, это просто не та жизнь, — изрёк Гриша.

— Да он другую и не ищет! — отмахнулась мама. — Занимается чёрт знает чем, только не учёбой!

Иван упрямо наклонил голову.

Через сто — сто пятьдесят лет на Земле иссякнут ресурсы. А альтернативных источников энергии пока ещё не придумали. Да и здоровье планеты уже давно ниже среднего. Воздух всё тяжелее, лесов всё меньше, льды на полюсах тают. Такими темпами человечество долго не протянет. Но все почему-то продолжают решать свои маленькие проблемы. Как будто пытаются урвать у этого отрезка оставшегося времени всё для себя возможное. Урвать и помереть, оставив после себя на несколько тонн мусора больше.

Похоже на жизнь в большом дереве: оно уже повержено, разрублено и даже отправлено в костёр, а букашки и зверушки, которые в нём жили, ещё бегают, шевелятся, что-то едят, хотя уже и чувствуют неладное.

Люди такие странные. И мама не исключение.

— Ну, это нормально в его возрасте, — Гриша подмигнул.

Иван поддержку оценил, но в ответ не улыбнулся.

Он уставился на пирог, стоявший прямо перед ним. Пирог был блестящий, с густым белым кремом и пах ванилью и выпечкой.

Пирог к Гришиному приезду — это традиция. Хотя сладкое никто не ест, кроме мамы.

Мама тоже в обычные дни не ест, но, когда Гриша гостит, она балует себя.

— Да ты посмотри на него! Одни фокусы на уме! Это тоже нормально в его возрасте?

Она махнула рукой в сторону Ивана, и он поспешно спрятал под стол обе руки. В одной из них — балисонг. Любимый нож-трансформер: лезвие и складная ручка, она же чехол. Иван постоянно вертел его в руках, оттачивая разные финты. Вот и сейчас: не замечая, что на него смотрят, бездумно проворачивал ножик, отрабатывая закрытие и открытие.

— Куда я его отправлю с такими умениями? — мама вопросительно уставилась на Гришу. — В цирковое училище?

— А чего б не в цирковое? У меня, кстати, есть знакомые в цирке, могу устроить!

— Ты вот смеёшься! А если он в историю какую попадёт? Это всё-таки нож, а не воздушный шарик!

— Я что, даун? — возмутился Иван.

— Да ну, тётъ Лад! — вступился Гриша. — Он же в самом деле не слабоумный. Дай-ка!

Он взял балисонг, покрутил-пощёлкал, подражая Ивану, уважительно покивал, убедившись, что не так всё просто. Махнул рукой.

— Спрячет в случае чего. Ловкость рук — наше всё!

Он захохотал, но глазами показал Ивану, чтобы тот убрал игрушку, не дразнил родителей в мирное время.

Мама цокнула языком. Возмущённо, но не сердито.

К Грише какие претензии? Он сам зарабатывает на жизнь. Хотя папа очень сомневается в том, что звуко-режиссёр — это лучшая работа в мире.

И когда он не в духе, может и высказать Грише что-нибудь такое. Критическое.

А сегодня он, похоже, не в духе. Иван иногда взглядывал на него, коротко и тревожно. Не хотелось выслушивать нравоучения ещё и в адрес старшего брата.

Но старший брат будто не замечал, что идёт по минному полю.

— Тётя Лада, профессию надо выбирать по любви! Иначе ну что это такое — жить от отпуска до отпуска! От пятницы до пятницы! Считать часы до конца рабочего дня. Круглосуточно быть на связи на случай форс-мажора. Зарабатывать деньги — на что? На еду и пиво? Еда — чтобы были силы пахать дальше, а пиво — чтобы не чокнуться от перегруза, ага!

Гриша улыбнулся, спохватившись. Похоже, тема была выстраданной.

— Зато у тебя, я смотрю, никакого перегруза! — не выдержал папа. — Настолько, что даже в столице постоянной работы найти не можешь. Зато по любви!

— Придёт время — найду! А пока надо всё попробовать!

Папа хмыкнул. Но промолчал. Может, не хотел ссориться в первый же день приезда старшего. А может, устал — тоже побочный эффект нелюбимой работы.

Внимание папы переключилось на угощение.

— Уверена, что съешь всё в одиночку? — раздражённо спросил он, обращаясь к маме. — Больше к нему никто не прикоснётся, как всегда!

Она внимательно на него посмотрела, взяла нож и аккуратно разрежала пирог на ровные дольки. Положила папе на тарелку.

Иван взял кусок сам, откусил.

И замер с вытаращенными глазами.

— Печёночный паштет, блинное тесто и майонезный крем, — кивнула мама. — По спецзаказу.

Папа не нашёлся что ответить, молча взял вилку и принялся есть.

Иван прожевал и нашёл, что пирог очень даже ничего. Просто это очень странно: когда ждёшь один вкус, а получаешь другой.

Всё мясное он любил и, хотя постоянно размышлял о судьбах живой природы, вегетарианцем становиться не собирался. В природе так устроено, что все кого-то едят. Какой смысл отступать от этого правила? Не убивай ради удовольствия и не жри, когда еда уже из ушей лезет, — вот и всё.

После ужина Иван обнаружил, что на телефоне четыре неприятых вызова и одно сообщение. И всё от Крюка.

Перезванивать Иван, конечно, не стал. Открыл сообщение — файл с готовой домашкой по алгебре. Очень

вовремя — он уже с тоской ожидал два или три часа плетения формул с непредсказуемым исходом.

Он отправил короткое «спасибо» Крюку, увидел, что тот сразу прочёл и что-то застрочил в ответ. Мало сегодня общались, что ли? — подумал Иван, но раздражения в этой мысли было меньше, чем обычно. Не дожидаясь ответа, он отключился. И принялся за алгебру.

Теперь Крюк всегда ждал Ивана у ворот. Первое время делал вид, что это случайно так вышло. Потом перестал притворяться, потому что Иван его вроде как не прогонял.

Иван почти ничего не имел против этих совместных походов домой. Крюк оказался понятливым. Он почти всегда был не прочь поболтать, но если чувствовал, что Иван не в настроении, то умолкал, шагал бесшумно, а то и вовсе сворачивал с полдороги на свой маршрут.

Но в этот раз у Ивана было хорошее настроение. Последний день четверти. Солнце пригревает, снег почти весь стаял. Хотя его и не было почти. Это город, здесь зима прижимает вполсилы, а весна быстро осваивает территорию. Ступеньки вон уже совсем сухие. Да и асфальт тоже.

Всё было так хорошо, так к месту: птицы галдели, перебивая друг друга, дорога ложилась под ноги, вся как дрожащий мост.

Рядом о чём-то болтал Крюк. Иван даже что-то отвечал ему временами, не вдумываясь в смысл. Но в голове у него звучала совсем другая тема.

Свобода! Свобода на целую неделю! Никто не будет дёргать и подгонять. Неделя — это, конечно, очень мало. Это только отдышаться. Но всё равно.

Иван с удовольствием достал неизменный балисонг, подкинул, заставив сделать сальто, и поймал в «ножницы» средним и указательным пальцами.

— Красиво, — оценил Крюк. — Это фан?

— Какой фан? Откуда ты названия-то такие знаешь? — рассердился Иван.

— На «Ютьюбе» посмотрел.

— Невнимательно посмотрел, значит.

Крюк смотрел непонимающе, круглыми совиными глазами. Иван отвернулся.

Непонятно, что его разозлило больше. То, что Крюк настойчиво пытается к нему подобраться, флиппинг вон даже по видео изучает. Или то, что не угадал с трюком.

Почему фан? Почему если крутится, то сразу фан? Иван освоил «ножницы», а это уже продвинутый уровень, и не отличить его от базового вращения... Хотя если не попробуешь, то и не отличишь.

Впереди на переходе загорелся зелёный, и пешеходы заперебирали ногами, пересекая дорогу.

— Бежим? Успеем! — позвал Крюк.

Иван мотнул головой. Он никогда не спешил, чтобы подстроиться под светофор. Даже когда опаздывал.

Крюк, конечно, тоже не побежал. Хотя он как раз из тех, кто ускоряет шаг, чтобы вовремя перейти дорогу. Из тех,

кто бежит за отходящим автобусом. И из тех, перед кем всё равно закрываются двери. Подумалось об этом почему-то со злорадством. Впервые за сегодняшнюю прогулку.

Они перешли дорогу.

— А можно мне попробовать? — попросил Крюк.

Иван протянул ему балисонг.

Секунда.

Две или три секунды.

Вот правда, не больше понадобилось этому неудачнику! Иван был уверен, что нож невозможно сломать. Чему там ломаться?

Только теперь до Ивана дошло, почему по-простому нож окрестили «бабочкой». Он действительно напоминал крылатое создание, скомканное, сбитое влёт и припечатанное к земле. Останки его валялись на бетонной ступеньке, рядом стоял Крюк и удивлённо на них таращился. Как будто он тут ни при чём! Как будто это не у него руки-крюки!

— Ну да, крюки! — Крюк несмело хохотнул и подавился.

По его растерянной улыбке Иван понял, что невольно скаламбурил опять (а что за руки могут быть у человека с такой фамилией!) и Крюк теперь пытается спрятаться за шуткой. Это взбесило Ивана ещё больше.

— Ты зачем вообще ко мне прицепился? Думаешь, у меня правда друзей нет? Это у тебя их нет! И не будет никогда! А мне никто не нужен, понял? Такие как ты — тем более!

Слова были колючими и жёсткими, они лезли изнутри, раздирая горло.

— Я тебе верну точно такой же!

Это прозвучало жалобно, уже в спину уходящему Ивану. Но тот, не оборачиваясь, показал неприличный жест.

Сияющий день сразу стал утомительно-ярким. Солнечные блики больше не веселили, а били в глаза, прожигая до самого мозга.

Иван не был жадиной. Он редко привязывался к вещам. Да и нож этот, если вспомнить... Просто понравился. Прикипел к руке. У всех телефоны, у Ивана «бабочка». Но теперь ему казалось, что балисонг был его продолжением. Как Мьельнир у Тора. Как Грам у Сигурда. Как Эккалибур у короля Артура.

Всё испортил Крюк этот нелепый!

Что он вообще себе вообразил? С чего решил, что они с Иваном могут дружить? Только из-за того, что Иван не смеялся над ним вместе с другими? Да это только потому, что Иван ненавидит идти вместе с толпой! Он никогда не делает того, что делают все! Да, ему противно, когда всей сворой на одного. Но жалеть он никого не собирается!

— Пол проломишь! — донеслось из комнаты в ответ на грохот сброшенного на пол рюкзака.

А ведь он забыл про Гришу! Тот вышел его встречать, и Иван так и предстал перед братом, не успев слепить

бесстрастное лицо из класса «у-меня-всё-хорошо-лучше-быть-не-может».

— Тяжёлый день? — заметил Гриша.

— Бывало хуже, — буркнул Иван, не глядя на него.

— А нож твой где?

— Какая тебе разница?

— Да как-то странно видеть тебя с пустыми руками.

— Привыкай.

— Нет, правда, что-то случилось? — Гриша перестал улыбаться. — Неужели тётя Лада права и ты вляпался во что-то со своим ножиком?

— Вот бред, а? — простонал Иван. — Никуда я не вляпывался. Просто... нет у меня больше ножа.

И он рассказал Грише про Крюка и про то, что тот сделал с балисонгом.

— Жаль, конечно, — сказал Гриша.

И замолчал.

Ивану показалось, что брат чего-то недоговаривает.

Крюк позвонил в тот же вечер. Но Иван трубку не взял.

Каникулы прошли однообразно. Но Ивана это устраивало. Родители уходили на работу, Гриша все дни пропадал в театре и в студии — работа навалилась, одновременно и сразу много. А Иван был предоставлен самому себе.

Он скучал. Руки привычно тянулись за игрушкой и сиротливо гуляли по карманам, и это выбивало из колеи,

отзывалось обманом, как тогда с печёночным пирогом. Не в том дело, что невкусно, а просто — не то, чего ожидаешь.

Он злился. К злости примешивалось что-то ещё, он не мог сказать, что это за чувство, и оттого злился ещё сильнее. Проще было думать, что во всём виноват Крюк.

А потом всех перевели на дистанционное обучение. Это значило, что они будут учиться из дома, через компьютер. Чтобы не контактировать вживую и не распространять вирус, от которого, если верить новостям, вымерло пол-Европы.

— Да всё это сказки! — уверял папа. — Раздули панику, как мыльный пузырь! Ну, где угроза, скажите мне? Где? Никто ведь даже не болеет!

— Зато будет возможность проверить, каково ребёнку на домашнем обучении, — заметила мама.

Иван привычно втянул голову в плечи, хотя и подслушивал этот разговор из соседней комнаты.

Речь о его домашнем обучении в семье возникала периодически, как правило, ближе к концу четверти, когда Ивану окончательно всё надоедало. Папа тогда зверел и обзывал Ивана тупицей и лентяем, а мама утверждала, что это не так, Иван не хуже других, а может, и лучше, просто ему нужна индивидуальная образовательная траектория.

И садилась изучать форумы, на которых обсуждали сплошные плюсы альтернативного обучения. Но взять и вот так разом изменить привычную жизнь было страшно, и мама нервничала, снова шла на форумы спрашивать совета, терялась окончательно.

— Ты-то сам чего хочешь? — допытывалась она у Ивана. — Ты понимаешь, что нет у меня возможности дома сидеть и контролировать тебя беспрестанно! Ты будешь самостоятельно учиться или нет?

— Да не будет он! — гудел папа, непримиримый противник всяких школьных экспериментов.

А что Иван? Как он мог обещать то, в чём сам не был уверен?

В общем, очередной скандал заканчивался ничем. На Ивана махали рукой, он после этого кое-как всплывал и барахтался дальше. Решительный шаг в сторону домашнего обучения откладывался до конца следующей четверти.

— Ну, и последние мозги растеряет, — пробурчал папа.

— Было бы что терять, — добавила мама.

Гриша фыркнул. Он всё это время сидел рядом, и на лице его читалось восхищение добрыми родителями.

— Нечего терять, — добавила мама, мельком взглянув на Гришу. — Так что рост возможен только в одну сторону. В положительную. А ты просто злишься, что тебе

одному придётся таскаться в офис, — переключилась она на папу.

Папа хотел что-то возразить. Но не стал.

В тот же вечер опять позвонил Крюк. Иван уже остыл, но совершенно не представлял, каким может оказаться разговор. Потому и этот звонок он проигнорировал.

И потянулись дни новой учёбы. Сначала было непривычно. Ивану пришлось завести странички в соцсетях, потому что преподаватели проводили свои онлайн-уроки там, где им было удобнее. Кто-то во «ВКонтакте», кто-то в «Инстаграме», кто-то в «Зуме».

Иван, конечно, зарегался, он один в классе оказался такой дремучий, у всех остальных уже давно имелись аккаунты. Но, побродив по страничкам одноклассников, Иван так и не понял, в чём смысл виртуального общения.

Он решил, что удалит свои акки, когда всё это кончится.

Но в целом такая учёба ему даже нравилась. Не надо было вставать рано и досыпать на первых уроках. Он просиживал часы, с тоской ожидая перерыва, как это всегда бывало в школе. Он сам распределял время и очередность выполнения заданий. Успевал не всё, иногда что-то забывал, иногда возникали проблемы со связью. Но в целом всё как-то шло размеренно, и у Ивана даже появилось свободное время, которое он тратил на своё любимое занятие.

Он думал.

Он размышлял о загадочном вирусе. Откуда тот взялся? Вот в Антарктиде тают льды, и древние бактерии возвращаются к жизни. Вечная мерзлота тоже тает, а в ней олени и, может быть, даже мамонты. Вирусам нужны настоящие организмы, чтобы выжить, а так-то они могут спать веками и даже тысячелетиями. А как только наступит глобальное потепление, все они, весь микронародец, встряхнутся и пойдут в наступление. И никакая вакцина не поможет.

Однажды Гриша спросил:

— Как там твой одноклассник?

— Крюк, что ли? — нахмурился Иван. — Живой вроде. Что ему сделается-то?

— Мало ли.

Гриша больше ничего не сказал, опять углубился в свои записи. Он тоже теперь работал удалённо. С наступлением самоизоляции все мероприятия накрылись, и он обрабатывал теперь какой-то крупный творческий проект.

Настроение у Ивана испортилось.

Он вдруг вспомнил, что ещё и пнул Крюка. Попал по ноге, а тот даже ответить не успел.

Он покосился на Гришу. Тот работал в одной комнате с Иваном. Брат, сощулив глаза, смотрел на экран, где плясали чёрные и зелёные столбики. Уши были прикрыты массивными наушниками.

Иван потихоньку открыл крюковскую страничку в ВК. Обнаружил, что Крюк заходил сегодня, но это понятно — заходил на урок. А в остальном он оказался столь же активным пользователем, как и сам Иван. Ни постов, ни фоток. Даже аватарки нет.

Крюк, правда, имел с десяток подписок. Ничего особенного, конечно: мемы, приколы, обязательная классная страничка... В личной информации значился только список книг, и вот тут Иван округлил глаза. Герман Мелвилл «Моби Дик» и — ещё чуднее! — «Стая» Франка Шетцинга.

Иван не знал никого, кто читал бы эти книги! Даже Гриша читал только про Белого Кита, и то давно, и уже не помнил, про что там.

У Ивана шевельнулось подозрение. Это он опять под него подстраивается? Но потом он вспомнил, что не обсуждал с Крюком ни «Стаю», ни «Дика». И ни с кем не обсуждал.

Точно.

Совершенно точно.

Точнее не бывает.

Он прихлопнул ноутбук. Внутри колыхалось и не могло принять окончательной формы странное чувство, которому снова не было названия.

Он выскользнул из сна как пойманная рыба. Сознание ещё не включилось, а гремящие волны опрокидывали навзничь, не давали поднять голову, заполняли уши. Ивану понадобилось время, чтобы понять, что это за волны. Звуки.

Чувства построились в ряд, подчинились сознанию, и до него дошло, что это мелодия. Довольно энергичная.

— Прости, прости, прости!

Гриша прилетел из ванной и поспешно заглушил звук.

— Прости, братишка! Наушники из разъёма выскочили.

— Да ладно, — прохрипел Иван — со сна у него всегда был такой голос. — Всё равно вставать пора.

Ну, не совсем. Можно было дрыхнуть ещё по крайней мере с полчаса. Но раз уж так получилось...

Гриша сидел какой-то озабоченный. Тупил в монитор, двигал «уши» туда-сюда, как будто они ему мешали.

— Деньги не платят? — поинтересовался Иван, проходя мимо.

Экран Гришиного ноута отсвечивал зелёным.

Брат окончательно избавился от наушников.

— Что? — переспросил он. — Да нет, я тут ввязался в один благотворительный проект. Друг позвал. Пытаюсь вникнуть.

— Что за проект? — Иван приоткрыл крышку собственного ноутбука и потянулся к кнопке включения.

— Ну... Планировали грандиозный рок-концерт со сбором средств. А тут пандемия эта. Теперь всё будет в онлайн-формате. Вот думаю, потяну ли. Или отказаться?

— А средства куда?

— Всемирный фонд экологии.

— А название проекта?

— «Йеллоустоун».

Рука Ивана замерла над компьютером. Он уставился на Гришу.

— «Йеллоустоун», — повторил тот, по-своему поняв замешательство Ивана. — Как сериал.

— Йеллоустоун — это не сериал, — покачал головой Иван. — Это пороховая бочка планеты.

Он не ужасен. Он даже красив. Огромная чаша с водой, меняющей цвет.

Вулкан парка Йеллоустоун.

Ворота в преисподнюю, вот такие, жутко-прекрасные и безмолвные. Там внизу пузырь магмы. Огромный бесплотный дракон, ворочается и ждёт выхода. Говорят, это будет даже не извержение, а чудовищной силы взрыв. Который разнесёт треть планеты. Остальные две трети скроются под тучами пепла.

Дракон покинет Землю как скорлупу отслужившего яйца. Он заберёт с собой огонь и тепло. Наступит долгая зима. Города умрут первыми. Деревья и травы тоже

умрут — им не хватит тепла и света. Деревья и травы, дыхательная система планеты! Не будет больше лёгкого дыхания — будут редкие и хриплые вздохи умирающего.

Никто не знает, когда рванёт. Пока что гейзеры изрыгают горячую воду, а бизоны, коренные жители этих мест, бегут прочь от колыбели дракона. Рассудительные люди говорят, что это норма, это всегда так было...

Верно. Было.

Вот только бизоны спокойно кочевали, а не неслись бестолковым стадом, спотыкаясь и калеча друг друга. На запад, а не на север, как сейчас. И вода не была настолько горячей, чтобы сохли корни растений.

Конечно, жерло наших вулканов не прочистить так же легко, как на планете Маленького принца. Но мы ведь даже не пытаемся! Не чистить жерла, конечно, а приводить в порядок свою планету.

Гриша слушал Ивана, постукивая карандашом по губам. Потом встал с места.

— Иди-ка сюда! — позвал он.

Усадил Ивана за свой компьютер.

— Ты в теме, я смотрю. Будешь ролик монтировать. С меня звук, с тебя картинки.

— Я не умею! — всполошился Иван.

— Ерунда, научу! Смотри...

— Что у вас тут? — на пороге появилась мама. — Ваня, я думала, ты урок отвечаешь. Замерла даже. Никогда не слышала, чтобы ты говорил так много слов сразу! А ты о своём...

— Не волнуйтесь, тётъ Лад, — отозвался Гриша. — Всё наладим, проблем не будет!

— У тебя не будет, — мама всё равно выглядела недовольной. — А вот у него... Я своего сына знаю!

— Если всё получится, его весь мир узнает! — пообещал Гриша.

Брат, к слову, не очень врал про весь мир. В «Йеллоустоун» оказалось вовлечено столько людей, и таких известных, что у Ивана дух захватывало. Конечно, он сомневался, что, просматривая ролики, кто-то заинтересуется тем, что к нему приложил руку и голову старшеклассник Иван Корнеев из одиннадцатого «У» обычной районной школы, но сама причастность к большому, нужному и такому, наконец, близкому делу оказалась в новинку. У него же никогда не было такого опыта! Всё, чем увлекались остальные, казалось ему мелким и не стоящим внимания. Он уже решил, что все великие дела творятся одиночками.

Оказалось — нет. Оказалось, что бывает и по-другому. И при мысли об одноклассниках, которых вообще не волновало то, что последний самец белого носорога умер

всего три года назад, а океан кишит нефтяными пятнами и киты выбрасываются на берег, Иван теперь испытывал не презрение, как раньше, а скорее жалость. Спят себе спокойно, «Тиктоком» контуженные, и не знают, что космический Моби Дик развил миграционную скорость и, если он сбросит их на полном ходу, не будет никому спасения в Мировом океане... И только горстка бодрствует, чтобы усмирить Кита, не дать погибнуть всем. И тем, кто спит, тоже.

И он, Иван, среди бодрствующих. Ему очень хотелось с кем-то поделиться своими чувствами, но не каждый поймёт.

Разве что...

Крюк бы понял, наверное.

Просто потому, что ему интересна не только своя жизнь.

Ивана давно уже одолевала одна мысль. Маленькая такая, но зудящая и неудобная. Иван отмахивался от неё, но потом отмахиваться надоело, и он решил додумать до конца.

В общем, маловероятно, что балисонг мог погибнуть от одного удара. Скорее всего, конструкция уже разболталась. Такое бывает, ножи обязательно надо перебирать время от времени. Иван ни разу не перебирал и не затягивал шарниры. Ну а Крюк просто сделал последнее неудачное движение.

Как ни странно, после обдумывания Иван почувствовал себя лучше. Но теперь появилась необходимость восстанавливать баланс. То есть справедливость. Объясниться с Крюком, попросту говоря.

С Данилом.

Его зовут Данил.

Как всё-таки странно — назвал по-другому, и уже иной человек перед тобой. Тот, что читал «Моби Дика». Тот, что способен разглядеть альбиноса в стае уток.

Они стояли у клумбы и кормили тех самых уток. Крюк и какая-то девочка. Мелкая совсем.

Иван сначала подумал, что сестрёнка. Но пригляделся и увидел, что девчонка нерусская.

Улица не то чтобы кишела прохожими, но и пустынной не выглядела. Всем надоело сидеть дома. Вообще, Гриша, который через день звонил своей матери, утверждал, что по сравнению со столицей здесь, в провинциальном городе, нет никакой изоляции.

Короче, прохожих хватало, чтобы время от времени загораживать эту парочку от Ивана.

Утки проворно подбирали кусочки хлеба. Их было совсем мало. Почти все уже вернулись на воду, но иногда, наверное, наведывались на место зимовки — по привычке. Ну, и за угощением.

Иван раздумывал, подойти или нет.

Можно ведь рассказать про «Йеллоустоун». Проект должен был стартовать со дня на день, и у Ивана всё внутри немело от страха и радостного предчувствия. Можно было извиниться за нечаянный удар по ноге. Иван ему не слабо двинул, но он ведь не хотел! Просто Крюк оказался в пределах досягаемости — кто удержится-то?

Можно просто узнать, как дела.

Но мысли в один момент вдруг скатались в клубок, ни одну не вытянешь. И Иван стоял и наблюдал молча.

Он разглядел среди уток селезня-альбиноса. Только теперь тот выглядел белым, ярким — наверное, отмылся в проточной воде.

Чёрненькая девчонка дёрнула Данила за куртку и вытянула руку, указывая куда-то в сторону. Данил кивнул, и они побежали к остановке, возле которой пыхтел автобус.

На секунду они скрылись за деревьями, но Иван уже видел, что им не успеть. Автобус фыркнул и тронулся. Но, проехав несколько метров, остановился, и двери открылись.

Данил подсадил девочку, нырнул внутрь сам. Иван видел, как они уселись на сиденье спереди.

И автобус покатил дальше.

ТАЙНЫЙ ГОРОД

Из-за этого дурацкого карантина мы с классом не поехали в Питер! А такой движ намечался! Целую неделю жили бы в отеле, шатались по городу, селфились бы на фоне Исаакиевского собора!

На самом деле я не из-за собора расстроился. И не из-за Медного всадника. Что мне Всадник, в Питере есть вещи и покруче, если кто знает.

У меня имелись свои планы. Я ради них, можно сказать, в Питер и собрался. Ради встречи...

До последнего надеялся. Хотя какое там — всё перекрыли, все въезды и выезды. А сегодня и деньги за дорогу вернули. Не поедem никуда.

Я пришёл домой с этими десятью тысячами в кармане. Не раздеваясь, толкнул комп. По привычке посмотрел на календарь. По графику у *него* вроде день не рабочий. Хотя сейчас, наверное, все дни нерабочие. На что *он*, кстати, жить будет всё это время?

— Привет, волчонок!

Он отозвался сразу, как всегда, когда бывал дома.

— Привет.

Это не слишком дружелюбно прозвучало. *Он* почувствовал. *Он* всегда чувствовал такие вещи, даже на расстоянии.

— Снова обиделся на «волчонка»? Или ты ещё чем-то недоволен?

— Ещё чем-то.

Я рассказал ему, что поездка обломилась и мы не увидимся.

— Да. Грустно, — сказал *он*. — Но ты должен держаться, Ярослав. Мы все должны держаться. Всё только начинается.

— Что начинается?

— Ты забыл, о чём я тебе рассказывал?

— Не забыл, но...

— Тоже считаешь это моей больной фантазией, — *он* усмехнулся. — Ничего. Когда придёт самое смутное время, ты знаешь, куда идти и каких людей искать. Знаешь ведь?

Я кивнул.

— Береги Олю. Прощай, волчонок.

И *он* отключился. Не сказать, чтоб всё это было в первый раз. Чтоб *он* и исчез так резко, и «прощай» вместо «пока». Но мне стало как-то не по себе.

Волчонок.

Олина фамилия была Волкова — до того как она вышла замуж за папу. *Он* считает, что я тоже Волков. Как они с Олей.

Оля — это моя мама.

А *он* — мой дед.

Я долго не знал о том, что у меня есть дед. Пока в восьмом классе нам не задали проект по родословной. Я рисовал семейное древо и допрашивал родителей. Бабушку — Олину маму — я ещё помнил. Папиных — нет, они рано умерли.

Оля назвала имя деда, я приготовился записывать годы жизни, и оказалось, что он вовсе ещё не умер. Я удивился и спросил, почему я ничего не знал про совершенно живого близкого родственника.

— Потому что мы не общаемся, — сказала Оля.

Мне, естественно, стало интересно, по какой причине.

— Он не ладил с твоим отцом.

— Бабушка поладила, а он нет?

— Именно так.

Я задумался. Странно это. С моим папой трудно не поладить. Он весёлый. К людям относится дружелюбно, а к проблемам — легко.

Он научил меня, что можно встречать проблемы как снежный ком — в лоб, подминая под себя и наворачивая, от этого самому становиться тяжелее и катиться дальше, пока силы не кончатся. А можно лететь как воздушный шарик и оставлять препятствия внизу — когда смотришь на них с высоты, они вроде и не препятствия больше.

Большинству людей не нравится напрягаться. Они любят тех, с кем легко. С папой легко. Со мной тоже. Поэтому у меня полкласса друзей, остальная половина хочет стать моими друзьями. Ну, и парочка, кто не хочет, но они странные. Иван Корнеев и загадочная девушка по имени Кассандра. Нет, реально Кассандра, имечко, да?

Корнеев душный, а может, он мне просто завидует, так что он не в счёт. А Кася интересная. Она единственная из девчонок, кто меня реально игнорит, и не похоже, что притворяется. Ну и ладно, созреет — будем общаться.

Короче, я человек-позитив. Как папа.

Оля не такая. Она ко всему подходит серьезно. Чересчур серьезно. Хотя папу я называю папой, а она — Оля.

Так сложилось. Лет до трёх меня воспитывала бабушка. Я даже слова «мама» не знал. Оля болела очень долго, папа возил её по врачам, по разным клиникам, пока я рос. А когда они вернулись, я стал называть её так, как называла бабушка. Привык.

Когда я завёл разговор про деда в следующий раз, Оля отреагировала нервно. Сказала, что ничего о нём не знает.

И вообще разозлилась, когда я попробовал настаивать. Я отстал до поры.

А потом подслушал их с папой разговор.

— Ну что такого страшного в том, что Ярослав узнает правду? — говорил папа.

— Ты ещё спрашиваешь! Я забыла про него и успокоилась! Вот зачем он к ребёнку прицепился?

— Да никто не прицепился к нашему ребёнку, Оль! Ярик сам! Это же наши ссоры. Ему-то он дедушка!

— Это не просто ссоры! И какой он ему дедушка! Сто лет не видели его и ещё столько бы не видеть! Я сама о нём ничего не знаю. Родственники писали, что он в Петербург переехал.

Ага, Петербург, уже что-то.

Не буду рассказывать, как я его искал. Я упорный. Получилось не сразу. Несколько раз я разговаривал с однофамильцами и чужими дедушками.

А потом мне повезло.

Он работал водителем речного трамвайчика — возил туристов по Неве. Я позвонил на рабочий телефон. Так мы познакомились.

Честно говоря, я не помню наш первый разговор. Он отвечал невпопад, я тоже всё время сбивался, хотя и репетировал миллион раз, что я ему скажу и с какой интонацией.

А у него за спиной ходили люди — рабочий же телефон! И он — я не знаю, как вообще мог что-то сообщать!

Всё стало по-другому, когда мы в следующий раз со-
стыковались по видеосвязи. Тайком, естественно.

У деда оказались седые волнистые волосы. Он их за-
чёсывал назад пятернёй — довольно часто, потому что
волосы спадали на лоб. Я всё выискивал сходство с Олей,
но, на первый взгляд, ничего общего между ними не было.

Руки ещё бросались в глаза: они у него постоянно дви-
гались, и, даже когда лежали, пальцы всё равно шевели-
лись, будто дед наигрывал какую-то мелодию на клавишах.

Он рассказывал много интересного. Про Санкт-Петер-
бург. Говорил, что это не простой город, а что-то вроде
портала между цивилизациями. Я-то сначала думал, что
это он образно. Окно в Европу и всё такое. Но оказалось,
что дед придавал этому совсем другой смысл.

И вообще, город возводился асами и атлантами. Асы —
прямо как у скандинавов. Да, соглашался дед, они и есть
потомки мифических асов. И, в общем-то, тоже люди, толь-
ко лучше. Выглядят тоже почти как люди, но выше и кра-
сивее. Атланты темноволосые, а асы — блонди или рыжие.

Построенный ими Город был прекрасен. Настолько, что
пигмеи позавидовали и задумали его разрушить. А строи-
телей изничтожить. Их было больше, пигмеев. Их всегда
больше.

Но надругаться над Городом не дали. Однажды Го-
род просто исчез. А пигмеям осталась болотистая поч-
ва и груды камней.

Как они это сделали, никто не знает.

На месте Города пигмеи построили новый. Сила места такова, что даже пигмейский Петербург поражает воображение. Но где-то до сих пор существует настоящий, Тайный город, попасть в который мечтают многие.

Дед тоже мечтает.

Отца моего дед не любил, это правда. Я привык, что любую проблему можно вытащить на свет и обожжать. От этого она становится не такой страшной, что ли. Мы с папой так и делали всегда.

Дед такое презирал. Он считал, что смех — оружие пигмеев. Настоящий воин должен смотреть опасности в лицо, а не в зеркало.

С ним даже шутить не получалось. Я попробовал пару раз, по привычке. И шутки прозвучали так... не то чтобы неприлично, а... неуместно, вот! Дед сделал вид, будто не слышал.

Я долго не решался спросить о главном. Не хочет ли он помириться с Олей.

Он закашлялся и наклонил голову. Молчал и кашлял, наверное, с минуту. Потом ответил.

— Она слишком долго жила с пигмеями. Твой отец переделал её под себя.

К тому времени до меня уже дошло, что пигмеями он называет большинство людей. Обыкновенных. Не потомков атлантов или асов.

— Он воспользовался её болезнью, — продолжал дед. — Забрал её, сделал себя незаменимым. Я бы поставил её на ноги, сам! Но ему нужно было, чтобы она чувствовала себя беспомощной! И привыкла к нему! Пигмеи коварны. Он даже любимой игрушки её лишил!

— Что за игрушка?

Дед покопался на столе и выудил из-за экрана небольшой игрушечный маяк. Кажется, из дерева. Поднёс его к глазку камеры.

— Видно?

— Ага.

— Раньше он ещё и светился. Это же талисман, понимаешь? Не просто игрушка, а предмет силы!

Я колебался. Я всегда считал, что Оля вполне довольна нашей жизнью.

— Да, если считать свою нору целым миром! — возразил дед. — Забыть о том, что ты достоин лучшего. Смириться, — он покачал головой. — Нет, она потерянное дитя. Но ты ведь не смиришься, Ярослав? Нет? Ты же нашей породы!

— Дед, а какого ты роста? — спросил я.

— Метр семьдесят. С чем-то. Это не главное! — раздражённо сказал дед. — Не надо понимать меня так буквально! Асы растворились за столько поколений! Но сила духа — её никуда не спрячешь!

Это был такой первый сложный разговор. До этого я не любил сложных разговоров. Как и все, наверное. Кто не ас. Но теперь я задумался.

Раньше я многого просто не замечал. Того, что Оля не всегда смеётся над папиными шутками. А иногда они её вовсе раздражают. Она тогда отворачивается. Но всегда молчит.

Я вдруг вспомнил, что они никогда не ругались. Другие вон — и посуду бьют, и дверьми хлопают, и орут так, что стёкла звенят. А мои нет. Если они в чём-то не согласны, Оля сверкнёт глазами и усядется за раскраску-антистресс. Она у неё лежит на журнальном столике, толстая такая, с попугаями. Раньше была с цветами, кончилась. А папа ведёт себя как ни в чём не бывало. Пока Оля не докрасит очередного попугая.

Но это ведь тоже ненормально!

Когда началась вся эта суeta с вирусом, дед заявил, чтобы я ни в коем случае не ставил вакцину! И Оле запретил!

Я спросил почему. Не то чтобы я прям в первых рядах собрался прививаться. Тем более что и вакцину-то ещё не изобрели. А просто — должны же быть какие-то доводы!

— Изобретут! — убеждённо сказал дед. — Пигмеи работоспособные, когда надо! Я не удивлюсь, если у них уже всё наготове.

— Да зачем это?

— Это не вирус, это я не знаю что! Ты же слышал, он по-разному работает. Может быть, он даже живой и разумный. Он действует на мозг, и потомки асов и атлантов могут вступить с ним в контакт. Они пока не знают как, но научатся. У пигмеев мозги другие, они просто не способны контактировать. Поэтому их вирус не щадит, для них это болезнь. Кто выживет — тот выживет, остальных не жалко. Это отчаянная, может быть, последняя попытка отозвать избранных. И тот, кто не отзовётся, погибнет в выгребной яме вместе с...

— Пигмеями?

Просто удивительно, как легко дедовское словечко сорвалось у меня с языка.

Научная фантастика какая-то! Никогда не читал НФ, предпочитал фэнтези, а надо начать!

Я несколько дней ходил как пришибленный. Думал. А когда папа за ужином пошутил насчёт того, что пережили свиной грипп — переживём и грипп от летучих мышей и динозавров, я взбесился.

— Неужели нельзя хотя бы раз в жизни быть серьёзным!

Уже тогда школьная поездка в Питер была под вопросом.

Так-то, когда собирались, я сразу сказал: поеду! Даже если родители откажутся меня спонсировать, пожертвую собственными накоплениями!

Поеду! Увижусь с дедом, пусть показывает мне свои тропы к Тайному городу! А может, вообще останусь у него! Зачем жить с людьми, которые обманывали тебя всю сознательную жизнь? У деда, правда, только комната в коммуналке. Тесновато будет. Но настоящего воина такие вещи не волнуют. Пусть о них пигмеи думают. К тому же рано или поздно мы найдём Тайный город.

А если не останусь — заберу Олин маяк.

Когда я сообщил деду о своих планах, он удивился.

— Ты не рад? — насторожился я.

— Ну почему? Рад, — дед помолчал. — Да рад, рад, конечно! Просто... неожиданно как-то.

Ну и вот. И всё. С начала изоляции связаться с дедом больше не получалось. Папа с Олей всё время дома.

Да дед и сам перестал выходить на контакт. Те несколько раз, когда я всё-таки пытался его вызвонить, повисли без ответа.

Я почти всё время сидел в своей комнате. Выходить не хотелось. Разговаривать — о чём? Обсуждать папины объекты и непродуманную логистику партнёров? Или картины по номерам, которые периодически рисует Оля? Она, в отличие от папы, о работе говорить не любит.

Я стащил у неё коробку акварельных карандашей, рассыпал их по столу и принялся рисовать тоже.

Я так-то прилично рисую. Хотя нигде не учился и даже не увлекался серьёзно. Маяк у меня получился классный! Вот натурально такой, как дед показывал!

Повесил его на кнопочку над столом. Пусть мигает своим красным глазом.

Карандаши так приятно шелестели по бумаге. Так легко ложились штрихи — как будто не бумага под рукой, а шёлк. Я увлёкся и стал рисовать шпили и башни, и рогатых змей, украшающих перила, и коней со львами, которые встречались нос к носу над арками мостов.

Оля эту картину тоже заметила, когда вошла ко мне в комнату. Сначала маяк, а потом город.

До этого она звала ужинать. Я слышал, но не мог сдвинуться с места. Сидел и зачарованно всматривался в кружево мостов, водил карандашом и делал мосты ещё кружевнее.

— Это что? — спросила Оля.

И ткнула в маяк пальцем с такой силой, что бумага надорвалась.

Я молчал.

— Я спрашиваю, что это такое? — заорала Оля, выдирая у меня из-под локтя другой рисунок.

— Что случилось? — на шум явился папа. — За что я его должен убить? Оля?

— Когда ты успел? Боже мой, когда и как, главное? Посмотри!

Это она уже папе крикнула, но разглядеть он ничего не мог, потому что она размахивала бумагой как флагом.

— Красиво! — папа упорно не желал принимать серьёзность, даже, по-Олиному, трагичность ситуации.

— Тайный город, — бросил я нарочно зловещим шёпотом.

— Он уже и про Тайный город тебе говорил? — застонала Оля.

Она опустила на стул и закрыла лицо руками.

— Ты с *ним* разговаривал? — папа моментально посерьёзнел — видимо, сегодняшняя проблема была не из тех, что можно перелететь как воздушный шарик.

— Обо всём! — с вызовом ответил я. — Много чего нового узнал!

— Какой кошмар! — очнулась Оля. — А ты знаешь, что эта моя болезнь, мучения эти — всё из-за *него*? Из-за *его* одержимости! *Он* увёз меня почти насильно! Да, представь, до такой степени не хотел, чтобы я жила с человеком, которого выбрала сама! С недостойным, по его мнению!

— Оля! — попытался вмешаться папа.

— Молчи! Пусть знает! Раз уж всё равно всплыло! *Он* приехал вроде поговорить, — она вернулась к рассказу. — Поздравить с рождением первенца. Тебя! И игрушку эту, маяк, привёз с собой. Я расчувствовалась, села в машину, и мы поехали. Всё быстрее и быстрее, и я поняла, что возвращаться *он* не собирается. А потом авария. *Ему* ничего, а я...

Оля задохнулась. Папа шагнул к ней, но она подняла руку.

— Я жива только благодаря твоему отцу, — проговорила она совсем другим голосом. — А мой родной отец просто исчез! Оставил какое-то невнятное письмо, сообщил, что поехал вымаливать мою жизнь у высших сил. И испарился. Так что твой обретённый дедушка — просто псих! Настоящий! Ему лечиться надо!

— А почему мне раньше никто ничего не объяснил? Скрывать-то зачем?

Мне вообще-то было обидно: что, они меня тоже за больного держат?

— Потому что я сама из всех сил старалась об этом забыть! — сказала Оля.

Она вышла, папа за ней, а я кинулся к компу — звонить.

Но *он* по-прежнему не отзывался. Я звонил, а *он* молчал. И это продолжалось долго.

Ближе к вечеру я стал привыкать к мысли о том, что его снова нет в моей жизни.

Кто-то вошёл в комнату. Я не пошевелился, продолжал лежать на кровати и рассматривал тени на потолке от колеблющегося ночника.

— Знаешь, что было самым сложным?

Папа подошёл и уселся в ногах. Я сразу понял, что он вспоминает их с Олей трудные годы.

— Скрывать, что ты на пределе. Не показывать, что тоже отчаялся, — он разглаживал что-то на коленке. —

Веришь ли, я иногда стоял перед зеркалом и пальцами раздвигал губы. Вроде улыбаюсь. Привыкну, зафиксирую рожу и иду к маме твоей.

Я разглядел, что на коленке у него мой рисунок, на котором маяк.

— Она догадывалась, наверное, — продолжал папа. — Но молчала. Не было у нас сил выяснять отношения.

— Лучше бы ничего этого не было! — не выдержал я.

— Лучше бы ты ничего не знал. Лучше бы не произошло аварии. Лучше бы мы не встретились с твоей мамой. Лучше бы не случилось пандемии... Так не бывает, Ярик.

Я понимал, что он прав. Но всё-таки очень обидно осознавать, что Тайный город оказался обманкой, асов не существует, атланты повымерли. А я пигмей. Я вернулся туда, откуда начал. Но жить как прежде уже не получалось.

— Не выбрасывай. Пусть светит.

Папа аккуратно положил рисунок с маяком поверх ночника. Тени на потолке сначала успокоились. Но потом ожили снова.

МЭРИ СЬЮ

Когда раздался звонок в дверь, Ира вздрогнула, хотя ждала — и звонка, и тех, кто стоял сейчас за дверью.

Подумались сразу две мысли. Первая тошная: ну всё, мрак материализовался, и это надолго. Вторая малодушная: а может, всё-таки не? И победил свет?

Нет.

Не победил.

Ира убедилась в этом, открыв дверь и увидев напряжённо-счастливое лицо мамы.

— Сюрприз-из! — пропела мама.

Ира молча посторонилась, чтобы дать войти. И маме, и «сюрпризу» — ненаглядной Вике-Виктории.

— Привет, — без выражения бросила Вика, переступая через порог.

Оглушительно залаял Том. Вот у кого с адекватностью всё в порядке: обычно-то он не против гостей, но это ж не гость, это чужак!

— Убери собаку! — всполошилась мама. — У Вики аллергия на шерсть!

Всё-то с ней не так, с этой Викой! Ну какая шерсть у джек-рассела!

В подъезде остался стоять большой чемодан.

— Ирусик, помоги! — велела мама.

Сама она только что сбросила на пол объёмную сумку.

Ира молча втянула чемодан в квартиру. Колёса грохнули, а дверь закрылась — почти одновременно и одинаково громко. Вика даже не шевельнулась, уткнувшись в телефон. Зато опять отреагировала мама:

— Осторожнее, Ир!

Чемодан оказался громоздким. Он никуда не вмещался, и его пришлось поставить в изголовье Ириной кровати.

— Вот твоё место, — Ира кинула подушку в раскладное кресло. — Лишней кровати не нашлось, извини.

Она очень старалась, чтобы прозвучало без сарказма.

Всю неделю без малого, с того самого дня, как выяснилось, что Вика будет жить у них, только и разговоров было о том, чем накормить гостью, где положить и чем развлечь. Генеральную уборку сделали, достали парадные скатерти и шторы. Даже пылесос новый купили...

— Мне всё равно, — вздохнула Вика.

...а ей всё равно! Это нормально вообще?

— Ну что, подружки? Устроились? Пойдёмте чай пить!

Мама заглянула в комнату. Вика при слове «подружки» чуть приподняла бровь, но ничего не сказала. Иру же передёрнуло.

Но мама, кажется, ничего не заметила. Или сделала вид, что не заметила. Она подхватила девочнок под руки и потащила за собой в кухню, где уже стояли чашки и блюдо с печеньем.

— Я вообще-то не голодна, — сообщила Вика.

— Ну хоть чаю-то выпьешь? — мама не слушала. — Я иван-чай заварила. Очень полезно, от стресса в том числе.

— Да с чего ты взяла, что у кого-то стресс? — не выдержала Ира.

— У всех стресс! А у меня больше всех!

— Вот сама и пей, — буркнула Ира.

— Что?

— Ничего-ничего.

Вика еле слышно фыркнула.

Ира отвела глаза. Невыносимо видеть, как мама суетится, переставляет с места на место посуду и крошит в пальцах это многострадальное печенье.

— Так, маме твоей позвонить! — спохватилась она, оставив в покое печенье и чайник.

— Я уже сообщение отправила, — ровным голосом сообщила Вика.

— Отправила? Вот молодец... Крис! — мама уже набрала нужного абонента. — Крис, дорогая, всё в порядке! Можешь въезжать. Я тебе там приготовила кое-что, хотя бы на время. Ну, Крис, ну какая доставка еды? Это же домашняя пища! Мне совершенно не трудно, а тебе не до того. Как себя чувствуешь?

В трубке забормотали. Вика вздохнула.

— Нет, не волнуйся, всё отлично! Да вот она, рядом. С Ирккой чаи гоняют. Обе тебе привет передают. Ну всё, пока! Береги себя. И звони, если что.

Мама отложила телефон и повернулась к девчонкам.

— Ну вот, я же говорила, всё будет хорошо. Только не надо паниковать, верно?

Вика двумя глотками выпила остывший чай.

— Спасибо, всё было очень вкусно, — к печенью она так и не притронулась. — Я никого не обижу, если пойду отдохну немного?

— Конечно-конечно! Иди отдыхай. Можешь не стесняться, это и твой дом тоже! — это уже в спину удалявшейся Вике.

Ира прихлёбывала из чашки и не поднимала глаз. Подозревала, что мама пытается поймать её взгляд, убедиться, что в самом деле всё отлично, лучше быть не может.

Вика — дочь маминой подруги. И личная Ирина заноза. Потому что Вика, по мнению мамы, всё делает лучше Иры.

Они ровесницы, но Вика — звезда, модель и чемпионка, умница и красавица, все успевает и всем нравится. Не девочка, а просто Мэри Сью! А Ира — заурядная школьница, заканчивает одиннадцатый класс обычной школы.

Рассказывая об успехах Вики, мама не смотрит на Иру и вроде как папе всё это говорит. Но вздыхает многозначительно, и Ира понимает: маме хотелось бы, чтобы дочь тоже в чём-то отличилась.

Вообще-то у дочери тоже есть талант. Она отлично пишет сочинения, побеждает в литературных конкурсах, берёт первые места на олимпиадах. Второй год занимается в школе журналистики, и ей очень нравится! Преподаватель литературы нарадоваться на неё не может. Маме, конечно, приятно, когда Иру хвалят. Но она, похоже, считает, что писательство — это не то, что ведёт к звёздной жизни.

А спорт и модельная школа — это да, это прям сразу пропуск в высшее общество!

Хотя если уж говорить о Викиной матери Кристине, то сравнение с подругой тоже будет не в мамину пользу. У Кристины свой бизнес, свой раскрученный блог, идеальная подтянутая фигура.

У мамы ничего такого, хотя за фигурой она тоже следит. Но элитный фитнес-центр и персональных тренера и диетолога позволить себе не может.

Кристина замужем второй раз. С первым мужем, Викиным отцом, они сохранили нормальные отношения. Всё цивилизованно, всё на высшем уровне.

Ира вздыхает. Хорошо хоть, папа на Ириной стороне. Наверное, потому что ему тоже ставят в пример обоих Кристиных мужей. При этом мама считает, что Кристина сменила мужа по расчёту. Не потому что в чём-то там не сошлась характером с бывшим, а потому что туристический бизнес доходнее, чем автосалон.

Зато сейчас этот самый туристический бизнес — большая проблема. В связи с пандемией закрыли все границы. Турфирмы терпят убытки. А Кристина, похоже, в одной из поездок контактировала с носителями. Возможно, что и подхватила этот самый COVID-19. И теперь ей предстоит длительный карантин в пустой квартире.

А Вика всё это время будет жить в одной комнате с Ирой.

Когда Ира открыла глаза, Вика стояла в балансе. И хотя она отвернулась к окну, Ире стало неприятно при мысли о том, что Вика могла видеть её спящую.

Потом она подумала, что Вика, наверное, тоже не одобрила бы тайного наблюдения, поэтому Ира пошевелилась и кашлянула.

Но Вика не смутилась. Она спокойно закончила упражнение, потом обернулась к Ире.

— Доброе утро, — сказала она, усаживаясь в поперечный шпагат.

— Доброе. Ты завтракала?

— По-твоему, разминка после завтрака — самое то? — усмехнулась Вика.

— Не знаю. Я не гимнастка, — буркнула Ира, откидывая одеяло.

И тут же устыдилась своей пижамы: широкие штаны с Чебурашками, детство какое-то.

Вика уже переоделась, но на подлокотнике кресла висела её пижамка: совсем миниатюрная маечка и шорты, с какими-то стрекозами. Тоже детство, если разобраться.

Родители уже ушли — оба они работали обычно, не удалённо.

Ира налила себе чай, намазала бутерброды маслом.

Через минуту появилась Вика, аккуратно причёсанная и в платье на выход.

— Даже с макияжем, — восхитилась Ира. — Ты куда это собралась?

— Инглиш онлайн, — сообщила Вика. — Мне к первому уроку.

— У вас дресс-код?

— Нет. Но я не собираюсь сидеть перед экраном в пиджаке и трусах.

Ира пожала плечами. Она полагала, что приличной футболки достаточно для рядового дистант-урока.

- Ешь давай. Каша остынет.
- Я не ем по утрам. Кофе бы выпила.
- Возьми растворимый.
- А молотого нет? А ещё лучше — в зёрнах. И кофемолки.
- Нет.
- Ладно. Тогда просто воды попью.

Ира проводила гостью задумчивым взглядом. Она как-то не сомневалась, что сегодня же вечером в их доме поселится кофемолка.

Когда Ира вернулась в комнату, Вика расположилась в кресле с айпадом.

— Если не возражаешь, — произнесла она тоном, несовместимым с возражениями, — я буду учиться здесь.

— Вообще-то у меня тут рабочее место, — возмутилась Ира. — Тебе с планшетом было бы проще...

— И куда ты мне предложишь отправиться с планшетом? — Вика насмешливо выделила слово «планшет», как будто Ира не разбиралась, сколько стоит её гаджет с надкусанным яблоком. — В кухню? Или в спальню твоих родителей? Ты хоть понимаешь, что это неприлично?

Ира не нашла что ответить. Молча взяла ноутбук. Вернулась за учебниками — Вика уже бодро квакала на английском, у неё начался урок.

Ира уселась за кухонным столом, распахнула ноут. Поколебалась и открыла папку «Статьи актив».

Подумала секунду, вернулась назад и переименовала папку в «Работа актив». Почему нет? Это ведь и правда серьёзная работа.

У неё даже несколько серьёзных работ.

— Попробуешь делать посты для школьного блога? — спросила Анфиса.

У Анфисы кольцо в носу, красные волосы и очки в косяной оправе. Ей около тридцати, она тьютор, натаскивает будущих журналистов, посвящая в тонкости профессии.

Ира согласилась — сначала на вторых ролях, а потом как-то незаметно школьный блог почти полностью лёг на её плечи.

— У тебя получается, — одобрила Анфиса. — Попробуешь работать для объединённого сайта городских школ?

Ира попробовала. Правда, в городской команде была ещё одна Ирина Егорова, так что Ире пришлось публиковаться под псевдонимом. Это оказалось неожиданно интересным — увидеть собственный материал, подписанный как будто другим человеком.

А потом, уже независимо от наставницы, Ира стала осваивать другие платформы. Для каждой — свой ник. Постепенно это превратилось в игру. Как будто внутри Иры жили разные люди, они менялись местами, пробовали голоса, спорили, теснили друг друга. Некоторые не выжили, иные, наоборот, становились сильными и опытными.

Анфиса предлагала завести канал на «Ютьюбе», но Ире эта идея не понравилась. Она не боялась ни камеры, ни публичных выступлений, но текст казался ей удобнее и эффективнее, чем видеоролик. С текстом можно было экспериментировать. За текстом можно было спрятаться. Текст она лепила сама.

Впрочем, возможно, она просто не умела делать то же самое с видеорядом.

В планах значилось три темы. Наряды к выпускному, наркотики в школе и неформальная организация «Злобный пранкер».

Первую Ира с удовольствием спихнула бы кому-нибудь. Про платяшки ей было неинтересно. Да и вообще, непонятно, что за выпускной будет в этом году в условиях пандемии. О «пранкерах» писать особо нечего. Крикливая компания мелкой школоты, пробующей силы в подрывании основ. Пошумят и сгинут.

Наркотики — тема серьёзная. Так просто не выскажешься.

А вот с этим у Иры как раз проблемы.

Ей вообще в последнее время приходилось трудно. Всё, что было написано ранее, не нравилось, причём не нравилось иногда до стыда, до краски на лице. Но и новое не приносило радости: исчезла прежняя лёгкость, когда слова не успевали за мыслью. Теперь каждая фраза

проворачивалась с трудом, слова спотыкались, а мысли так вообще лежали неподъёмными глыбами и отказывались принимать какую-то форму. Так глыбами и оставались.

Глаза просматривали открытый с вечера документ. Ира усилием воли его свернула.

Она и так опоздала, всё из-за Вики, и уже слышала, как названивает бдительная классручка Марина Петровна. Вообще она добрая, но за тем, чтобы все вовремя просыпались и включались в уроки, следит строго.

Ира, конечно, включилась, извинившись за опоздание.

Брошенный текст, досада на Виду — сегодня учёба определённо не лезла в голову. Ира очнулась, когда пропустила очередной вопрос, обращённый к ней.

— Какая-то ты сегодня невнимательная, Егорова, — заметил физик.

Ира не успела ответить — преподаватель исчез. Кажется, не по своей воле. Ира увидела, что её интернет-соединение неустойчиво, и облегчённо вздохнула. Оправдываться и что-то объяснять совершенно не хотелось.

Долгожданная передышка наступила на четвёртом уроке. Английский, обещанная самостоятельная работа. С английским у Иры всё было в порядке, может быть, даже не хуже, чем у Вики.

Ира в задумчивости потеребила мочку уха. Вернулась к свёрнутому доку. Наркотики, значит. Что ж, придётся вникать. Иначе читать не станут.

А может, и по-любому не станут.

У нас ведь как? На классном часе покажут ролик, от которого зубы сводит — не потому что страшно, а потому что скучно. Пару уроков отдадут на диагностику. В тесте двести вопросов, смысла которых никто не понимает и поэтому отвечают наобум. Учителя и проверяющие довольны собой. А те, кому надо, снова идут покупать снюс и «землянику». Не исключено, что сразу после диагностики.

Хорошо бы расспросить тех, кто в теме. Кто знает, что это такое.

Ира не знала про одноклассников, пробовали они или нет. Она задумалась. Вот Ярослав Корольков — разве он пропустит что-нибудь интересное, даже незаконное? Тем более незаконное! Из чистого любопытства попробует, это же Ярик!

Гарик — тоже может. Из солидарности.

Миранда? Она много чего повидала, не исключено, что и в этом у неё опыт есть.

Иван Корнеев. Этот вряд ли. Он какой-то... правильный. Хотя и странный. Молчит всегда, к себе никого не подпускает, даже фотографировать себя не разрешает. А почему, кстати, не разрешает? Это подозрительно.

Ира попробовала размышлять дальше, но поняла, что так кого угодно можно записать в наркоманы. Не бывает людей без странностей.

Разве что Вика.

Ира спохватилась — опять опоздала, в этот раз на математику, на целых десять минут. Её опять обвинили в невнимательности, но в целом обошлось без жертв. Остальные уроки можно было проигнорить: ни историк, ни химичка не настаивали на обязательном включении видео.

Поэтому Ира вошла в чат, убедилась, что её слышат, но не видят, и занялась своими делами. Сделала себе чай, достала вазу с печеньем. В пребывании на кухне имелись свои плюсы...

Вечером семья собралась за ужином.

— Ну что, девочки, как прошёл день? — спросила мама.

— Нормально, — буркнула Ира.

Вика ограничилась коротким «угу», не отрываясь от айфона.

— Устали?

— С чего бы? — удивился папа.

— Между прочим, учиться дистанционно гораздо сложнее! Если по-настоящему учиться, конечно. Вика вот знает. Она уже давно так учится. У неё индивидуальный график. Да, Викуль?

Вика удивлённо подняла глаза. Кажется, хотела возразить. Но передумала. Опять сказала «угу».

— Вика, ты ничего не ешь, — озабоченно произнесла мама.

— Ем, — отозвалась Вика, наугад подобрав что-то с тарелки.

— Как мама? Ты с ней общалась?

— Недавно.

Подробностей они не услышали.

Некоторое время все молчали. Даже приборы о тарелки не звякали.

Ира испытывала сразу много всего. Жалость к маме — хотя она и заслужила. Злорадство по поводу Вики — кажется, она тоже не в восторге от происходящего. Ну, и негодование — что она, не может проявить элементарную вежливость и не пялиться в экран хотя бы за столом?

— Извините, что оставляю вас без внимания, у меня вебинар, — наконец очнулась Вика. — Я не могла его отменить.

— Конечно, Викуль, — мама с облегчением улыбнулась. — Никаких проблем, делай то, что тебе нужно. Мы можем и попозже поужинать.

— Что за вебинар такой поздний? — не удержалась Ира.

— У меня много обязанностей помимо школы.

Вика откинула прядь волос. В ухе у неё действительно торчал наушник. Она ещё раз извинилась и ушла.

— Ира, что-то не так? — выдержав паузу, негромко заговорила мама.

— Чуть больше, чем всё! Можем поужинать попозже! — передразнила Ира. — И с собакой попозже погулять, и спать лечь! Может, не стоит так уж сильно под неё прогибаться?

— Говори потише! Кто прогибается? Я всего лишь хочу, чтобы дочь моей лучшей подруги чувствовала себя комфортно!

— Серьёзно? А вот дочь твоей лучшей подруги совсем не думает о чужом комфорте!

— Замолчи! Вика — ответственная и порядочная девочка! А ты могла бы и войти в её положение...

— Да полмира сейчас в таком положении! Не надо было за границу мотаться!

— Ты ничего не понимаешь! Это совсем другая жизнь! Которая и у тебя, между прочим, может сложиться! Сошлась бы поближе с Викой!

— Не нужна мне твоя другая жизнь! Я свою хочу!

Вмешался папа. Он взял Иру за плечи, вытолкнул в прихожую и вручил поводок.

— Кстати, о собаке, — сказал он. — Прогуляйся с Томом. Заодно в себя придёшь.

Том, как всегда готовый гулять, с нетерпением перебирал лапами.

Ира со злостью выхватила поводок, рванула за ошейник ни в чём не повинного пса и вылетела из квартиры.

На улице она и правда остыла. Том носился как ураган — он всегда стремился получить максимум собачьего удовольствия от прогулки. Она следила за Томом. И посторонние мысли как-то растворились. Не хотелось больше думать ни про Вику, ни про маму.

Подбежал Том, толкнул с разбегу передними лапами, оставив на спортивных Ириных штанах грязные отпечатки. И тут же отпрыгнул в сторону.

— Эй! — возмутилась Ира.

Она столько раз отчитывала Тома за эту его манеру, но он всё равно продолжал толкаться. Правда, развлекался он так, когда уже набегается. Значит, прогулка удалась. Пора возвращаться.

Дома все уже успокоились. Из родительской спальни доносились звоночки «Дуолинго» — мама который месяц пыталась освоить английский и испанский.

На звук хлопнувшей двери вышел папа, подхватил Тома и поволок его мыть лапы, хотя это была Ирина обязанность.

В комнате было темно. Но Вика не спала. Она что-то негромко наговаривала в телефон, когда Ира вошла.

Экран подсвечивал её лицо, и оно казалось Ире каким-то другим, нездешним.

— Всё, пока, не могу больше говорить, — не меняя интонации, произнесла Вика.

Экран погас.

В наступившей темноте брякнул телефон, подключённый к питанию. Вика опрокинулась в постель беззвучно.

Ира не стала зажигать свет. Разделась и легла в темноте, стараясь, чтобы от неё тоже не было шума. Но у неё не получалось: то улеглась неудобно, то нос зачесался, то сползло одеяло.

Ей казалось, что Вика не спит. Ну не может человек лежать без движения и без дыхания. Но пусть её считает спящей.

Часы показывали половину первого. В это время обычно звонила мама. Или просила позвонить Иру.

— Привет, солнышко! — голос у мамы бодрый, но слегка встревоженный. — Как вы там?

— Всё норм.

— Трудный день?

— Обычный.

Мама помолчала.

— С Викой не ссоритесь?

— Мы не маленькие, мам. Всё хорошо, не волнуйся.

— Ну и ладненько, — в голосе мамы послышалось маленькое облегчение. — Пообедать не забудьте.

Не забудут. Ира поставила кастрюлю на плиту.

Сквозь полупрозрачную дверь кухни она видела невнятную фигуру Вики: тёмно-синий силуэт с пятнами лица и рук. Судя по движениям, одевается.

Не отрывая взгляда от двери, Ира повернула выключатель конфорки. Приоткрыла крышку на секунду. Суп из фасоли — нормальная, в общем, еда. Даже для спортсменов.

Силуэт из тёмно-синего превратился в бирюзовый, одно из пятен приблизилось, стало отчётливее и превратилось в ладонь, схватившуюся за ручку двери.

— Я отойду на пару часов, — сообщила Вика в приоткрывшуюся щель.

— Иди, мне-то что, — безразлично отозвалась Ира. — Обедать не будешь?

— Некогда.

Ира пожала плечами. Потом заглянула в кастрюлю, шикнула и отпрянула. Суп бодро кипел. Придётся ждать, пока остынет.

Она пошарила в холодильнике, нашла упаковку крабовых палочек и уселась перед ноутбуком.

Подбежал Том, стал прыгать рядом, выпрашивая угощение. Крабовые палочки он обожал.

Материал про наркотики не поддавался. Мысль буксовала. Статья не обрела ни формы, ни даже тела, но уже невыносимо утомила.

Ира прокрутила пару чужих заголовков и задумалась.

Вика уходила не первый раз. Вчера ей тоже понадобилось отлучиться. И позавчера.

— Мама в курсе, — бросила она, не глядя на Иру и сосредоточенно застёгивая пояс.

Она вроде бы не делала тайны из своих отлучек, но и докладывать об этом не собиралась. Такое у Иры со-
здалось впечатление.

Ей по большому счёту было безразлично, где там Вика пропадает. После первых тяжёлых дней они вошли в режим параллельных вселенных, соседних планет: каждая сама по себе.

Хорошо ещё, мама больше не пыталась их подружить. Поняла, что выйдет только хуже.

Когда-нибудь это кончится. И солнце вновь воссияет над ними. Желательно по отдельности над каждой.

Еда закончилась, а Ира так ни на слово и не продвинулась. Исправила пару опечаток, и всё.

Дверь хлопнула совсем не сильно. Если бы Том не за-
лаял оглушительно, Ира и не заметила бы, что Вика вер-
нулась. А та даже не заглянула сообщить, что дома. Мол-
ча прошла в комнату.

Ира спохватилась, что снова забыла про суп. Теперь он остыл. Разогреть его ещё раз показалось глупо, есть уже не хотелось, да и обедать в компании с Викой она не любила.

Поколебавшись, Ира направилась в комнату.

Вика стояла у окна и, наклонившись, рассматривала что-то, как показалось Ире, лежавшее на ладони.

— Есть будешь?

Вика резко обернулась, спрятав руку за спину.

— Тебя стучать не учили?

— Я у себя дома.

— Спасибо, что напомнила! Нет, не буду, я же говорила!

— Три часа назад.

— Мне хватает!

Ира стиснула зубы и едва сдержалась, чтобы не сказать какую-нибудь грубость.

Суп она выплеснула в унитаз. Фасоль опрокинулась большим комком, подняв тучу брызг. Это уже было последней каплей. Последними каплями, если быть точной. Золотистыми такими каплями, оставшимися на полу и даже на стенах.

Ира сжала кулаки и беззвучно потрясла ими в воздухе. Отпихнула ногой вездесущего Тома, который всё находил страшно любопытным и во всё совал свой собачий нос, и отправилась за тряпкой.

— Ты слышала, девятым классам экзамен отменили? — спросила Ира. — Может, и ЕГЭ отменят?

Она мыла тарелки и подавала Вике. Та вытирала посуду и складывала в стопку на столе. На Ирину реплику она лишь пожала плечами. Как будто ей всё равно.

— Тебе нравятся твои профильные предметы?

— Я их ненавижу, — спокойно ответила Вика.

— А я сама выбирала.

Вика быстро подняла глаза. Помолчала.

— Совсем не обязательно копить посуду в раковине, — заметила она наконец. — Легче сразу после еды её помыть. Если уж нет посудомойки. Я обычно так и делаю.

— Так делай дальше. В чём проблема?

— В том, что я не могу убирать со стола после каждого чаепития.

Ира промолчала. Камешек был в её огороде. Вика перекусками не баловалась, чай пила только Ира. И — да, каждый раз хватала чистую чашку.

— Ты что, мёрзнешь?

Тему она сменила не очень изящно, но ничего другого в голову не пришло. Вика путалась в длинных рукавах плотного худи.

— Нет, не мёрзну, — отрывисто произнесла Вика.

Ира с подозрением покосилась на неё. Может, заболела? Какие-то у неё и правда тени под глазами. В другое бы время ну какие особые поводы для волнения? Чай с малиной, таблетку аспирина — и все дела. Но теперь-то!

Ира уже пожалела, что так равнодушно отнеслась к ежедневным Викиным вылазкам наружу. Вот где эта супергероиня шаталась? Мать на карантине, в четырёх стенах. А она...

Вика встряхнула волосами, бросила полотенце на табурет, повернулась к Ире.

— Это всё?

Да вроде никаких синяков, обычные глаза. Просто без макияжа и, кажется...

— Ты что уставилась?

Ира спохватилась и отвела взгляд.

...кажется, слегка утомлённые. Но это бывает, не страшно.

Ира отправила по местам чашки-ложки. Включила компьютер.

Она поколебалась, а потом всё-таки налила себе чай. И шоколадку прихватила. Что бы там Вика ни говорила, а чай с шоколадкой любую работу делает осмысленнее.

Но она не успела насладиться маминым иван-чаем. Даже запах его вдохнуть не успела.

— Тук-тук!

Вика стояла в дверях.

— Не можешь одолжить мне свой ноутбук? — спросила она. — Примерно на час.

— Не поняла. А что с твоим айпадом?

— Я его брала с собой и потеряла. Или украли.

— Давно?

— Ты что, детектив? — невесело усмехнулась Вика. — Ну, пару дней назад, если тебя это так интересует.

— И как же ты училась всё это время?

— С телефона, как! А сейчас ссылка не открывается!

— У меня работа вообще-то! А ссылок ещё много будет, — заметила Ира. — Самоизоляция же не завтра закончится.

— Да купят мне новый планшет! — не выдержала Вика. — Я не собираюсь всё время изоляции пользоваться твоей древней машиной! Ну давай я заплачу за аренду, если тебе жалко! Только не надо ездить мне по мозгам, плиз! Заплатить?

— Не настолько нуждаюсь, — Ира поднялась с места. — Пользуйся!

Оказавшись в комнате, она обнаружила, что шоколадку унесла с собой, но так её истерзала, что внутри обёртки перекатывалось и размазывалось что-то бесформенное. Пришлось выбросить, даже не распаковывая.

Она улеглась на кровать. В изголовье стоял Викин чемодан. Весь в наклейках — флаги и всякие красивые места. Города и страны, в которых звезда Виктория успела побывать.

Ира смотрела близко, наклейки расплывались перед глазами, превращались в разноцветные пятна.

Она не выдержала, перевернулась на спину, стала смотреть в потолок. Цветные пятна продолжали хороводиться перед внутренним взором; Ира понимала: закроешь глаза — будет всё то же.

То же.

Хотелось плакать. Не рыдать, а медленно так точить слезу. Она хотела всего лишь отстоять собственные границы. А оказалась жадиной.

Разве в ноутбуке дело?

Ну, то есть в ноутбуке, конечно. Но не в том, что Ире жалко. Просто в нём — всё Ирино, вся жизнь! И теперь её невыносимо раздражало то, что Вика находится в опасной близости от этой жизни.

Ира смахнула набежавшие-таки слёзы. Взялась за телефон.

И замерла, увидев сообщение.

Смайлик. Всего лишь маленький радостный значок. Но от кого!

Она даже не поверила!

Когда-то давно, целую вечность тому назад, Ира увлекалась фанфикшн-творчеством. Писала ориджи, ну и истории по мотивам.

Он с ней связался сам, указал на ошибки в готовой сцене. Сцена откровенная, с массой физиологических подробностей, Ира её создала так, как представляла, плюс «Википедия» и другие фики в помощь. Он подробно объяснил, в чём Ира ошиблась, рассказал, почему у мальчиков так не бывает и как должно быть.

На «Фикбуке» все живут под чужими именами. Его звали Эйр.

Какое-то время они общались. Если это можно так назвать. Он кидал сообщения — в основном пару фраз по теме, но всегда в точку, и всегда это оказывалось созвучно тому, что она чувствовала. В принципе, он мог бы просто оставлять комменты, но предпочитал личное общение, и в этом Ире виделось что-то интимное, многообещающее.

«Хочешь, поставлю тебя гаммой?» —
однажды написала она.

Но ответа не получила.

«А соавтором?»

Собеседник снова промолчал, и Ира больше не поднимала тему.

И вот — смайлик!

«Что делать, если в доме чужой?» —
написала она.

Сама от себя не ожидала.

Ответ пришёл почти сразу.

«Тебе для текста надо?»

«Нет. Для жизни».

И она рассказала всё. Про Вику. Про то, как трудно в последнее время писать. Про то, что ей, в общем-то, не с кем поговорить.

В этот раз ждать пришлось долго. «Печатает...» — общалось про собеседника. Ира вся извелась, глядя на то, как надпись то исчезает, то снова появляется.

«Бывает»

И всё.

Она уронила телефон под подушку и ощутила, что мир невыразимо горек.

Они встретились. По пути в школу Ира проходила мимо двухэтажного дома с четырьмя неуклюжими колоннами. Она всегда удивлялась, до чего не к месту эти колонны — дом хотя и старый, но не тех времён, когда колонны лепили на фасаде, да и выстроен совсем в другом стиле. И ещё она думала, что за люди там живут.

И вот возле этого дома её ждал тот, кто называл себя Эйром.

Ира сразу поняла, что это он: высокий, гибкий, тёмные короткие волосы. Правда, она никак не могла уловить черты его лица. Зато руки запомнила хорошо: он сразу же взял её ладони в свои — тёплые, большие, надёжные.

— Я знал, что ты особенная, — сообщил Эйр.

И Ира ощутила, как тепло от его ладоней проникает в неё и растекается по всему телу радостной волной.

— Видишь птицу? Другие бы сказали, что это чайка.

Небо было какое-то ненатурально голубое, и в этом небе металась крупная птица.

«А разве это не чайка?» — чуть не спросила Ира.

— Это буревестник. Он несёт с собой бури и катастрофы.

Откуда-то налетел ветер. Волосы Эйра, тёмные, но уже почему-то отросшие, развевались за ушами. За его спиной громоздились колонны, страшно высокие для ветхой двухэтажки. Эйр смотрел в небо, и его лицо по-прежнему оставалось неуловимым. Ира испугалась, что не запомнит его и в следующий раз не узнает...

Она глубоко вздохнула и вынырнула из сна. Сверху нависал потолок, подсвеченный ночными фонарями. Доносился отдалённый шорох машин, которых всегда много на центральной улице, несмотря на ночное время.

Этот шорох перебивало что-то ещё, какой-то тревожный и непривычный звук. Кажется, кто-то плакал. Сдерживаясь, заглушая всхлипы, глубоко и часто вздыхая.

Кто-то не хотел, чтобы его услышали. Он, наверное, укрылся одеялом с головой и рыдал в подушку.

Ира подняла голову.

Рыдания прекратились.

Ира снова легла, прислушиваясь. В углах ворочалась темнота, фонарные отсветы туда не доставали. Ночь всё меняла. Не нужно было проваливаться в сон, чтобы ощутить, что бывает и другая жизнь, не та, к которой привыкаешь днём.

Ира дёрнулась, пронзённая внезапной догадкой. Вспомнила всё, что читала в последнее время на тему...

«Если у подростка частые и необъяснимые перепады настроения... болезненный вид... частые беспричинные слёзы или, наоборот, смех... Если вы заметили, что из дома пропадают деньги и ценные вещи...»

Всё сходится, всё!

Викин утомлённый вид.

Украденный якобы айпад.

Свитер с длинными рукавами, скрывающими — что?

Ира от возбуждения и ужаса вцепилась в одеяло. Сон оказался в руку. В обе руки! Бури и катастрофы ждут впереди. Однако неужели всё зашло настолько далеко?

Она хотела вскочить, кинуться к Вике, затормозить, заставить признаться здесь же, сейчас же!

Но не вскочила, а продолжала лежать. Она не знала, что делать потом. У неё ничего не было из оружия, кроме проходных статей и отвлечённой мысли о том, что наркотики — зло.

Поэтому она сдержалась. Или струсила.

Утром пришла весть от Эйра. Не одно слово, а большое письмо. В основном про то, чтобы Ира не бросала писать. Неизвестно, как другим, но ему она подарила целый мир, глупо будет разрушить его из-за рядовой неудачи.

Как же отличались его слова от обычных посланий в стиле «автор, пиши ещё»! Каждое слово отзывалось эхом в Ирином измученном мозгу.

Теперь она понимала, почему Эйр не высказался сразу. Такие слова нужно вытащить из глубины, разглядеть на свету и уже потом подарить человеку, в котором видишь родственную душу.

Про Вику в письме тоже было.

«...Несчастнее, чем ты. Такие, как она, должны постоянно оправдывать ожидания. Они тратят на это все свои силы, и больше их ни на что не остаётся...»

При мысли о Вике Ира снова помрачнела. Она так и не придумала, что делать и как вообще жить дальше.

При свете дня всё, конечно, казалось уже не таким страшным. Когда Ира только что проснулась, она вообще подумала, что ей всё почудилось и волноваться не о чем. Но даже если... Всё равно есть надежда. Существуют же, в конце концов, хорошие специалисты, клиники, центры помощи.

Потом мысли с лёгкостью ринулись в другую сторону. Но ведь какова эта Вика?

Девочка из семьи со сверхдостатком. Избалованная вниманием. Да просто избалованная! Что будет, если родители узнают?! А и пусть узнают! — думала Ира с каким-то даже злорадством. Пусть мама увидит, что она за звезда! Пусть только попробует поставить её в пример!

Всё утро Виктория объяснялась с матерью, и, кажется, покупка нового айпада откладывалась. Денег в семье не осталось из-за кризиса, карманные ей, понятно, тоже урезали, а сбережений не хватало.

Оправдываться пришлось и за оценки. «Что значит — *четыре* тоже хорошо? — Ира слышала голос Кристины, та потребовала, чтобы дочь включила видеосвязь. — Для кого-то, может, и хорошо! Но не для тебя!»

Кристина её ещё и за внешний вид отчитала: «Ты себя в зеркало видела? Это нормальная причёска, по-твоему? А мешки под глазами откуда? Не надо на камеру списывать, ничего она не искажает!»

После разговора с матерью Вика заперлась в ванной и долго не выходила. Но когда появилась снова, лицо у неё было прежнее — спокойное и высокомерное.

Ни слова ни говоря, она потянулась за курткой.

— Ты куда? — напряглась Ира.

— По делам.

— Я тебя не пущу!

Вика повернула голову, будто не расслышала. И продолжила одеваться.

— Если ты сейчас уйдёшь, я всё расскажу своей маме. А она — твоей!

Ира хотела бы, чтобы голос звучал повнушительнее, а в груди не холодело от страха: вдруг не сработает?

Но сработало, сработало! Вика медленно огладила рукав своей бирюзовой куртки, помолчала, обернулась к Ире.

— Ноут дашь? — спросила она.

Ира подвинула к ней ноутбук, стараясь, чтобы руки не дрожали.

Вода из крана никак не хотела становиться холодной — текла невнятной тепловатой струёй, ничуть не освежая пылающее лицо.

Умывшись, Ира упёрлась лбом в зеркало. Отражение расплылось перед глазами. Она зажмурилась.

Вот как она умудряется делать такое безразличное лицо? Вика? Привычка, не иначе. Привычка и тренировка. Она же всегда на виду! Она не может спрятаться ни за чужим именем, ни за словами. Зато она научилась прятаться за маской безразличия и самоуверенности.

Ира промокнула полотенцем остывшие малость щёки. И распахнула глаза.

На полочке, выделенной во временное пользование Вике, за нарядными шампунями, бальзамами и кремами

она увидела спрятавшийся тюбик невзрачного вида. «Скорая помощь» — мазь от ожогов, порезов и других повреждений кожи.

Зачем?

Вика, разумеется, может сказать, что мазь ей нужна во избежание травм, она всегда носит её с собой, все спортсмены так делают.

Вот только когда у неё была последняя тренировка в реале?

Ира подумала, схватила тюбик и сунула его в карман.

Вика оторвалась от экрана и взглянула на Иру. Взгляд Ире не понравился. А когда Вика повернула к ней экран, это ей не понравилось ещё больше.

— Слэш-фанфики? Серьёзно? — Вика фыркнула.

Надо бы, конечно, не подавать виду, но Ира не сдержалась. Кинулась вперёд и захлопнула крышку ноута, хотя в этом уже не было смысла.

— А ничего так. Мне даже понравилось. — Вика улыбнулась. — Твои родители знают, чем ты увлекаешься?

Ира молчала.

Не переставая торжествующе улыбаться, Вика поднялась с места и неторопливо прошествовала мимо.

— Вернись вовремя, не волнуйся. Чао! — раздался её голос из прихожей.

Ира бессильно опустилась на стул.

«Давно хотелось спросить: почему у тебя такой безбашенный ник?»

Ира смутилась. Объяснить, что на «Фикбуке» она почти случайно? Что продолжает сюда наведываться только из-за него, Эйра?

С фанфиков всё когда-то начиналось. С крошки-гения Гермеса. Когда вышел фильм, все словно с ума посходили. Ира тоже — даже вспоминать стыдно.

В этом массовом сумасшествии её смущали две вещи. Первая — то, что Ира, как ни посмотри, была одной из многих. А она не любила быть частью большинства.

И вторая — Ира быстро просчитала, на чём строится такая всеобщая любовь. Сочувствие к отверженному, иллюзия несправедливости мира, которая ведёт к вселенскому одиночеству героя, и ещё более соблазнительная иллюзия собственной прозорливости, того, что именно Ты понимаешь все тонкости его души. Хотя таких прозорливых — по четыре штуки на квадратный метр.

В итоге ей стало скучно.

Хотя в сочинении этих историй тоже было что-то хорошее. Руку-то она набила.

И ушла бы с «Фикбука» насовсем. Если бы не Эйр.

«???»

«У меня есть и другие», —
сообщила она.

«Интригуешь»

«Я не нарочно»

«Расскажешь?»

«Почему нет?»

Она строчила, с удовольствием наблюдая, как громоздятся друг на друга полотна сообщений. Не испытывая больше ни робости, ни смущения. Свободный час, перерыв между уроками. По счастливому совпадению, у Эйра тоже случилась пауза. У них последние дни часто так совпадало, и в этом Ира видела знак. И он был не прочь поболтать.

Вика сидела в комнате. Два дня она вообще никуда не выходила. Копалась в своём телефоне или лежала, глядя в потолок. Кажется, и на уроки забила. Ноут, во всяком случае, больше не спрашивала. А Ира и не предлагала.

После того как Вика обнаружила её черновик, они особо не разговаривали. По-прежнему были чужими друг другу, но теперь у каждой из них имелось тайное оружие. И если бы Вика из вредности проболталась про Ирины сомнительные пробы пера, Ира шарахнула бы из всех орудий, это точно!

Вика появилась в дверях неожиданно. Как привидение выросла. Снова в своём худи. Она, кажется, даже спала в нём.

— Послушай, — она смотрела в пол. — У вас где-то есть жаропонижающее?

— У тебя температура?

— Если я спрашиваю жаропонижающее, значит, да!

Вика оставалась Викой.

Но ей было плохо — это очевидно. Она ухватилась за притолоку и пошатнулась.

— В больницу бы тебе надо, — заметила Ира.

— Не бойся, это не то, что ты думаешь.

— Я не про корону.

— Да всё в порядке! Пара таблеток парацетамола — всё, что мне нужно.

Ира покачала головой.

— Не смей! — крикнула Вика, увидев, что Ира потянулась за телефоном. — Мне нельзя в больницу! Без меня Тора погибнет!

«Бредит», — осознала Ира.

— Я всё знаю! — вслух сказала она. — Я ещё сомневалась, а надо было раньше рассказать! Но теперь я просто уверена!

— Ты о чём?

— Вот что ты за человек! Сдохнешь, а не признаешься! Кому оно нужно? У тебя же ломка!

— У меня... что?!

Вика от изумления даже оторвалась от притолоки.

— Ты совсем крейзи? Обчиталась журналистики своей. Смотри!

Она рванула рукав, обнажая предплечье. На нём, точно, цвели синяки и алели раны, но НЕ ТАКИЕ!

— Меня Тора цапнула! Собака! Не со зла, а потому что ей было больно! Больнее, чем мне! Тора — моя собака!

Я всё равно её заберу, как только она поправится! И никто мне не запретит!

Ира хлопала глазами и чувствовала себя так, будто это именно она запрещала Вике забрать себе какую-то псину.

— У тебя же аллергия на собак, — пролепетала она совершенно невпопад.

— Нет у меня никакой аллергии, — отмахнулась Вика. — Это мама выдумала. Она не хочет...

Силы у неё кончились. Она вздохнула, и опустилась на пол, и осталась так сидеть, опираясь спиной на стенку.

Перед тем как позвонить в скорую, Ира заметила, что от Эйра есть сообщение. Но, конечно, сейчас не тот момент.

— Девушка, ну не забираем мы по таким вызовам! — голос у женщины был усталый и тусклый. — Машин нет. Вообще. Надо же понимать ситуацию.

Ира понимала. Она даже благодарна была за то, что утомлённая женщина снизошла до объяснений. Но за стеной страдала Вика, звезда недосягаемая. И Ира частью была виновата (она нащупала тюбик с целебной мазью, который стащила из ванной, и он так и лежал у неё в кармане).

— Что же делать? — прошептала она.

— Ну что? Берите машину и едьте в травму, — посоветовала женщина.

Она всё ещё была на связи, Ира испугалась, что она услышит её мысли.

«Едьте» — неправильное слово елозило в голове, словно соринка, попавшая в глаз, мешало сосредоточиться и придумать хоть какой-то план.

А ещё Ира боялась открыть дверь и посмотреть на Вику. А вдруг она...

Глупо, как глупо!

Чудовищно глупо...

Вызвать такси, правильно!

Или маме позвонить сначала?

Или позвонить маме, чтобы она вызвала такси? И вообще, пусть приедет и избавит Иру от всего этого!

Мама не ответила.

«Ничего, — успокаивала себя Ира, — ничего, надо просто подождать».

Пальцы машинально пробежались привычным маршрутом — Ира даже не задумывалась зачем — и открыли единственную драгоценную переписку. Последние сообщения, нечитанные, Эйр удалил. Зачем?

«У меня беда», — набрала она.

«Снова борьба за территорию?»

«Нет, настоящая...» —

и рассказала о Вике.

Пляшущие точки набираемого сообщения.

«Жди».

Серьёзно?

Жди?

Что это за совет такой — жди? И вообще, что за манера: полчаса набирать пятьдесят слов, чтобы удалить потом сорок девять и послать одно?

Некогда ждать! Ира сейчас оденется, оденет Вику, вызовет такси — сама! — и они поедут! Или пешком пойдут в этот травмпункт!

Где он находится, кстати?

Она не успела выяснить. В дверь забарабанили.

Ира вздрогнула. Мама? Уже на бегу она вспомнила, что маме она так и не дозвонилась.

Вот бывает же так: однажды перед тобой вдруг появляются личности, о существовании которых ты вроде бы знаешь, но никогда не задумываешься. Здесь неправильно всё: и момент, и ситуация, и сама личность.

На пороге стояла одноклассница Женя Кудрявцева, а рядом — какая-то незнакомая тётка.

Гостей Ира точно не хотела, но тётка бесцеремонно вошла, скинула кроссовки и заглядывалась.

— Где раненая?

— Там, — Ира ошарашенно протянула руку в сторону собственной спальни.

Странная гостья кивнула и скрылась за дверью.

— Это моя тётя. Она не медик, но... почти медик. Первую помощь оказать сможет. И, если что, мы на машине. Отвезём сразу в больницу, там точно помогут.

— Как ты здесь... Ты откуда узнала вообще?

Женя округлила глаза. Как будто очень удивилась.

Потом улыбнулась. Но, не встретив ответной улыбки, посерьёзнела и даже как будто оробела. Она вообще была застенчивой и незаметной, эта Женя Кудрявцева.

Ире стало неудобно.

Женя смотрела по-прежнему серьёзно.

— Да ну! — пробормотала Ира.

Колонны вместе со старым домом рухнули первыми...

— Я думала, ты догадалась, — сказала Женя.

...Потом растаяла в воздухе птица — чайка или буревестник, — и небо исчезло, и земля ушла из-под ног...

— Столько совпадений! Я же тебе написала!

...И, наконец, исчез сам прекрасный Эйр, так и не позволив запомнить своё лицо.

Ира отступила назад и оказалась в кухне — на своей дневной территории. Она закрыла дверь, чтобы не видеть вконец потерявшуюся Женю.

Эйр! Точно, Эйр. Богиня врачевания, кажется, у скандинавов. Женька собирается учиться на врача, вот тебе и тайна имени! И знание физиологии обоих полов.

И с чего Ира решила, что это парень?

Она со стоном уронила голову на руки, стукнула несколько раз лбом по столу. Вот идиотка!

Ну почему, почему самыми слабыми звеньями в драгоценной цепи твоего опыта становятся друзья или те, кого ты хотел бы считать друзьями? От врагов можно ждать удара или сопротивления, и они почти всегда оправдывают ожидания. А от друзей ждёшь слишком многого, но они не обязаны нести такую ношу, да часто и не знают о ней...

Будь ты проклят, Эйр!

Нет.

Будь ты проклята!

Снова появилась эта самоуверенная почти-медик, Женькина тётка.

— Так, мы в больничку! Это не смертельно! — она взмахнула рукой и усадила на место встрепенувшуюся Иру. — Не смертельно, но я бы подстраховалась. А вы сидите и ждите. Ты, — она обернулась к Жене, которая так и стояла столбом в коридоре. — Остаёшься здесь! Вдруг этой тоже помощь нужна.

Ира не успела среагировать — тётка стремительно развернулась и исчезла. Вместе с Викой.

— Не нужна мне помощь, — сказала Ира, стараясь не глядеть на одноклассницу.

— Слушай, я правда... Я не думала, что ты так воспримешь...

Женя подошла к окну.

— Уехали, — сообщила она.

— Ты с самого начала знала?

— Нет, что ты! — Женя зашевелилась, заторопилась. — Совсем недавно! Когда ты про остальное своё творчество рассказала. Я же читаю всё, что ты пишешь! Я вообще завижусь, когда кто-то умеет связно мысли излагать. А ты так вообще звезда!

— Я? — удивлённо переспросила Ира.

— Разве нет?

Ира покачала головой.

То, что её дурачили не с первого дня переписки, конечно, утешало. Но не сильно. А ещё почему-то вспомнилось, что Анфиса не любила слово «творчество». Считала, что его используют одни дилетанты. «Я в своём творчестве...» Тьфу! Избегайте пафоса, девочки и мальчики! Есть работа. Job! Труд. Пахота. И озарение — как заслуженная милость. Остальное — от лукавого.

Но Кудрявцевой-то откуда об этом знать!

Хотя...

До неё только сейчас дошло, что чумовые арты к фику — её, получается, рук дело! В Ириной голове это никак не хотело укладываться!

— Ты знала, что Вика волонтерит в питомнике? — спросила Женя.

Кудрявцева, серая мышка, блёклое растеньице, кто её когда замечал за её второй партией? И она — творческая личность, соулмейт, родственная душа?

— Я тебя всё равно не прощу! — сказала Ира.

Женя кивнула.

Отвернулась к окну. Долго смотрела на улицу.

— Когда всё это кончится? — спросила она.

Мама перезвонила, когда всё уже было позади. Вика спала, убаюканная снотворным. Женя с тёткой уехали.

— Прости, солнышко, оставила телефон в куртке, представляешь? Спихватилась, что мне никто не звонит, а там двадцать непринятых! И от тебя тоже! У вас всё в порядке?

— Теперь да.

— Ну и отлично! Сегодня какой-то бестолковый день, бывает же! Может, буря магнитная?

— Мам, ты уколы делать умеешь? — перебила Ира.

— Ой, нет, что ты, я вообще крови боюсь!

— При чём здесь кровь, — вздохнула Ира. — Значит, правильно я с кудрявцевской тёткой договорилась.

— Ирусик, — голос у мамы изменился. — Что-то случилось?

— Много чего...

— Кошмар! — мама даже до конца не дослушала. — Ты почему мне не рассказывала? Ты мне не доверяешь, да? Ты хоть понимаешь, что натворила? Что я теперь Кристине скажу?

— Мам, кто из нас взрослый, ты или я? — не выдержала Ира. — Тебе что важнее: чтобы Вика поправилась или чтоб Кристина не заругала? Алё!

Ира взглянула на экран, убедилась, что — да, мама бросила трубку. Пожала плечами.

Это был странный вечер. Родители пришли домой вместе — скорее всего, встретились где-то по пути и уже всё обсудили.

Мама Иру больше не упрекала. Ужинали почти молча. Вика ещё спала.

Том чуял неладное — не кидался радостно в ответ на каждый взгляд, не выпрашивал еду, а только шевелил ушами и тихонько поскуливал.

Кристина позвонила сама. Мама выдохнула, надела улыбку и прижала телефон к уху:

— Крис, дорогая!

Ира подумала, что мама всё-таки не очень хорошая актриса. Да и была бы хорошей — не помогло бы. Кристина обо всём уже знала. После первых же её реплик мама улыбку сняла, а потом вообще ушла в другую комнату.

Оттуда сначала доносилось приглушённое бормотание, отдельные фразы: «Какие собаки, Крис?.. А ты сама-то знала?.. Ну, это же не вчера началось, правда?»

Потом мама стала говорить громче и решительнее.

— Тебе что важнее: чтобы Вика поправилась или чтобы нашлись виноватые? — расслышала Ира. — Ну знаешь, дорогая!

Тут папа прикрыл дверь.

Мама вернулась к ним раскрасневшаяся, сердитая, но довольная.

— Я ей всё высказала! Всё! — она рубанула рукой в воздухе, едва не выронив телефон.

— Как же нам жить теперь, после такой-то перезагрузки, — заметила Ира.

— Ты знаешь что! Ты не ехидничай!

— И в мыслях не было! — тут же съехидничала Ира.

Мама в запале сказала бы что-нибудь соответствующее моменту, но тут вошла Вика.

— Сожалею, что доставила вам столько проблем, — проговорила она, ни на кого ни глядя.

— Викуля... — начала мама и умолкла.

Папа кашлянул.

«Наступило неловкое молчание», — пишут в таких случаях, и это давно стало штампом и общим местом. Ира не навидела общие места.

— Лично я проблем особо не вижу, — произнесла она. — И собаку свою из приюта можешь забрать. Пусть пока здесь поживёт. Я не против.

Вика с изумлением уставилась на Иру. Потом на маму. Та беспомощно развела руками.

— Ну а что? — ещё громче сказала Ира. — Мне было бы обидно, если бы я загнала айпад, чтобы оплатить операцию, а псина подохла только потому, что за ней некому ухаживать. Разве нет?

— А... Том?

— А Том у нас гостеприимный, — весело откликнулся папа.

В коридоре раздалось цоканье — Том услышал, что говорят о нём, и явился собственной персоной. Вика присела рядом с пёсиком и обняла его здоровой рукой. Тот, как всегда, охотно откликнулся на ласку, но ещё и тянулся носом к забинтованному Викиному предплечью — непривычный медицинский запах не давал ему покоя...

Нет, всё-таки кухня определённо удобное место. Во многих отношениях. Ира потянулась, хрустнув суставами. Кинула в рот пару орешков.

Потом безжалостно удалила всё, что написала.

И начала снова.

Взрослые так яростно оберегают нас от неприятностей. Может быть, потому что сами не знают, как выбираться из них?

Они не знают.

Я тоже.

Но я постараюсь узнать как можно больше. По-моему, именно это и значит — быть взрослым.

ШЕКСПИР СКАЗАЛ...

Кася зажмурилась. Её распирало от счастья, от желания рассмеяться, от ласковой щекотки внутри. Подушка мягко обволакивала ухо, одеяло невесомо лежало на плечах, правая рука затекла — Кася уже долго лежала так, запихнув её под подушку и согнув локоть. Но шевелиться не хотелось — чтобы не спугнуть нахлынувшее ощущение свободы и радостного большого предчувствия.

Через неделю она увидит Питера!

Питера Пэвенси, того самого, который Икар в сериале «Гении».

Вообще-то он не актёр, а музыкант, у него своя рок-группа, он ездит по всему миру с концертами. Но на роль

главного гения выбрали его, потому что он там самый красивый! И самый талантливый! Питер живёт в Лондоне, в обыкновенной квартире. Любимое блюдо — жареный сыр, любимый день недели — четверг, любимый цвет — зелёный, любимый поэт — Шекспир. Кася всё про него узнала!

Кася теперь тоже любит Шекспира.

Она всё-таки перевернулась на спину, выпрямила затёкшую руку, принялась разминать, хотя это и очень неприятно.

Вскоре покалывание прекратилось, пальцы обрели чувствительность, и Кася снова блаженно вздохнула.

Мир устроен справедливо и мудро. И она, Кася, заслужила своё счастье!

Кто бы сомневался! Ведь она не из тех, кто бессмысленно вздыхает, рассматривая чужие фото, а по ночам рыдает в подушку, потому что мечта недостижима.

Кася знала, что Питер не божество и что ничего недостижимого нет. Поэтому у неё с самого начала имелся план. Выучить английский (это само собой). Завести собаку (у Питера есть). Научиться плавать (Питер любит). Научиться играть в большой теннис (он проводит на корте два раза в неделю по два часа, а если не занят на съёмках и репетициях, то даже чаще). Ещё желательно похудеть и стать знаменитой.

Лучше всего пока с английским. Шекспира она читает в оригинале. Ещё Кася смотрит фильмы на английском,

даже уже без субтитров, листает англоязычные сайты, сидит над переводами. У неё все приложения на смартфоне — учебники по английскому. И поступать она собирается на переводчика.

Питер стоил таких жертв. Однозначно.

Кася не одна так думает. Миранда с ней согласна.

У них с Мирандой много общего. Обе терпеть не могут носить шапки, правда, по разным причинам. У Миранды густая копна волос, которая никуда не помещается. У Каси волосы, наоборот, гладкие и мягкие, быстро теряют объём, и она вылезает из шапки как прилизанная крыса. У обеих по старшей сестре. Касе досталась зануда Лизка, а Миранде — она не помнила, как зовут, но имя тоже нормальное. Не как у них.

Это была идея Миранды — сдавать квартиру.

Они давно решили: когда обеим исполнится восемнадцать, они непременно полетят в Лондон слушать Питера. Кася весь его репертуар знала наизусть. Миранда нет, ей вообще достаточно просто смотреть на него и вздыхать. Кася про себя удивлялась такому легкомыслию. Но ни на чём не настаивала.

Миранда и без того крута. Она выглядит взрослее, ведёт себя свободнее, умеет курить и целоваться — куда ещё? Должно ведь и у Каси быть какое-то преимущество?

В общем, это будет шикарный подарок им на совершеннолетие. Но на Лондон нужны деньги. На лучшие места в концертном зале — в первую очередь. Не говоря уже про отель, рестораны (ну ладно, кафешки), одежду, транспорт и прочие непредвиденные расходы.

Квартира принадлежала Миранде. Ну, то есть не только ей. Есть ещё мать и та самая сестра. Но мать колесила по стране — говорила, что работает, присылала деньги, то больше, то меньше. В общем, не мешала сёстрам жить уже почти два года. А теперь и старшая укатила по личным делам.

Миранда осталась одна в большой квартире.

На самом деле в обычной двушке, но с балконом и просторной кладовой — настолько просторной, что Миранде она служила комнатой, когда вся их семья была в сборе. Без окон, но зато собственный угол.

— Давай сдадим мою конуру? — предложила она.

Они сидели на полу в гостиной, хрустели чипсами и, кажется, смотрели какой-то фильм.

Чипсы были яблочные, и Миранда ругалась, потому что она такие не любила, а Кася доказывала, что если постоянно жрать засушенную картошку, то заработаешь гастрит. В любом случае ничего другого у них не имелось, и Миранда кривилась, но ела.

Потом поставила фильм на паузу и вот тут-то и сказала:

— Слушай, Кас! У меня идея!

Глаза у неё при этом стали совсем тёмными. Они у неё всегда темнели — наверное, она как-то по-особому прищуривалась, — когда она что-то придумывала.

Идеи у Миранды по большей части были дурацкие и опасные — типа украсть что-нибудь ненужное в супермаркете или перекидать с балкона все грецкие орехи из вазы на головы входящих в подъезд. Так, из чистого азарта.

Поэтому Кася недоверчиво спросила:

— А как же ты?

— А я к Киру перееду. Я и так почти всё время у него тусуюсь.

Любовь к Питеру не мешала Миранде встречаться с Кириллом, а до него с кем-то ещё. Этого Кася тоже не понимала.

Как можно думать о ком-то ещё, если есть Питер? Но если рассуждать отвлечённо и забыть о том, что они подруги и у них даже на Лондон общая копилка, то в этом тоже есть своя правильность. Питер обязательно оценит Касино постоянство. Не может не оценить! И когда он выберет её, Миранда сможет утешиться с одним из своих парней. У неё в запасе вон сколько!

Мысль с квартирой, надо признать, звучала заманчиво. При таком-то стечении обстоятельств.

А потом появился Влад.

Так он и представился — Влад. Хотя по паспорту звался Владиславом Руслановичем, тысяча девятьсот какого-то года рождения. Кася с перепугу ослепла, не разглядела ни фамилии, ни точной даты. Миранда — нет, та даже сфотографировала документ на телефон. И самого Влада тоже.

Тот улыбнулся и тут же закивал — всё нормально, так и должно быть.

Вообще-то он был далеко не первым претендентом. Сдать квартиру оказалось не так уж легко. Первые разы, когда звонили по объявлению, их никто всерьёз не воспринимал. Но потом Миранда научилась говорить взрослым голосом, не заикаясь и чётко проговаривая условия. Стало получше. По крайней мере, до того момента, пока народ не проявлялся в реале. Тогда возникли другие сложности:

- А это точно ваше жильё?
- А вам уже есть восемнадцать?
- А договор оформлять будем?

Миранда такие опасные разговоры сразу пресекала.

- Что-то не устраивает? Ищите дальше, хат полно!

Решительно и даже грубо, но правильно, конечно. Им нужны были деньги, а не проблемы с выяснением личности.

И вот — Влад. Этот лишних вопросов не задавал, даже когда они по очереди представились, только хмыкнул:

— Миранда и Кассандра? Серьёзно?

— Нет, конечно, — насмешливо отозвалась Миранда. — Творческие псевдонимы. Тоже паспорт показать? Кася кашлянула. Зачем она так шутит?

Квартирант с интересом оглядел Миранду, секунду подумал, а потом кивнул:

— Можно и паспорт.

Кася замерла. Но Миранда, кажется, не смутилась. Она вытащила из кармана документ и продемонстрировала Владу. Тот близоруко прищурился, разглядывая, потом усмехнулся:

— Что ж, будем знакомы... Миранда.

— Ф-фух!

Миранда соскользнула по стеночке прямо на пол. Запрокинула голову, весело взглянула на Касю снизу вверх, дурашливо свесила язык.

— Не скажу, что было легко. Я чуть не умерла!

— По тебе не скажешь, — с завистью отметила Кася. — Как ты год рождения скрыла?

— Ловкость рук, — Миранда постучала затылком о стену. — Кас! Всё получилось! У нас будут деньги!

Пискнул телефон. Миранда разблокировала экран, на её лицо лёг синеватый отблеск.

— Уже!

Она поднялась, продемонстрировала Касе сообщение о денежном переводе.

— Лондон, жди!

— Питер, мы с тобой! — подхватила Кася.

Они засмеялись и побежали вниз по лестнице.

Это Кася настояла на генеральной уборке. Жильё должно выглядеть опрятно и привлекательно. По лицу Миранды было видно, что ей и так сошло бы. И опрятно, и привлекательно. Даже с кастрюлями на подоконниках (ну так пустые же!) и вековой пылью на верхних полках (не видно же!).

— Перчатки надень, — Миранда кинула в неё скомканной резиновой перчаткой: заметила, что Кася снова дует на ладони, покрасневшие от химии.

Кася не выносила перчаток. Она и вязаные-то с трудом терпела, и зимой ходила — руки в карманы. А резиновые вообще вызывали у неё омерзение.

Поэтому она не среагировала, и брошенная Мирандой перчатка шлёпнулась в ведро, распрямилась, наполнилась водой и плавала там теперь пятипалой медузой.

Лишнее и личное. От всего, что подходило под эти две категории, квартиру следовало освободить. От первого Миранда избавилась безжалостно и решительно. Второе частью снесли в кладовую, частью на балкон.

— Ты уверена, что это не нужно? — спросила Кася, наблюдая, как Миранда деловито прихватывает скотчем крылья картонного ящика, в который упихала какое-то барахло.

— Да, — решительно отозвалась подруга. — Это мамин. Она сама такое старьё на помойку отправит, когда вернётся. — Она ловко прикусила скотч зубами, отчего лента с треском оторвалась. — Если вернётся, — добавила она.

Они оглядели сияющую квартиру.

Кася, если честно, немного жалела о том, что не будет больше уютного уголка, где можно поболтать, полистать журналы, да просто посидеть-почитать. И к урокам теперь придётся дома готовиться. Миранда со своим Ки-ром, наверное, вовсе перестанет заниматься глупостями вроде уроков. Она вон собственные учебники чуть на балкон не отправила.

— А, ой! — спохватилась она, когда Кася вырвала у неё из рук стопку книг и молча сложила рядом со школьным рюкзаком.

Мама зато будет довольна.

Она не любит Миранду. Считает, что та может плохо повлиять на Касю. Даже смешно! Могла бы — повлияла бы. Да и что значит — дурное влияние? Курить научит? Кася пробовала — ей не понравилось. Алкоголь Миранда сама не любит, хотя от её взрослых друзей в холодильнике

постоянно оставалось какое-нибудь пиво. Да, жалко оставлять такое обжитое место.

Но всё это — ради Питера!

— Я не пойду! Кир будет против, — упрямо повторила Миранда.

— С каких это пор ты слушаешься своего Кира? — фыркнула Кася. — Ладно, ключ тогда мне выдай.

Она уговаривала подругу заглянуть в квартиру, чтобы забрать флакон с парфюмом, который там забыла. Это был Лизкин парфюм вообще-то, взятый без спросу и почти присвоенный, и старшая сестра именно сейчас, очень некстати, обнаружила пропажу.

— Ключ-то зачем?

— На всякий случай. Вдруг Влада дома не будет?

Влад жил в квартире около трёх недель и вроде ни на что не жаловался.

— Ты его навещала хоть? — поинтересовалась Кася.

— Навещала, — неохотно ответила Миранда.

— У Кира разрешения спрашивала? — не удержалась от ехидства Кася.

Миранда не ответила. Выудила откуда-то рюкзак и принялась искать ключ.

Они разговаривали на пороге квартиры, где обитал Кирилл. Даже отсюда, из коридора, видно было, как здесь

всё захламлено и запущено. Дверь в кухню с выбитым стеклом, забитая какими-то картонками внахлест. Голый пол, по углам пакеты, жестяные банки и игрушечные машинки. Они-то здесь откуда? — удивилась Кася. Но потом вспомнила Кирилла, и удивление прошло.

Она посочувствовала подруге. Хотя Миранда, похоже, привыкла к этому вечному хаосу в её жизни.

Пришёл откуда-то кот, огромный, чёрный, лохматый, обошёл вокруг Мирандиных ног, улёгся на тапки.

— Здравсьте! — возмутилась Миранда.

В тапках, между прочим, были её ноги.

— Тяжёлый? — поинтересовалась Кася, наклоняясь к коту.

Тот поднял глаза и серьёзно уставился на неё. Глаза оказались жёлтыми, и в них не чувствовалось того превосходства, которое обычно исходит от всех кошачьих. Нормальный такой изучающий взгляд.

— Да не особо, — отозвалась Миранда, продолжая шарить в рюкзаке. — В нём шерсти больше, чем веса. Держи!

Она наконец протянула ключ Касе, зашвырнула рюкзак в сторону кухни и взяла кота на руки. Тот беззвучно мяукнул.

— Это не кот, — объявила Миранда. — Это котопёс. Предан хозяину.

Хозяин, Кирилл, где-то в глубине квартиры слушал музыку.

— Бемоль, ко мне! — слышалось из комнаты.

Кот забарахтал лапами, соскочил с Мирандиных рук и кинулся на зов.

— Я же говорила, — усмехнулась Миранда.

Кот Бемоль понравился Касе ещё сильнее.

«Может, кота завести? — подумала она. — С котом проще. И родители не будут так возражать, как против собаки. Но нет. У Питера пёс, надо пса».

Кася тяжело вздохнула.

Ключ не понадобился. Автомобиль Влада стоял под окнами. И теперь Кася топталась на площадке перед дверью, раздумывая, позвонить или постучать.

Ей не нравился звук звонка — резко-навязчивый, неестественный. В прежние времена она никогда не касалась этой кнопки. Предпочитала стучать. Миранда знала об этой её особенности. Считала чудачеством, конечно, как и нелюбовь к перчаткам. Но никогда не смеялась. У неё самой странностей хватало, у Миранды.

Ну, и потом, она всегда знала, что, если стучат — значит, Кася пришла, если звонят — значит, кто-то чужой.

Влад об этом не знал.

— Э-э... — он покосился на звонок.

— Я только вещи забрать, — объявила Кася.

И шагнула через порог, не дожидаясь приглашения.

Влад посторонился. Кася очень решительно прошла к кладовой.

В квартире, кажется, ничего не изменилось. В этом ничего странного, конечно. Не многодетная же семья въехала с горшками, кастрюлями и вагоном игрушек. А одиночка, пашущий на удалёнке. Что у него за вещи, кроме ноутбука?

Дверь в гостиную была распахнута. Краем глаза Кася рассмотрела краешек светящегося экрана. Влад к рабочему месту не возвратился, наверное, прошёл в спальню.

Нет, на кухню: Кася уловила сипение водопроводного крана и писк микроволновки. Обеденный перерыв у человека.

А Кася распахнула дверь кладовой и запрокинула голову. И как теперь искать этот драгоценный флакон?

Да как всегда — по плану!

Сначала Кася осмотрела всё, что на виду. Попыталась вспомнить, в какую коробку она сложила свои вещи. Небось, в самую дальнюю. Закон подлости тире закон постоянства. Как бы не выбросила! Помнится, аромат не понравился ни ей, ни Миранде. У Лизки флакон стоял в самом дальнем углу, вот Кася и решила, что это негодная вода. Оказалось — элитный парфюм, которым пользуются только

по великим праздникам. Сестра собралась встречать Новый год со своим парнем, пришёл час элитного парфюма, а того на месте не оказалось. Лизка уже косилась подозрительно на младшую, уже спрашивала, не брала ли Кася водичку с полки. Кася, естественно, всё отрицала. Но пропажу надо было вернуть. Лизка ладно, но вот родительского допроса Кася не выдержит. Она не очень умела врать.

Кася вздохнула и потянула на себя ближайшую коробку.

Сначала она осторожничала, шуршала в кладовой. Потом, когда поняла, что всё серьёзно, переместилась в коридор, распаковывая коробку за коробкой.

Отыскала другие свои вещи: книги, пару комиксов, наклейки с «Гениями». Сложила в отдельную стопку.

А флакон сгинул!

Кася с досадой оглядела грудку вещей, которые предстояло теперь упаковывать заново.

Влад не возражал против такого безобразия. Он пару раз перемещался по коридору. Но молча, никак не тревожа Касю.

Она была ему благодарна за это, хотя всё равно чувствовала себя неловко. Ведь явно же стесняет человека! Вон он на балкон выходит, чтобы по телефону поговорить!

— Прости, пожалуйста!

Влад как раз с этого балкона вернулся, поток свежего воздуха, впущенный наружной дверью, ещё не иссяк.

— Я уже заканчиваю! — торопливо сказала Кася.

— Да нет, я не об этом, — Влад как будто смутился. — Можешь оказать мне услугу?

Кася неуверенно пожала плечами.

— Пойдём, — Влад кивнул в сторону кухни, поманив её за собой. — Ты ведь умеешь резать хлеб?

— Что? — не поняла Кася.

— Сможешь порезать хлеб? И сыр. И ветчину, если не трудно.

— Как-то по-особому? — она всё ещё не понимала.

— Нет, обыкновенно. У меня проблема. Не люблю прикасаться к ножам. Не удивляйся.

— Это... фобия такая?

— Типа того, — кивнул Влад. — Не смертельно, конечно. Жить можно. Но кусать от целого куска сыра уже поднадоело. И хлеб руками ломать. Чувствую себя дикарём.

Он улыбнулся и развёл руками.

Кася сделала шаг к разделочному столу. Там лежал хлеб в целлофановой упаковке.

— Ножи в верхнем ящике!

Мог бы не говорить. Кася знала, где тут что лежит. Она взялась за нож, недоверчиво покосилась на Влада — не разыгрывает? Но тот погрузился в недра холодильника, поспешно выгружая оттуда всё, что поддаётся нарезке. Пользуясь случаем.

Услуга-то на десять минут! Кроме сыра и ветчины она ещё и картошку почистила — не идеально, но Влад, конечно, придираться не будет.

— Спасибо! — Влад, кажется, и в самом деле испытывал огромное облегчение. — Давай я чаем тебя угощу. Ты ведь после школы. Проголодалась, наверное.

Ну вообще-то да! Она бы сейчас не отказалась от какой-нибудь еды. От пары сделанных ею бутербродов.

Но вслух она почему-то сказала:

— Я не голодна.

— Как хочешь, — пожал плечами Влад.

И Кася обречённо поплелась обратно, укладывать вещи.

— Это твоё? — спросил Влад, указывая на стопочку книг.

Джек Лондон, Хемингуэй и что-то современное, всё на английском.

— Моё, — сказала Кася.

Влад помолчал. Потом сказал:

— Давай помогу.

Конечно, ему хотелось, чтобы она побыстрее со всем этим управилась и убралась отсюда. Она хотела того же самого, поэтому не возражала.

Какое-то время они молча убирались. Потом Влад спросил:

— Как, ты говоришь, называется твой парфюм?

— «Песня золота».

— Угу.

Влад потянулся за телефоном. Потыкал в экран, поднёс к уху, ушёл на балкон.

— «Песня золота», — повторил он, появившись. — Ты знаешь, что это один из кеннингов Брисингамена?

— Что? — не поняла Кася.

— Брисингамен. Ожерелье Фрейи. Не знаешь, кто такая Фрейя?

— Не знаю, что такое кеннинг.

Они посмотрели друг на друга. Влад фыркнул. Кася тоже улыбнулась.

— Может, всё-таки выпьешь чаю?

— Ладно.

Он выставил на стол две чашки. Они тут были разноцветные, и Касе досталась её любимая зелёная. Совпадение ей понравилось. Чай, впрочем, тоже. Цветочный, бархатный. Она с удовольствием жевала бутерброд с сыром. Влад пил только чай, время от времени поглядывая на неё. Как ни странно, Касю это не смущало.

Потом брякнул телефон. Влад поднёс трубку к уху, ни «алло», ничего, молча выслушал, что ему там сказали, и вернул телефон на подоконник.

— Зайдёшь завтра? — спросил он. — Обещали привезти твои духи.

— Вот этот самый... кеннинг Брисингамена?

Настоящее название почему-то напрочь выскочило из головы.

— Да-да, — засмеялся Влад.

Перед сном Кася устроилась в постели с телефоном. Она не страдала привычкой заглядывать в какой-нибудь «Тикток» через каждые пятнадцать минут. Но пролистать вечером новостную ленту — это обязательно. В основном про Питера, конечно.

Хотя он в последнее время новостями не баловал. С головой ушёл в новый проект вместе со своей группой. Кася, конечно, полезла выяснять.

Масштабный экопроект. Благотворительный. Называется «Йеллоустоун». Сладкий мой, он ещё и за природу волнуется, умилилась она, любуясь крупным планом его улыбчивого лица.

В комнату вошла Лизка и принялась выгружать вещи из нижнего ящика стола.

Ужасно неудобно делить комнату со старшей сестрой! Кася аккуратно свернула портрет Питера, переключилась на переписку.

Ничего интересного. Пара свежих мемчиков от Миранды, Кася пролистала их почти бездумно, классные чаты — с учителем и без. В том, что без, закипела какая-то

ругань, в которой под конец остались трое: Алёна Васнецова и Ярик с Гариком.

Кася улыбнулась. Вечные соперники. Оба с первого класса влюблены в Васнецову, которая считает себя первой красоткой. Однажды они переключились на Касю, тоже оба. Но она их упорно игнорила, и они в конце концов вернулись к своей первой любви. Васнецова успокоилась, хотя нравился ей, кажется, только Ярослав.

Касю никто не понимал. И Ярик, и Гарик посчитали её странной. Алёна хоть и ревновала, но явно не могла понять, как можно быть безучастной к вниманию такого популярного парня, как Ярослав. Миранда тоже считала, что Кася не умеет пользоваться своей красотой и вообще себя не ценит.

Как они все ошибались!

Всё совсем наоборот!

Просто у Каси кроме красоты имелся ещё и ум! И безупречные манеры — да-да, она умела не только орехами с балкона бросаться. И далеко идущие планы, в которых Ярику с Гариком места не было!

Лиза ругнулась, уронив что-то на пол. Она всё никак не могла успокоиться насчет парфюма. Устроила вот глобальный поиск.

— Ты точно не брала флакон? — недовольно спросила сестра из-за спины.

— Угу, — лениво отозвалась Кася, делая вид, что страшно увлечена просмотром новостей.

Хотя внутри всё напряглось. Казалось, Лиза пытается нащупать Касины настоящие мысли прямо через затылок.

— Ладно, — наконец произнесла сестра.

Когда она вышла, Кася осторожно выдохнула.

Те, кто постоянно врёт, как они живут-то? Хотя вот так, наверное, и живут! Поди знай, что скрывается за каждой лучезарной улыбкой или непроницаемой личиной!

Но трудно. Кася призналась себе, что на притворство уходит много сил, неразумно много.

Хорошо, что завтра проблема с Лизой решится. Влад обещал.

Кася набрала в строке поиска «кеннинг». Оказалось, всё просто, кеннинг — это всего лишь скандинавская метафора, замена обыкновенного названия.

Про Фрейю она тоже почитала, раз уж пришлось в тему. Забавная история с этим ожерельем, оказывается! Интересно, Лизка её знает?

— Лиз! — позвала она.

— Чего тебе? — Лиза появилась на пороге.

Секунду Кася смотрела на неё.

— Выключи свет, — попросила она.

Сестра возмущённо фыркнула. Но выключателем всё-таки щёлкнула. Кася тихо засмеялась, сползла под одеяло,

послала в темноте воздушный поцелуй портрету Питера, висевшему над кроватью.

Через минуту она уже спала.

— Хочешь заработать немного? — спросил Влад.

— Хочу, — отозвалась Кася. — Конечно, хочу! Ты что-то можешь предложить?

После того как Влад помог ей вернуть «Песню золота», они перешли на «ты».

Кстати, вместе с духами, предназначенными на замену Лизкиным, Влад вручил Касе маленький флакон, похожий на капельку.

— Это тебе.

— Мне? — удивилась Кася.

— Ну да. Подарок к Новому году.

Кася медлила. Тогда Влад протянул руку и вложил прозрачную каплю в её ладонь.

— Благодарность за понимание, — пояснил он. — Не каждый прощает фобии ближнего своего...

Она потом ещё какое-то время размышляла, что это, если не подкат. Правда, что ли, благодарность такая? Но потом решила не заморачиваться. Так-то да, Влад старательно избегал любых режущих предметов, ножиц тоже.

Аромат, кстати...

Первый же вдох захлестнул Касю ощущением свежести, ветра, полёта, разогретого солнцем воздуха. Ускользающий и изменчивый запах мира, в котором живёт Икар. Или сам Питер. Куда там Лизкиному кеннингу!

И как это Влад угадал?

Сестрин флакон она подбросила в угол одёжного шкафа, уронив пару-тройку капель, чтобы навести на след. А свою «капельку» носила в рюкзаке, решив никому не показывать.

Даже Миранде.

С Мирандой последнее время складывалось странно. В школе они виделись редко. В гости Миранда не звала. На сообщения отвечала не сразу.

Деньги у них по-прежнему были общие и хранились у Каси. Но Кася начинала думать, что подруга забыла об их общей цели.

Незадолго до Нового года Миранде позвонила сестра, сказала, что собирается провести праздники дома. Но передумала, обошлось.

С матерью всё проще: от неё Миранда получила сообщение и денежный перевод. Кажется, сейчас мать гастролировала где-то в районе Урала. Одним словом, праздники прошли спокойно и скучно.

Влад даже квартиру не украшал. Кася принесла из дома гирлянду, они растянули её в коридоре, получилось очень красиво и даже не по-новогоднему, а просто так — уютно.

Эта гирлянда и теперь мигала разноцветными огоньками, через кухонную дверь полыхало зелёным и красным.

— Так что ты предлагаешь? — спросила Кася.

Влад отодвинул вазу с печеньем, облокотился на сложенные на столе локти.

— Это совсем просто, — начал он.

Кася сидела одна в квартире. Они так и договорились: Влад уйдёт по своим другим делам, а квартира останется её рабочим офисом.

На столе лежали три телефона. Влад обещал, что раньше двух никто не позвонит. До условленного времени оставалось минут пять.

Кася ещё раз прокрутила в голове инструкцию.

И ощутила волнение.

Почему? Работа ведь несложная. Только немного необычная.

Резкий звонок заставил её вздрогнуть. На часах ровно четырнадцать ноль-ноль, даже секундная стрелка указывает в потолок.

— Let him have his fun!* — отчётливо проговорила она, услышав «Hello».

И нажала отбой, не дожидаясь ответа. Так её научил Влад: скажешь что положено, и всё. На вопросы не отвечать. В разговоры не вступать.

* Let him have his fun! (англ). — Позволь ему позабавиться.

А и некогда было вступать в разговоры. Тут же зазвонил второй телефон. Для него у Каси заготовлена другая фраза. «No man is an island»* — тоже без лишних слов и вопросов.

И понеслось! Первый, второй, третий, второй. Опять первый, потом второй и третий одновременно! В какой-то момент Кася растерялась. Но звуки любимого английского скоро успокоили её.

Фразы чужого языка казались подвижными, струящимися, упругими. Гласные — как набегающие волны. Согласные — влажные живые стебли, скользящие по нёбу, по гортани, привыкшим к другим словам и другим звукам.

Три телефона — три фразы. Самая длинная — для третьего. Но третий звонил реже остальных.

К концу второго часа мыслей уже не осталось — только бесконечное напряжение и ощущение, что время остановилось.

В четыре часа телефоны умолкли. Все три. Как по команде.

Кася откинулась на спинку кресла. Захотелось высунуть язык и подышать как собака. Она так и сделала.

Через полчаса явился Влад. Очень довольный.

— Не подвела, Кассандра!

— Всё хорошо? — пискнула Кася.

* No man is an island (*англ.*). — Один в поле не воин (досл. «Человек не остров»).

Говорить было трудно.

— Всё просто отлично! — он полез в карман куртки, достал конверт. — Держи, это тебе!

Кася не сразу поняла, что это. Она вообще плохо соображала.

— Так много? — изумилась она, обнаружив в конверте лепестки пятитысячных купюр. Четыре штуки. За два часа.

— Заслужила, — улыбнулся Влад. — Следующий коннект через два дня. Придёшь?

Кася поспешно кивнула.

И через минуту уже летела вприпрыжку по обледеневшему тротуару, и рюкзак весело подпрыгивал за спиной, будто и не рюкзак, а воздушный шар.

Она мчалась к Миранде.

Подруга выглядела озабоченной. Встретились они на улице, Миранда куталась в коротенький пуховичок и, кажется, мёрзла. Но шапку, разумеется, не наде-
ла. И даже капюшон болтался сзади бесполезным и бесформенным мешком. Ветер время от времени поднимал её рыжую гриву и трепал в воздухе, стегал по лицу выбившимися прядями. Но Миранда будто не замечала.

— Привет! Чего хотела? — спросила она.

Голос хриплый, простуженный.

— Про Лондон! — выпалила Кася.

— И я про Лондон. Слушай...

Миранда замолчала, прикусив губу.

Видеть её такой было непривычно. Это же Миранда, человек-торнадо, у неё вообще пауз не бывает!

— Ну! — подтолкнула её Кася, которой не терпелось поделиться своими хорошими новостями.

— Можешь мне дать денег из нашей копилки? Срочно! Это для Кира, он потом отдаст.

Миранда произнесла это глядя под ноги, и это тоже было не в её манере. Кася пристально изучала новую Миранду.

— Лондон, Пит, — напомнила она.

— Я знаю! — дёрнулась Миранда. — Но Пит далеко, а у Кирилла реальные проблемы. Это же не насовсем, Кас!

Кася помолчала. Потом кивнула.

— Хорошо.

— Ты настоящий друг! — Миранда улыбнулась, но как-то невесело.

Пошарила за пазухой, достала сигарету, сунула в рот. Ветер снова хлестнул волосами, сигарета запуталась в хаосе рыжих прядей.

— Тьфу! — Миранда выплюнула фильтр, перекинула волосы на одну сторону. — Ты в квартире не была? С Владом не виделась? — спросила она.

— Нет! — быстро ответила Кася. — А ты?

Миранда кивнула:

— Тоже. Деньги переводит день в день, больше ничего не надо. Ну а ты чего хотела? Что там с Лондоном?

— А? Ну... Питер с группой дают концерт на сцене Королевского Шекспировского театра. Круто, да?

— Угу. Видела. Все паблики разрываются. Одни и те же фотки.

— Как всегда, — пожала плечами Кася.

— Как всегда, — согласилась Миранда.

Она пихнула Касю плечом.

— Не унывай, Кас! Всё получится!

Она улыбнулась, глаза её полыхнули — как будто очулась прежняя Миранда.

Но в следующий момент она согнулась пополам, заходясь кашлем.

Кася дождалась, пока она придёт в себя. Натянула на растрёпанную голову подружки капюшон. И поплелась домой.

Вечером она добралась до копилки. Отсчитала, сколько просила Миранда. Достала те, что заработала сегодня. Подумала — и уложила их отдельно.

Второй раз пришлось труднее. Кася вдруг обессилела, все слова вылетели из головы. Перед ней надрывались все три телефона, каждый на свой лад. А она сидела и тупо смотрела в никуда затуманившимся взглядом.

Спасла минута тишины. А может, меньше минуты. Значительно меньше — время казалось каким-то растянутым.

Но Кася встряхнулась — и всё пошло по плану.

А потом стало легко. Она внезапно ощутила, что это прямо для неё работа. Чувствовать, контролировать, реагировать, раскладывать по полочкам.

Фразы на каждый такой сеанс готовились новые. Кася сама их предлагала, а Влад соглашался или требовал другие. В основном цитаты Шекспира или красивые строчки из песен. Люди, которые находились на другом конце, реагировали по-разному. В те ничтожные секунды, что были отпущены после ответа, Кася научилась их слышать. Некоторые говорили «Ок», другие пытались что-то выяснить. Кася в пререкания не вступала. Как и требовал Влад, просто вешала трубку.

Конечно, всё это выглядело необычно. Если не сказать странно. Но Кася старалась об этом не думать. Влад щедро платил и хвалил её.

Однажды он явился особенно радостный. Не раздеваясь, прошёл в гостиную, выгрузил на столик бутылку вина и огромный ананас.

— Отметим?

Ананас с грохотом завалился набок, увлекая за собой карандаши и пепельницу — к счастью, пустую.

— Что отметим?

Кася попыталась придать ананасу вертикальное положение, он оказался колючим, она отдёргнула руку, и ананас снова грохнулся, теперь на пол.

— Да ёлки! — воскликнула она.

Но Влад только развеселился.

— Ты молодец! — заявил он. — Толковый помощник!

Он потянулся к ноутбуку, настучал пароль и включил музыку.

Как только Кася услышала первые аккорды, она едва не опрокинула ананас снова.

— Ты где это взял? — шёпотом спросила она.

У ноута слабый звук, а Питер и так-то начинал композицию на приглушённых тонах. Но это новая! Любимая! С ней он пойдёт на сцену Королевского театра!

— Я же на твоей страничке, балда! — засмеялся Влад.

Кася поморгала.

— Потанцуем? — предложил Влад.

Кася колебалась. Она была озадачена. Да, Влад разрешал ей пользоваться ноутбуком. Только включал его всегда сам, пароль не говорил, да она и не спрашивала. Но она всегда закрывала странички своих соцсетей, она же такая внимательная!

Не всегда, оказывается.

Влад истолковал её молчание по-своему.

— Просто потанцуем! Не бойся. Я не хочу сесть за со-
ращение малолетней.

Ботинки он наконец сбросил, и они валялись на полу возле кресла.

Кася медленно кружилась — Влад хорошо вёл, уверенно и неторопливо, — и пыталась совладать с мыслями. Их было две. Первая: это неправильно — потому что неправильно? Чужая квартира, сомнительная работа, неожиданная вечеринка, вот это всё. И вторая: это неправильно — потому что слишком правильно? Они ведь действительно просто танцевали.

Ну да, у неё немного кружилась голова. Да, рядом с ней взрослый мужик, о котором она ничего не знает. Она не хочет рассказывать о нём не то что домашним, но даже Миранде, от которой обычно ей нечего скрывать.

Всё это опрокидывалось под тяжестью одного-единственного аргумента. Никто не приблизил Касю к её мечте так, как это сделал Влад.

Аргумент был таким же тяжеловесным, как ананас. Такое мощное «за», перед которыми все «против» отлетали подобно мыльным пузырям.

Домой она возвращалась в такси с ананасом в обнимку. Влад настоял. И на ананасе, и на машине. Заявил, что так ему будет спокойнее, а сам он отвезти её, понятное дело, не сможет.

Время было позднее, да. Из дома уже звонили. Пришлось соврать, что вместе с Мирандой доделывают уроки.

Лизка сказала «ага». Потом позвонила мама, услышала то же самое. Сказала «Не задерживайся» недовольным голосом.

— Откуда фрукт? — удивилась Лизка, встретив Касю на пороге.

— Купила, — выдохнула Кася.

Она ещё не могла отдышаться от пробежки вверх по лестнице.

— Кабан какой! — восхитилась сестра, принимая ананас из Касиных рук.

— С чемой-то вдруг? — спросила мама, появляясь на пороге спальни.

За её спиной переливались сине-зелёные тени. Родители смотрели телевизор, как всегда убавив звук.

— Так. Захотелось, — отозвалась Кася, стараясь не смотреть на мать и не дышать в её сторону.

— Захотелось, — проворчала мама, направляясь вслед за Лизой на кухню. — Неделю школьных обедов выкинула. Дорогуший небось.

— Это вряд ли, — вмешалась Лиза. — Он битый у тебя. По скидке взяла?

Она схватилась за нож, примериваясь к ананасу.

Кася закрыла глаза. Внезапно накатила тошнота. Но не от выпитого вина — это совершенно точно! А от этого тупейшего разговора, от кухни с обоями в цветочек, от кухонного окна, за которым не Кингс Роуд и не Пикадилли,

а вид на старые гаражи. От вида ананаса, и вправду поникшего и побитого.

— Убери нож, — сказала Кася. — Надо вот так.

Она ухватилась за треугольную ананасную дольку, расшатала и вытянула вместе с мякотью.

— Класс! — оценила Лиза.

Мама покачала головой.

— Я и не знала, что так можно.

Обе принялись за ананас, разбирая его по долькам, как показала Кася.

— А ты сама-то? — окликнула мама.

— Я устала. Пойду в комнату.

В спальне она уселась на подоконник. Тошнота ушла, но голова всё ещё кружилась. Кася упёрлась лбом в стекло.

Всё не так плохо, убеждала она себя. Всё не так плохо. По крайней мере, из окна на их седьмом этаже видны не только стены соседних домов. Вдалеке справа высились подъёмные краны, а ближе к горизонту громоздилась башня элеватора.

Кася знала, что Лондон — в той стороне.

— У тебя есть родные? Мать, отец, кузены, братья?

— Да.

— Что ж, береги их. И береги себя. До свидания, дорогая Кас!

Кася спохватилась и с испугом отшвырнула телефон, который уже сам отключился.

Она сама не знала, что заставило её ответить на вопрос. И назвать своё имя. Мужской мягкий голос. Приятный, хотя слегка дребезжащий, как у старичков.

Она работала с Владом больше месяца. Звонков со временем стало меньше. Случались даже паузы. Она расслабилась.

Ладно. Кася поднялась с кресла, пошевелила затёкшими плечами. Ничего страшного не произошло, разговор-то меньше чем на минуту.

Влад по-прежнему оставлял её работать одну. Он ничего не слышал. Он не узнает.

Но Влад узнал.

Он начал прямо с порога.

— Ты что натворила! Тебе что было сказано? Я тебя просил импровизировать? Просил?

— Но я...

— Заткнись! Тебе было приказано: ни одного лишнего слова! Неужели это так сложно? Просто сделать так, как я сказал? Так! Как я! Сказал!

Он с силой пнул вешалку, она упала, зацепив гирлянду и перегородив вход на кухню.

Кася испугалась. Никогда она таким Влада не видела. Думала, он самый спокойный и дружелюбный человек

из всех, кого она знала. И вот оказалось, что он умеет и орать, и сыпать оскорблениями.

И как бы чего не похуже. Она с ужасом смотрела на сорванную гирлянду, на поваленную вместе с одеждой вешалку. Хорошо, что её собственная куртка лежала на обувной полке — она торопилась и, когда вошла, скинула её куда придётся.

— Я думал, ты умная, — теперь Влад шипел, но от этого было ещё страшнее: его трясло, глаза стали огромными, даже волосы, кажется, поднялись над головой и потрескивали от напряжения. — Доверял тебе, а ты...

Он снова принялся перечислять, что он теперь думает про Касю.

Она не стала больше слушать. Схватила куртку и убежала.

На улице Кася расплакалась. Ну не заслужила она, не заслужила такого! Ни «тупой курицы», ни других гнусностей, что прозвучали из уст Влада. Она справлялась! Она хорошо работала! Один промах — это вообще не причина так её ругать и смотреть такими страшными глазами!

Она вытерла слёзы и царапнула спинку деревянной скамьи. Спинка была покрыта инеем. Кася подумала, что зима в этом году тоже её подвела. Снега, считай, не было, а сегодняшний мороз вроде и ни к чему, в конце-то февраля. Все уже ждут весны.

Для Лизки весна, видимо, уже наступила. Который вечер сестра возвращалась весёлая, возбуждённая, с глазами блестящими и бездумными.

Вот и сейчас.

Лизка вошла в комнату, вся в облаке своей непереносимой «Песни золота» — теперь она только ею и поливалась — и что-то мурлыча себе под нос.

Кася сделала вид, что спит. Лиза мурлыкать перестала. Она тихонько шевелилась, шуршала одеждой. Потом её позвала мама, они о чём-то долго говорили.

Автомобиль затормозил рядом. Не то чтобы совсем резко, но Кася всё равно отпрянула. Дверь открылась, и с водительского места выскочил Влад.

— Привет!

Кася молчала.

— Слушай, извини... Я вёл себя как свинья!

— Хуже, — мрачно подтвердила Кася.

— Этого больше не повторится!

Тут Кася чуть не рассмеялась. Все так говорят. Но верят не все. Она не верит, она не какая-нибудь... «тупая курица»!

Влад, видимо, тоже вспомнил, что Кася умная. Он резко посерьёзней, кивнул, похлопал по крыше автомобиля.

— Ок, давай я с тобой просто расплачусь.

— В машину не сяду! — упрямо заявила Кася.

Он покачал головой.

— Вот ты! Ладно, пойдём посидим где-нибудь. Не на улице же бабки светить.

— У меня мало времени.

— У меня тоже. Полчаса и чашка кофе — тебя устроит?

— И тирамису!

— Договорились, — засмеялся Влад. — Только припаркуюсь как следует.

До этого момента автомобиль мигал «аварийками». Влад остановился не совсем по правилам и не совсем удачно. Кася присмотрелась.

— У тебя же другая машина была, — заметила она.

— Поменял, — отозвался Влад, уже сидя за рулём. — Вон «Шоколадница» рядом, там и будем угощаться твоим тирамису.

В «Шоколаднице» пахло ванилью и кофе — почему-то жжёным. Но запах всё равно казался приятным. Посетителей было немного. Некоторые в масках. Тревожные слухи о новом коронавирусе обростали подробностями. Говорили, что уже и в их городе тоже есть заболевшие.

— Ну, если у тебя только полчаса, — Влад дождался, когда принесут кофе и пирожное для Каси, только тогда заговорил. — Не буду тянуть. Это тебе. Сверх остального.

По столу скользнули неизменный конверт и ещё два пластиковых прямоугольника — чёрно-зелёных.

— Это что? — не поняла Кася.

Деньги она сразу спрятала в рюкзак.

— Посмотри, — пожал плечами Влад, помешивая ложечкой свой кофе.

Кася склонилась над прямоугольничками. Латинские литеры плясали перед глазами, никак не хотели укладываться в слова. Потому что это было слишком невероятно!

— Старт «Йеллоустоуна», — кивнул Влад. — Тебе и подружке твоей.

— Но как ты... Почему?

Влад помолчал. Вынул ложечку из кофейного озерца, положил на салфетку.

— Моя сестра... Младшая, — зачем-то уточнил он, — всю жизнь мечтала поехать в калифорнийский парк потрогать секвойю. Огромные такие реликтовые деревья, знаешь?

Кася кивнула.

Влад снова умолк, снова занялся ложечкой, обернул её салфеткой, задвинул за край блюда.

— Сколько мы с тобой не виделись? — спросил он.

Кася пожала плечами.

— Неделю?

— Одиннадцать дней, — уточнил Влад. — В один из этих дней моей сестры не стало.

Кася знала, что в такие моменты на человека смотрят другими глазами. Замечают скорбные морщинки, потускневшие глаза, опущенные плечи, поникшие пряди... Она

посмотрела на Влада, ему около тридцати, вполне себе возраст и для появления первых седых волосков. Но нет, ничего такого. Влад и Влад. Это она такая бесчувственная? Или у неё просто опыта нет?

Что-то ведь говорят в таких случаях. Мне жаль. Соболезную. Какое горе.

— Ты был с ней рядом? — вместо этого ляпнула Кася. Влад покачал головой.

— Я не успел её порадовать. Денег не хватило, времени, как видишь, тоже.

Кася молчала. Тирамису возвышалось на блюде, лаково поблёскивая. Любимое пирожное. Очень хотелось его съесть, но после слов Влада она не решалась.

— Мечты должны сбываться! — Влад улыбнулся. — Пусть твоя сбудется. Давай пополам?

Он взял нож и аккуратно разрезал пирожное. Кася облегчённо кивнула. Кусок был огромным, одной ей явно много.

С Мирандой встретились в школе. После разговора с Владом Кася не понеслась к подруге сломя голову. Хотя вспыхнуло на секунду такое желание, да. Как только зацепилась за имя Питера — крупный шрифт на зелёном поле, — так и вспыхнуло.

Но её всё-таки угнетала история Влада, его сдержанная скорбь. Кидаться исполнять свою мечту, прямо вот

выскочив из его новой машины, казалось некрасивым. Тем более что у мечты имелась неубиваемая конкретная дата — тоже на зелёном поле, только шрифт помельче.

Ну, и дома Кася проверила насчёт концерта. Не то чтобы она Владу не доверяла или про «Йеллоустоун» слышала первый раз. А так. По привычке. Она же разумный человек.

Всё сходилось. Можно радоваться.

Миранда выглядела виноватой, и Кася знала почему. Деньги Кир не вернул. Наоборот, Миранда ещё два раза влезала в копилку, каждый раз обещая, что скоро всё изменится.

— Восьмое марта, корпоративы, — начала она и в этот раз. — Всё изменится, обещаю! Кир обещает.

Кир вообще-то пел на сцене, но последние месяцы у него не ладилось и он даже камерными вечеринками не пренебрегал.

Кася отмахнулась. Её тема была серьёзнее. Но она даже не представляла, какую реакцию это вызовет у Миранды.

— Верни это немедленно! Сегодня же верни!

Они сидели в школьной столовой, на них сразу же заглядывались. Тем более что Миранда вскочила, стул с грохотом проехался по кафелю и опрокинулся.

— Почему?

— Не спрашивай! Сделай как я сказала! Ты слепая, что ли?

Кася молча смотрела на неё. Миранда опомнилась. Подняла стул, уселась напротив. Нервно заправила за ухо непослушную прядь. Бесплезно — она тут же упала на лоб. И глаза у Миранды были темнее тёмного.

— Этот наш гость, этот Влад, — не из тех, кому можно доверять, — сказала она.

— Меня он ни разу не обманул! — возразила Кася.

— С ума сошла! — Миранда ахнула, услышав от Каси про её подработку. — Кас, ты совсем дура! Тебя ведут как мышку, а ты только глаза закатываешь!

— Не больше, чем ты! Помешалась на своём Кире! Было бы ради кого!

Они уже орали обе, стоя по разные стороны стола, и смотрели друг на друга почти с ненавистью.

Если у Каси и шевелились сомнения, то теперь они заглохли. Ей не в чем себя упрекнуть! Её причина непоколебима, как башни Тауэра! Ради Питера можно и банк ограбить, и самолёт угнать, и... обмануть подругу?

Да какой это обман! Она просто кое о чём умолчала. Миранда и не спрашивала особо. Сильно она интересовалась Касиными делами всё это время?

— Это же Питер! — Кася сделала попытку вернуть подругу к настоящей жизни.

— Да заткнись ты со своим Питером!

— Заткнуться... с кем?

Кася не поверила своим ушам.

Миранда круто развернулась, едва не пошибав с ног дежурных, которые прибежали на шум. И исчезла.

Этот прекрасный день продолжал глушить сюрпризами.

С порога Кася услышала голоса родных: высокий мамин, приглушённый папин и Лизкин — какой-то запрительно громкий. Сестра смеялась через два слова и болтала без умолку.

За закрытыми дверями кухни что-то происходило. Кася насторожилась.

Дверь распахнулась, и раздался Лизкин визг.

— А вот и сестрёнка!

Она подлетела к Касе, обхватила её, прижалась — Кася почувствовала, какая горячая у неё щека. Что за... Они никогда не обнимались. И «сестрёнка» — явно мимо набора.

Но Лизка потащила упиравшуюся Касю в центр событий.

— Познакомься с будущим родственником!

Стол был накрыт. Газировка, салаты, бутылка вина. На стуле между окном и холодильником сидел какой-то парень. При виде Каси он привстал — насколько позволяла теснота — и улыбнулся. Кася тупо смотрела на него, всё ещё не понимая...

— Лиза выходит замуж, — объявила мама. — Это Максим.

— А-а, — протянула Кася.

— Садись обедать, — мама отвернулась, перебирая тарелки, чтобы отыскать для Каси нужную, из комплекта. Такой не нашлось.

Лизка уже прошмыгнула на своё место рядом с Максимом и теперь что-то говорила ему вполголоса.

— Я руки помыть, — пробормотала Кася.

По правде говоря, она бы упала сейчас на диван в наушниках и слушала бы Шекспира. «Кориолана» или что-нибудь из «Хроник». А не вот это вот всё. Она надеялась, что к ней, по крайней мере, не сильно будут приставать, раз есть Максим. К счастью, так и вышло. У неё что-то попытались спросить, но она сделала вид, что занята едой, и родственники — и настоящие, и будущий — переключились на обсуждение своих глупостей: работы, квартиры, свадебного путешествия, кредитов.

Доковыряв любимый свекольный салат с грецкими орехами — сегодня ничто не приносило радости! — Кася наконец скрылась в спальне. Повалилась на диван. Шекспира слушать расхотелось, она просто лежала и рассматривала узор на обоях.

— Тук-тук! — Максим стоял на пороге. — Не помешаю?

Кася кашлянула, предоставив Максиму самому решать, «да» это или «нет».

Он решил, что «да», вошёл, осмотрелся.

— Это ведь Лизина кровать? — спросил он, присаживаясь на краешек. — У вас уютно.

Кася молчала.

— Тебя Кассандра зовут? — не отставал Максим.

Кася усмехнулась. Про себя, правда. Тест на вежливость тире предсказуемость. Три. Два. Один...

— Необычное имя, — не обманул ожиданий Максим.

Кася отвела глаза, почти отвернулась. Узор на обоих казался интереснее, чем этот разговор. Максим ушёл.

Она понимала, что жизнь в семье встаёт на новые рельсы, что маме не до неё, а папе тем более. Что ни в какой Лондон никто с ней не полетит.

В глазах защипало, узор превратился в неясные разводы.

Она ведь уже видела себя рядом с Питером, пожимала ему руку — тёплую ладонь с длинными пальцами музыканта. Улыбалась в ответ на его улыбку — искреннюю, мальчишескую, знакомую до последней крохотной морщинки у глаз. Не на постере, не на экране, а наяву. Близко. Близко.

Кася застонала и свернулась клубочком. Как это вынести? От счастья намного легче отказаться, если не знаешь его в лицо.

Она вытерла слёзы. Взяла телефон и набрала знакомый номер. Она знала, что обычного «алло» не услышит,

поэтому сосредоточенно ждала, когда гудки сменятся молчанием, означающим, что абонент на связи, абонент ждёт, когда с ним заговорят.

— Влад, меня все бросили, — Кася смолкла, переждала слёзы. — Ты поедешь со мной в Лондон?

В трубке молчали.

— Влад?

Лёгкий вздох. Или шелест. Или фантомный шум.

— Поедешь?

— Да.

Справа расположился опрятный скверик. Слева — маленькая кофейня-стекляшка. Поколебавшись, Кася выбрала кофейню.

Она расплатилась за кофе, взяла дольку апельсинового шоколада в придачу, уселась на высокий стульчик и стала смотреть на улицу. Остался примерно час до назначенного времени, можно провести его приятно.

Ей всё нравилось. И запах кофе, и солнце, беспрепятственно льущееся через стеклянную стену. И то, что в кофейне мало народу. Если точнее, она там была одна. Двух студентов, взявших кофе навынос, можно не считать. Время-то рабочее, учебное — она и сама должна сейчас сидеть в классе и писать какую-нибудь контрольную. Последняя неделя перед каникулами, что ж...

Кася сделала глоток и зажмурилась от удовольствия. Какая она сейчас уверенная и взрослая! Как она умеет о себе позаботиться! Сумка с вещами — рядом, под ногами. Небольшая — Влад посоветовал путешествовать налегке. Поэтому внутри — ничего лишнего. Но волшебные духи, подаренные Владом, духи с запахом приключений, она взяла! Маленькая сумочка, с деньгами и документами, — на пояс. Куртка, тёплая, — тоже Влад настоял: это Британия, помнишь, какой там климат? — висит себе рядом на вешалке, совсем не мешает.

А Кася грызёт шоколад, смотрит сверху вниз на проходящих мимо людей, разглядывает тот самый сквер напротив. Хорошо, что она туда не пошла.

Совсем скоро приедет Влад, они вместе покатают до аэропорта, а потом — в Лондон!

Как она будет жить после того, как увидит Питера, Кася не представляла. Это невозможно представить! Настоящее и будущее жили в ней одновременно, они не вмещались, распирали изнутри.

Она не выдержала, взяла телефон и набрала Миранду.

— Привет! — начала она, жмурясь от солнца и помимо воли улыбаясь. — Неужели в школе? Тест? Я так и думала! Нет, мне не до тестов. Я на пути к мечте! От которой ты отказалась!

Кася ожидала, что Миранда начнёт ругаться, как в прошлый раз. Но та немножко помолчала (удивлена, ещё бы!),

а потом произнесла как-то даже равнодушно (притворяется, конечно!):

— Ага. Круто. И когда стартуешь?

— Уже через пятнадцать минут!

— Кас! Он ведь не знает твоего домашнего адреса?

— Нет! — рявкнула Кася.

Лучше бы не звонила! После разговора с Мирандой что-то нарушилось в мире. В голове было по-прежнему тесно от мыслей, но теперь там толпились картинки из прошлого. Они теснили будущее, и ему совсем не оставалось места. «Береги родных», — вспомнился старческий голос. Да при чём здесь родные-то?

Из-за угла вынырнул автомобиль — такой же, как у Влада. Кася встрепелась, но он проехал мимо. Спокойно! — мысленно прикрикнула она на себя. Он не единственный, кто ездит на такой машине.

Но сердце продолжало колотиться. Скучавший за стойкой бариста удивлённо посмотрел на неё, когда она поспешно схватила куртку. Кася смутилась ещё больше, полезла в карман, нащупала перчатки. Она же их не носит, как они здесь оказались? С прошлой весны, что ли? Кася вытянула перчатки наружу, с отвращением кинула в мусорную корзину. Бариста снова поднял голову, они встретились глазами, и Кася вдруг вспомнила: нож! В «Шоколаднице» Влад разрезал пирожное ножом! Который он

якобы не может брать в руки! И тогда, с ананасом, — што-пора они так и не нашли, и бутылку с вином пришлось вскрывать ножом, и Влад делал это без всякого трепета!

Что он за человек?

Она снова схватилась за телефон, набрала его номер, но в этот раз гудков не услышала. Сначала тишина, а потом в уши вполз шелестящий голос. «Let him have his fun», — произнёс он и тихо засмеялся.

Телефон со звоном упал на пол.

— Девушка, вам нехорошо? — не выдержал бариста.

Да, пожалуй, Касе было нехорошо. Пожалуй, перчатки, погибшая надежда и разбитый телефон — это перебор даже для неё.

А ведь домашний адрес он знает, сообразила Кася. Он сажал её в такси, он знает её адрес...

Кася с облегчением откинулась на подушки. Трудно сосредоточиться перед экраном на целых полчаса. Столько длилась ежедневная беседа с психологом.

На психологе настояла Лиза. Мама не хотела тратить на такую сомнительную ерунду. Ей и сотрясение Касино мозга влетело в копеечку.

Вообще-то насчет психолога права оказалась мама, а не Лиза. Кася в нём не нуждалась. Она предпочла бы, чтобы её просто оставили наедине с её мыслями,

а не донимали разными вопросами в течение тридцати минут — больше пока нельзя, для Каси утомительно.

Дверь открылась, и Кася увидела Миранду. С полминуты они смотрели друг на друга, потом Миранда сказала:

— Привет.

Шагнула вперёд и принялась выкладывать на табуретку то, что принесла в рюкзаке. Чипсы, шоколад, йогурт, гроздь бананов.

— Думаешь, меня дома не кормят? — спросила Кася, наблюдая за подругой. — Чипсы я точно не буду.

— Ладно, чипсы заберу, — Миранда пихнула шуршащую пачку обратно в рюкзак, уселась на кровать. — Влад исчез, — сообщила она.

— А квартира?

— В порядке. Всё прибрано, ключ в почтовом ящике. Съехал как цивилизованные люди. Если не считать того, что не предупредил. И ножи ещё.

— А что с ножами? — насторожилась Кася.

— Все в одной куче. В нижнем ящике комода: столовые, канцелярские, маленькие, большие. Даже игрушечный, который мы выбрасывать не стали!

Кася помолчала.

— Как ты узнала, что он мошенник? — спросила она.

— Если не кто похуже! — фыркнула Миранда. — Я и не старалась. Он мне сам позвонил, почти в самом начале, стал шантажировать насчёт квартиры. Типа, может

намекнуть каким-нибудь органам опеки, что я несовершеннолетняя, сама распоряжаюсь жильём...

— Он всё-таки разглядел, что тебе не восемнадцать.

— Разглядел, зараза!

— И чего хотел взамен?

— Не сказал. Наверное, про запас держал, чтобы в нужный момент потребовать. А может, не хотел, чтобы совали нос в его дела. Кто знает, что он там проворачивал.

— Ну да, — сказала Кася, помолчав.

— Так что это даже к лучшему, что он вот так испарился.

— Мне плевать, — тихо сказала Кася.

Миранда вздохнула.

— Концерт всё равно отменили, — сказала она. — И авиарейсы. Границы на замке. Везде режим изоляции из-за вируса этого. Все сидят по домам, не только ты.

— А ты, выходит, нарушаешь.

Миранда фыркнула:

— Когда это я жила по правилам?

— Как там ваш котопёс? — спросила Кася.

— Ничего. Толстеет. А тебе собаку не купили?

Кася покачала головой. Пока она болела, родители были готовы на всё. И собаку обещали, и Миранду встречали приветливо. Но Касе становилось лучше, и понемногу возвращались прелести прежней жизни: мамины поучения, папино молчание, поджатые губы при упоминании Миранды. Про собаку больше не разговаривали.

Кася проморгалась, прогоняя слёзы. Они теперь часто накатывали. Последствия сотрясения, само со временем пройдёт.

— За книги спасибо, — сказала она. — То что нужно.

— Обращайся, — откликнулась Миранда.

Она потянулась к бананам, оторвала два, один протянула Касе, но та покачала головой. Миранда очистила второй.

— Только читать-то тебе можно?

— Я понемножку. Английский всё равно читается медленнее, чем родной.

Миранда замерла с надкушенным бананом в руке.

— Тебе оно до сих пор надо? — удивилась она.

Кася усмехнулась.

...Она лежала на ступеньке возле кофейни. Об эту ступеньку она и приложилась. Мама бежала к ней в распахнутом плаще. Она подбежала и ударила Касю по лицу. И ещё раз ударила. Хотела ударить в третий раз, но ей не дали. Оттащили за руки — Кирилл, который прикатил вместе с Мирандой, и молодой бариста. Мама ругалась — и на них, и на Касю.

А Кася смотрела на неё — растрёпанную, потную, некрасивую, злую — и улыбалась. Слёзы бежали по лицу, но она улыбалась. Пока не потеряла сознание...

— А что изменилось? — Кася с вызовом подняла голову. — У каждого своя мечта. Моя мать мечтает, чтобы всё было как у людей. Папа мечтает, чтобы его оставили в покое. Лизка — выйти замуж. Ты — чтобы мама твоя вернулась. Чем моя мечта хуже? И почему я должна отказаться от неё только потому, что какой-то случайный ублюдок захотел её испортить?

Миранда молчала.

Слёзы не подступали больше. Кася знала же, что это пройдёт! Просто нужно подождать.

— Ладно, мне пора, — засобиралась Миранда. — Я твоим обещала, что не буду тебя утомлять.

Дверь закрылась. Кася полежала, собираясь с мыслями. Потом устроилась поудобнее, раскрыла принесённый Мирандой томик Шекспира. И начала:

— O! That you were your self...*

* That you were your self (*англ.*) — Не изменяйся, будь самим собой (У. Шекспир, пер. С. Маршака).

СИГНАЛЬНАЯ ЛЕНТА

В окно видны только угол соседнего дома и кусочек двора. Во дворе — одинокие качели и пластмассовая горка с домиком наверху. На горке никто не катается, потому что малышей ясельного возраста в общежитии нет. А размер у горки только для таких карапузов. Даже трёхлетки не соблазнятся.

Данил колупает краску на подоконнике. Рамы и подоконник у них в комнате старые, деревянные. Когда только въехали, мама пообещала, что первым делом вставят нормальные стеклопакеты.

Но они ничего не успели: ни ремонт сделать, ни устроить маму на работу. Ни даже вещи распаковать. Из-за

вируса этого проклятого. Хорошо ещё, Данила в школу определили. И то ещё непонятно, хорошо или...

— Скучаешь? — из раздумий его выхватил мамин голос. — За хлебом сходи.

Данил молча кивает. За хлебом — это через два квартала. Дальше, чем разрешённые сто метров, но что делать? У них раньше работал магазинчик под окном, но с первых дней изоляции там висит табличка «Закрето».

Но это ничего. Данил даже рад, что дальше идти, — хоть прогуляется. Так-то он всё время в комнате, с мамой.

Мама в основном вяжет. А Данил читает или слушает музыку.

Даниловы одноклассники гуляют в свободное время. Но его не зовут.

— Хлеб, макароны, крупа, кефир, — перечисляет мама, вручая ему деньги. — И сдачу не забудь!

— Не забуду.

— Зубная паста ещё кончилась... Нет, тогда кефир не надо. Всё запомнил?

— Всё, всё.

Мама поправляет Данилу воротник. Вообще-то воротник в порядке, но мама никогда не отпускает его просто так. Или шарф расправит, или куртку с вешалки подаст. Данил не против. Это же не обнимашки какие-нибудь.

На улице тепло. Воздух сырой и тяжёлый: кажется, капли воды висят в воздухе вместе с пылью — такое всё

серое кругом. Потоптанные за долгое время тропинки растворились в равномерной грязи, только асфальтовые дорожки ещё держатся.

Данил достаёт мобильник. Звонит. Последние дни он набирает только этот номер. И всегда получает отказ.

Он оглядывается. Вон их окно на третьем этаже. Мама не видно, да Данил и не ждал, просто так посмотрел.

Видно, опять уселась вязать. Она вяжет детские вещи и игрушки. Смотрит в интернете и вяжет. И сама много чего придумывает. У мамы фантазия богатая и руки откуда надо растут. Она уже много чего наваяла. Разных мультяшных зверей, весёлых монстриков и прочих фантастических тварей.

Даниле нравится смотреть, как мама вяжет, быстро и ловко, крючок свободным концом выписывает в воздухе неизвестные буквы. Нравятся мамины зверушки. Но они занимают так много места... уже две огромные коробки накопилось. Мама надеется всё это продать. Но пока не покупают.

А деньги кончаются. Данил нащупывает в кармане наличку. Не надо было тратить собственные сбережения. И на что, главное? Устроил никому не нужный смешной праздник. А потом ещё это...

Он машинально хлопывает другой свой карман, проверяет, на месте ли то, на что ушли остатки его личных денег. Теперь он уже сомневается: зачем купил?

В магазине Данил набирает всё, что нужно, и идёт назад.

Он не спешит. Возвращаться в надоевшую комнату не хочется. Да и нога опять разنوется от быстрой ходьбы.

Вот и общежитие. Опять. В знакомом окне мелькает светлое пятно. Это Асмирка. Скучно ей.

Семья Асмирки живёт в соседней комнате, за стеной. Отец, мать, старший брат. Иногда приходят ещё два каких-то родственника. Совсем старшие братья, что ли.

У них по-русски, кажется, только отец разговаривает. Мать при встрече кланяется молча. А парень — чуть постарше Данила — как-то пытался что-то выяснить у него при встрече. Данил ничего не понял. Что-то про душ. То ли где запасной ключ от душа, то ли что-то не так с самим душем.

— Карим, — только в конце беседы парень ткнул себя кулаком в грудь.

Ну, это-то понятно, тут даже инопланетянин не ошибётся.

Ни Карима, ни родителей почти никогда нет дома. Все работают. А Асмирка ещё маленькая. Вот и торчит целыми днями одна.

Раньше Данил всегда прихватывал для неё какую-нибудь вкусняшку. Вафлю, там, или батончик шоколадный. Асмирка сначала дичилась, потом привыкла. Даже поджидала Данила из школы, когда ещё учились

по-нормальному. И не из-за конфет, а так. Она из своего окна всегда видела, когда он возвращается. И махала рукой. Или открывала дверь в коридор и улыбалась молча.

Но сейчас Данил делает вид, что не замечает лица в окне. Опускает голову и проходит в подъезд.

Он поднимается по лестнице медленно. Нога всё-таки разболелась. Не захромать бы раньше времени, а то мама будет тревожиться. Сейчас Данил доберётся до кровати, вытянет ногу, и всё пройдёт само. Ничего же страшного, просто ушиб.

Часть коридора на их этаже перегороджена полосатой красно-белой лентой. Две комнаты — дверь в дверь. В одной комнате живут муж и жена, в другой — сестра кого-то из них. У них обнаружили этот самый страшный коронавирус, они в настоящей изоляции, поэтому и лента.

И кто её навесил? Не сами же изолированные! Как вообще появляются такие вещи?

Из-за дверей слышатся громкие возбуждённые голоса. Судя по всему, соседи ругаются.

А началось всё с того, что кто-то из них приболел и вызвал врача. Врач приехал. А через неделю явились люди в комбинезонах и защитных шлемах.

Как только медики уехали, заболевшие тут же кинулись за припасами. Бегали несколько раз, накупили много всего, особенно алкоголя, чтобы уж изолироваться

с комфортом и удовольствием. Потом уже у себя за дверями хохотали, и пели, и звенели посудой. Происходящее их нисколько не пугало.

В отличие от других соседей.

Скандал вспыхнул в тот же вечер, на общей кухне.

Данил с мамой готовили раз в день, обычно утром, когда народу поменьше, а потом они у плиты-то не появлялись. Поэтому вечерами, когда все гремели кастрюлями и заодно обсуждали последние новости, они сидели в комнате и занимались своими делами. Так было и в тот вечер.

Сначала на кухне заспорили.

Потом послышался грохот и сразу же визг. К женским голосам присоединился мужской.

Они галдели все сразу, да ещё общажные коридоры превращали звук в гулкий, пещерный. Поэтому разобрать, что орут, невозможно.

— На себя посмотри, сопля спидоносная! — различает Данил.

И это, наверное, не самое обидное.

— Ну, запретите им ещё в туалет выходить, — заметила мама, краем уха прислушиваясь к матюгам и проклятиям.

Но с туалетом проще: санузел один на блок, а в их блоке кроме заражённых Данил с мамой да Асмиркина семья. Кто запретит?

В битве на кухне победило разгневанное большинство. Заражённые скрылись в комнате. Там они ещё немножко повозмущались, но потом снова стали отмечать — даже интересно, как они это обозначили? Нечаянный отпуск? Каникулы?

Утром присмиревший сосед доказывал маме, почему он прав.

— Обыкновенная простуда, больше ничего! — говорил он, размахивая скрученным полотенцем. — Я ангиной тяжелее болел!

— Да поймите же, у всех болезнь протекает по-разному! — мама пыталась объяснить. — Вы легко перенесёте, а пожилой человек или хроник какой-нибудь может умереть. А вирус один и тот же!

— Это выходит...

Сосед покрутил полотенце, накинуд на шею. Сложными какими-то путями блуждали его мысли. Пошевелив бровями, он махнул рукой:

— Чего я о других должен заботиться!

— Ну вот они и заботятся о себе сами, — усмехнулась мама.

Данил выгружает продукты. Потом пьёт чай. Пока он гулял, мама заварила шиповник и приготовила горячие бутерброды: хлеб с яйцом, вкусно и недорого.

— А сама? — спрашивает Данил.

— Я не стала тебя дожидаться, поела уже.

Данил прищуривается.

— Да правда же! — уверяет мама. — Они горячие вкусные такие, я две штуки умяла!

Рядом на столике тарелка, на ней хлебные крошки и жёлтая запятая — след от яйца.

Бутерброды и правда вкусные. Ржаной хлеб, в середине окошко, в это окошко заливают яйцо и поджаривают с обеих сторон. Поджарить, главное, так, чтобы сверху яйцо схватилось хрустящей корочкой, а внутри оставалось наполовину жидким. У мамы получается.

— Спасибо, — говорит Данил.

После перекуса он растягивается на своей узкой кровати — как и мечтал.

Ещё раз набирает знакомый номер. Гудки обрываются. Кажется, его заблокировали.

Заняться нечем. Уроки сделаны. Игрушек новых на телефоне нет. Да и не особо любит Данил игрушки. Книги перечитаны, некоторые не по одному разу. Данил шарит под кроватью и вытягивает одну из них за корешок. Они немного книг с собой привезли. А эта, потрёпанная, про Гермеса, осталась от прежних хозяев. Данил сначала хотел выбросить, но отчего-то не выбросил. Если бы не изоляция, может, и читать бы не стал. Хотя по книге

есть фильм, Данил не смотрел, но знает, потому что мерч по «Гениям» мелькает у каждой четвёртой девчонки и у парней тоже. Гении — это не потому что одарённые, это раса такая, типа полубоги.

Данил зажимает страницы большим пальцем, а потом отпускает, листы убегают друг от друга, и от этого раздаётся тихий треск.

Временами эта простенькая история отзывалась в нём странной тягучей тоской, похожей на ревность. Гермеса не за что любить, и Данил считает, что это просто в фильме его сыграл обаятельный актёр. А так-то настоящий ублюдок, ничего святого. Подумаешь, друг детства его обидел, и он в отместку истребил половину вселенной. Ну, не истребил, а хотел истребить. Как будто он единственный, кого отвергли!

...Но в прошлой школе было ещё хуже. Здесь хотя бы никто не дрался. Не выбрасывал рюкзак в окно, не связывал шнурки ботинок, не сыпал в кеды стружку от заточенных карандашей. Не сгонял с места, не дразнил, не коверкал фамилию.

Сначала вообще всё шло отлично! Данил даже у доски отвечал и не опозорился. У него даже интервью взяли для школьного блога. Данил прямо растерялся. И напрягся, конечно, чего уж там! Подумал, что это какая-то злая шутка. У него — интервью?

— На правах новенького, — объяснила Ирина Егорова, серьёзная девочка, такая разыгрывать не станет. — Свежий взгляд, первые впечатления о школе. Тебе что, двух слов жалко?

— Нет, — улыбнулся Данил. — Не жалко.

Ира кивнула и нажала на кнопку диктофона.

Она, конечно, исправила потом немножко. Убрала все эти «вот», «ну», «типа того». Подсократила чуток. И правильно: Данил бубнил одно и то же. Но всё равно. Когда он показал маме страничку школьного блога со своей фамилией, ему уже казалось, что ничего Ира не исправляла, что так это и прозвучало из его уст.

А потом началось. Улыбки, переглядывания. Шёпот за спиной — а вот это уже совсем плохой признак!

Данил знал, как это бывает. Тайные слова, насмешки, косые взгляды — они мелькают в растущей пустоте вёртками льдинками, группируются где-то за спиной, отделяя тебя от остальных, и, когда ты осмелишься обернуться — видишь, что в лицо тебе уже нацелены острые ледяные копы, а вокруг — никого.

Данил не мог понять: что с ним не так? Почему раз за разом он оказывается чужаком? Что делает неправильно? Почему в ответ на элементарные знаки внимания — дверь, там, открыть, ручку упавшую поднять с пола — та же Ирина утомлённо закатывает глаза?

Он ведь ничего особенного не просит, он честно хочет подружиться, он старается!

— Может, не надо так сильно стараться? — как-то заметила мама.

Он раньше делился с ней своими проблемами.

Данила тогда чуть изнутри не взорвало. Вот потому отец от них и ушёл! Потому что она совсем отношениями не дорожила.

— Такими — нет, — усмехнулась мама, когда он, чуток остыв, всё-таки высказал ей, что об этом думает.

Он понял, что мама больше не скажет ничего и, что это за отношения, которыми дорожить не стоит, он вряд ли узнает. Родители никогда не ругались при нём. Как-то умудрялись выяснять всё за закрытыми дверями или пока он учился, гулял, спал... Последнее время двери закрывались всё чаще. А потом отец ушёл.

Данилу с мамой пришлось переехать сначала в коммуналку, потом на съёмную квартиру. И теперь вот — сюда. В чужой незнакомый город.

Да, а затея с пиццей оказалась неудачной. До него это дошло в самый неподходящий момент: не настолько рано, чтобы всё отменить, и не так поздно, чтобы это осознание не отравило ему праздник.

— По какому поводу торжество? — оживился Ярослав.

Ярослав в классе первый весельчак и вообще парень популярный. С такими, как Данил, его только пицца и может сблизить.

— Праздную день рождения, — ответил Данил.

— У тебя разве не в ноябре? — подала голос Ирина.

Откуда-то знает всё. Это не секрет, конечно, но... Кто без напоминаний в соцсетях помнит про даты рождения одноклассников?

— Личные дела помогала классухе заполнять, — пожала плечами Ирина.

Данил готовился к такому повороту.

— У меня не календарный, — сказал он. — У меня личный.

И он рассказал

Как они с парнями из секции решили забраться в здание спортшколы по пожарной лестнице.

Тренер не любил опозданий, он имел привычку запира́ть входную дверь и собирать опоздавших, чтобы спустя какое-то время впустить всех разом. Особенно обидно было, если опоздание равнялось каким-то двум-трьм минутам. На этот случай ребята нашли другой путь: на крышу, через чердак и вниз — можно было успеть к построению.

Данил побаивался этой лестницы. Она казалась ненадёжной, неуклюжей, и некрашенные перекладины далеко друг от друга.

Но с лестницей оказалось всё в порядке. А вот в темноте чердака он угодил в провал между ветхими досками, нога застряла, и здоровенный гвоздь проткнул мышцу и застрял под коленкой.

Запомнилось яснее всего не то, как его освобождали и тащили вниз — только под конец тренировки, когда

отрабатывали опоздание (которое всё-таки незамеченным не осталось), парни спохватились, что их было на одного больше. Запомнилось не то, что было много крови — а её натекло столько, что просочилась вниз, на потолок. Не мамино заплаканное лицо («Ты же умереть мог! Без ноги остаться!»). Запомнилось ощущение заброшенности, беспомощности вот этой, когда ты один и звать бесполезно — никто не откликнется.

Он ведь и правда мог тогда умереть — от потери крови, от заражения. Обошлось.

Вот как-то так всё и было.

Только ведь тоже не в марте.

Его слушали человек пять или шесть — те, что поближе. Остальные ели, смеялись, переругивались, кидались опустевшими коробками из-под сока.

— А ты не врёшь? — усомнился Ярослав.

— Нет, что ты! У меня даже шрам остался!

Данил закатал штанину. Кривой рубец под коленкой впечатления не произвёл. Или произвёл, но не то, которое должен.

— Слышь, а если бы у тебя шрам на заднице был? — Ярослав хохотнул. — Тоже показал бы?

Девчонки захихикали, кто-то стал развивать тему — неумело и неостроумно, но все уже дошли до той степени беспечности, когда абсолютно всё вызывает смех.

— Хватит ржать, дурачье!

Это Иван произнёс. Он сидел в стороне, в общем веселье участия не принимал.

— Ты чего, Корнеев? — удивился Ярослав.

— А то! Ведёте себя как свиньи! В классы вообще-то нельзя еду приносить! Если уж вы за партами жрёте и помидоры на пол роняете, то сидели бы тихо! А вы ржёте как кони!

— Так свиньи или кони, Корнеев? Ты уж определись.

Иван встал и, нахмурившись, оглядел Ярослава.

— Конкретно ты — страус, Корольков, — сказал он. — Знаешь, какие у страуса пропорции между телом и мозгом?

Все загалдели снова, на Данила уже никто не обращал внимания.

Иван взял рюкзак и вышел, ни на кого не глядя.

Данил выныривает из раздумий. Соседи спорят всё яростнее. Все трое. Муж гудит сердитым басом, жена частит с подвизгиваниями. Что-то иногда вставляет сестрица. Кажется, уже до битья посуды дошло. Сначала раздаётся звон, потом рёв мужика — и страшный грохот, смешавшийся с воплями женщин.

— Сразу весь шкаф повалил, а чего мелочиться? — комментирует мама.

В ушах у неё белые капельки наушников — но грохот от соседей такой, что никакие наушники не спасут. Тем более если там не музыка, а аудиокниги. Мама их почти всё время слушает, а вот Данил не любит. Ему нравится, когда он сам бежит глазами по строчкам, с нужной скоростью, а не подчиняется голосу безымянного диктора.

В коридоре снова голоса. Но уже другие соседи. Они столпились на безопасном расстоянии от изолированных комнат и галдят, возмущённые таким поведением.

— Полицию надо!

— Дождутся — вызовем!

— Правильно! Ещё и за нарушение режима получат!

Говорят громко, так, чтобы изолированные слышали. Но к дверям подойти никто не решается, и в конце концов все расходятся.

Мама варит на ужин гречку. Раскладывает по тарелкам. Подумав, достаёт ещё одну, наполняет, роняет сверху кусочек масла.

— Отнеси Асмуре.

— Да ну, мам!

— Так, тебе трудно, что ли? Ребёнок один сидит целый день!

— Думаешь, её совсем без еды оставляют?

— Всё равно! Пусть горячего поест! Давай-давай!

Данил неохотно берёт тарелку с кашей и выходит в коридор. Помедлив, стучит в соседнюю дверь.

Асмирка открывает не сразу. Уснула, что ли? Или криков испугалась? Она и не понимает небось, что происходит. Наконец щёлкает замок и дверь открывается. Как обычно, на чуть-чуть. Асмирка смотрит в щель одним глазом. И молчит.

— На вот, — Данил протягивает кашу. — Ешь.

Асмирка принимает тарелку обеими руками, принимает. Пахнет вкусно.

— Рахмат, — говорит она.

Данил усмехается. «Рахмат» — это «спасибо»?

— Вставай! Слушай, ну это ужас какой-то!

Мама стоит перед зеркалом, с полотенцем на голове, и втирает в лицо крем.

— Ты только посмотри, что они там наворотили... Вставай, говорю, у тебя урок через полчаса! Совсем обленился!

Это правда. Данил встаёт позже обычного, пользуясь тем, что идти никуда не надо. Ткнул в телефон — и ты на занятиях. Если интернет не глючит, конечно. Здесь нестабильная связь.

— Чего там кто наворотил? — зевает Данил.

— Выйди в коридор, сам увидишь.

Да уж.

Комнаты заражённых снова отгорожены от остального коридора. Теперь не только лентой, но и завесой

из толстого полиэтилена. Плёнка крепится на неуклюжей конструкции из деревянных жердей, а уж ленты не пожалели: она оплетает всю конструкцию, тянется наискосок по стенке, кое-где цепляется за проводку. Нет, ну это даже опасно!

Заражённые, судя по всему, не в курсе. Спят после вчерашних потрясений.

Данил качает головой. Надо это безобразие убрать поскорее. До того как явится Брунгильда.

На самом деле она, кажется, приходится матерью импульсивному мужику. Она приходит через день, оставляет родственникам сумки с продуктами и горячей едой. Брунгильда — потому что настоящего имени Данил не знает, а на одной из её сумок написано «Brunhilde». С девой-валькирией она ничего общего не имеет. Маленькая, сухонькая, прозрачная, похожая на учительницу какого-нибудь французского или немецкого языка. Маска чёрного цвета, перчатки, шляпка — ну, маска с перчатками надеты из соображений гигиены и безопасности, но в сочетании со шляпкой они делают Брунгильду воплощением интеллигентности. Хотя на приветствия она не всегда отвечает и вообще держится насторожённо и обиженно, будто весь мир против её сына, а значит, и против неё. Ну, почти так и есть.

Полиэтилен занимает неожиданно много места — у Данила не получается свернуть его как следует. Он

спешит. И урок скоро, и вообще... Он не хочет, чтобы его кто-то застал за этим процессом.

Растрёпанный полиэтиленовый рулон остаётся пока в коридоре.

Мама уже оделась. Она почти всегда уходит гулять, когда у Данила уроки. Поблизости нет ни парков, ни скверов, она просто бродит по улицам.

— Надо хотя бы ошейник с поводком купить. Скажу, что гуляю с собакой, она просто убежала, оторва такая! — шутит мама.

С собаками гулять можно. Если один — могут задержать и штрафануть. Но вроде пока не задерживали.

Данил остаётся один. Наспех проглатывает чай с булкой и выходит с телефона на урок в Zoom.

Какое-то время он внимательно слушает. Потом мысли его убегают в другую сторону. Он ищет Ивана. «Привет», — пишет Данил. Проверяет, что сообщение уйдёт Ивану, а не в общий чат, и отправляет.

Иван молчит. В его окошке — имя и фамилия. Не факт, что он и в самом деле на уроке. Вообще-то им не разрешают отключать камеры, но Иван не из тех, кто подчиняется правилам.

Он не из лучших учеников. Но не дурак. Просто не любит заниматься тем, что ему неинтересно. Игнорирует, и всё. Не всем это нравится, конечно. Но Ивану и на это

плевать. Он мало с кем общается. Утром придёт, поручкается с парнями — чаще всего молча, — и всё. На перемёнах сидит и читает свои книги. Или думает о чём-то. Или вертит в пальцах раскладной ножик. Трюки отрабатывает.

Иван всегда немного суровый, заговаривает, только если спрашивают, улыбается редко, смеётся ещё реже, в конкурсе на самого остроумного не участвует, но уж если выскажется, то припечатает намертво. Как тогда, с Ярославом.

А ещё Иван никогда не смеётся над Данилом.

После занятий Данил несёт хрустящий кулёк к мусорным контейнерам. И видит, как из соседского окна вылетает пластиковый кувшин и плюхается в грязь. Тут, возле дорожки, уже набросана куча ненужных предметов. Довольно большая куча. Это просто удивительно, как в маленькой комнате помещается так много вещей. Тарелки, вазы — теперь всё это битое, — штук шесть деревянных разделочных досок, мягкие игрушки, сломанный фен.

— Ты чего хулиганишь?

Это не Данил кричит, это строгий старичок, проходя мимо.

— А мне выходить нельзя! — с вызовом отвечает сосед.

— С мусором вроде можно!

— Нет уж! Изолироваться так изо...лироваться!

В этот раз из окна вываливается что-то тяжёлое. И, судя по всему, в расход пошли уже годные вещи, потому что Данил слышит вопли жены и злорадный хохот мужика в ответ.

Данил идёт обратно и видит, что к старичку присоединился ещё народ: какие-то бабушки в беретах, женщина с коляской и девочкой. Коляску она потряхивает, но за девочкой не смотрит. А та интересуется кучей мусора. Там игрушки. Все галдят, подбивая друг друга, и кивают в сторону общаги. И старичок уже не добродушно-строгий, а вполне агрессивный: размахивает руками, даже ногой притопывает.

Данилу не хочется идти мимо них, он сворачивает с дорожки и проходит вплотную под окнами. С опаской глядит на окно соседа: не прилетит ли сверху ещё какое сокровище. Но там, видимо, всё — окно закрыто.

Вечером приходят Асмиркины. И родители, и брат, и родственники. Что-то возбуждённо обсуждают. Очень непривычно — ведь за стеной обычно тишина. Голоса звучат встревоженно, особенно женский. Мама Асмирки, кажется, даже плачет.

Раздаётся глухой стук. Данил вздрагивает от неожиданности. Это книга упала на пол. Он, оказывается, так и оставил её в прошлый раз под подушкой. И забыл.

Книга ударилась корешком об пол и лежит теперь раскрытая. Данила отчего-то охватывает раздражение —

от плача за стеной, от того, что книга грохнулась, он испугался, а мама даже не услышала.

Уж это глупо. Данил понимает, что глупо. Он смотрит на маму. Она чувствует его взгляд, поднимает глаза, улыбается.

— Смотри, какой получился!

Расправляет крылья своему новому монстрику. Это дракончик, чёрный и зеленоглазый, похожий на Беззубика из мультфильма про викингов.

Данил не отвечает. Отворачивается. Всё как-то нескладно, неправильно.

— Это не просто ножик! Да что ты понимаешь!

Иван с досадой пнул свой любимый ножик. Две его половинки, которые тут же разлетелись в разные стороны.

Данил изо всех сил держал улыбку, хотя губы дрожали, а на глаза наворачивались слёзы. Он не плакал, это просто реакция организма на боль. Нога просто отваливалась! Но Ивану незачем это показывать.

— Здорово у тебя получается!

С этого начался разговор. Иван вертел в руках свой вечный ножик. Он с ним почти не расставался. Не просто вертел, а выделял разные фокусы: пропускал между пальцами, заставлял вращаться пропеллером.

— Необычный ножик какой, — заметил Данил.

— Ножик-бабочка. Хотя, мне кажется, на стрекозу больше похож, — Иван щёлкнул, демонстрируя, как складывается нож, превращаясь из подвижного трилистника в устойчивый предмет. — Я его в Туле купил. Здесь мне не продали — сказали, чтоб с родителями пришёл.

— Почему?

— Ну, это же типа оружие. До восемнадцати лет тебе не доверят. А в Туле мы на экскурсию в Оружейную палату ходили. И там он типа сувенир. Я без проблем приобрёл.

— Смешно, — заметил Данил.

— Не то слово, — кивнул Иван.

— Ты оружие любишь?

Иван усмехнулся.

— Скорее артефакты для выживания.

Он снова защёлкал, завертел своей «бабочкой».

— Использовать нож как оружие ещё уметь надо, — сказал он. — В рукопашке этому не учат.

— А ты тоже занимался рукопашным боем? — обрадовался Данил.

— Пять лет.

— А бросил почему?

Иван пожал плечами.

— Так. Надоело. Там чем дальше, тем больше соревнований, а я этого не люблю.

— Я тоже!

Воодушевлённый, Данил даже не вспомнил о том, что у него самого до соревнований дело не дошло. В секцию он пошёл, чтобы научиться драться. Да так и не научился. А потом эта травма дурацкая...

— А можно попробовать? — попросил он.

Движения Ивана, заставлявшие ножик плясать на кончиках пальцев, казались такими простыми!

Р-раз!

Данил попытался поймать «бабочку» на лету, но, кажется, сделал только хуже, отбросив ножик в сторону бетонной ступеньки.

— Ты что наделал, придурок! — произнёс Иван негромко, но свирепо.

Данил с ощущением нереальности происходящего смотрел на три блестящих фрагмента бывшего ножика. Теперь ножик и впрямь напоминал сбитую влёт стрекозу.

— Ничего же страшного, — Данил старался говорить небрежно, но получилось жалобно.

— Ничего страшного? — заорал Иван. — Да это мне судить, чего или ничего!

Он поднял погибшую «бабочку», осмотрел, выругался и в сердцах двинул Данила по ноге. Конечно, он не целился. Не рассчитывал удар. Возможно, он вообще хотел просто замахнуться и не удержал ногу в полёте.

Но попал по больному колену.

Дальше Данил плохо слышал. Да и видел всё в контрастном чёрно-белом цвете. Потом боль утихла, а всё вокруг вновь стало разноцветным. Впрочем, теперь все краски мира казались Данилу иллюзией. Как и мысль о том, что между ним и Иваном может быть что-то общее. Нет. Просто показалось.

Данил присел на злосчастную ступеньку. Он опять всё испортил.

Сегодня мама с неохотой отпускает Данила в магазин.
— Ночью орали и стёкла били, — напоминает она.

Это правда — несколько окон разбито на первом и втором этажах. И лента. Точно такая же, красно-белая, но значительно толще. Она тянется теперь через двор. К самому входу, по ступенькам и дальше. Отсюда не видно, но Данил догадывается. Опоясали всё общежитие. Чтобы сразу было видно: здесь — чумные, а там — нормальные.

Он выходит, ныряя под лентой, это страшно неудобно. Пройдя с десяток шагов, по привычке оглядывается. Сигнальная лента тянется красным пунктиром, криво и беспощадно перечёркивая унылое здание.

А когда возвращается, дома неожиданно — раненый Карим. Лицо разбито, руки красные и блестят. От крови. Он сидит голый по пояс, и на плечах, на спине и груди тоже кровь. Неестественно яркая. Будто он решил сделать себе такой трэш-боди-арт. Мама хлопочет рядом. Карим что-то

трындит по-своему, и мама его понимает. А может, не понимает, а просто придумывает за него реплики и сама же на них отвечает. Какая разница, что он там лопочет.

— Даня, — мама замечает Данила, выпрямляется. — Зайди к Асмيره, успокой девочку. Она, кажется, испугалась.

Конечно, испугалась! Данила самого подташнивает, когда он смотрит на Каримовы раскрашенные руки.

— Рахмат, — бормочет Карим, — Каттарахмат.

Асмирки в комнате нет. Данил озирается. У соседей он первый раз. Здесь почти нет мебели. На полу два ковра, надувной матрас. Есть ещё матрасы, они свёрнуты в рулоны и стоят в углу. Длинный комод, на нём какое-то рукоделие, вроде макраме. Почти такое же висит на стене — довольно красиво. Тумбочки ещё у самого окна. За одной из них притаилась Асмирка.

Сидит в углу, сжавшись в комочек. Данил осторожно присаживается рядом. Лицо девочки в тени, густые волосы свешиваются на лицо, трудно разглядеть, плачет или нет.

— Смотри!

Данил запускает руку в карман. Вот он, новый ножик-бабочка. Иван сказал правду — подросткам ножи не продают, пришлось выложить втрое больше, чем он стоит, чтобы закрыли глаза на то, что ему нет восемнадцати. Данил хотел сразу же отдать нож Ивану, взамен сломанного, но до изоляции не успел.

Он крутит ножик и так и этак, от скуки научился почти как Иван.

Асмирка придвигается ближе. Может, заинтересовалась фокусами. А может, просто хочет пригреться. Данил её понимает. Он, конечно, старше Асмирки, но ему тоже холодно и страшно.

Очень хочется набрать Ивана и рассказать ему... Уже не про ножик. А вообще.

Но он понимает, что это нелепо. Да и не ответит Иван.

Данила охватывает привычная горечь, а вместе с ней — совсем незнакомая злость, которая почти сразу вытесняет все остальные чувства. Она бурлит внутри, наполняет Данила как веселящий газ — очень странно, но она и правда граничит с отчаянным весельем, когда хочется пробить себе путь полыхающей торпедой, и плевать на то, что там остаётся позади...

Теперь он, кажется, понимает Гермеса. В том, что если тебя не хотят, то никогда, никогда, никогда!..

Никогда не предлагай дружбу второй раз!

За окном темнеет, а они с Асмиркой всё сидят рядышком.

Следующие дни проходят как в осаде. Стёкла больше не бьют, но кто-то всё равно по вечерам приходит и кричит, что общагу надо сжечь, что она очаг заразы, всегда была, а теперь особенно.

Общажники лишний раз не высовываются на улицу. Изолированные тоже притихли — сидят тише воды ниже травы. Всё из-за них.

Брунгильда устала держать лицо, она плачет и жалуется кому-то в коридоре. Сына уволили с работы. Учреждение не государственное, а частное, никаких социальных гарантий. Всё на честном-бесчестном слове.

Её утешают. Но на общую кухню изолированных всё равно не пускают.

Данил пинает табуретку. Не со злости, просто случайно зацепился за ножку. Табуретка опрокидывается, а вместе с ней книга и несколько ватных палочек. Данил поднимает сначала табуретку, потом книгу.

Мама использовала её как подставку, когда чинила Карима. И до сих пор не убрала. Данил прижимает к себе Гермеса. Что же это за книга такая! Все другие стоят себе спокойно в положенном месте. А эта кочует по всем углам, ищет приключения на свою обложку. Что ж, каков герой...

Данил направляется к полке, чтобы поставить Гермеса к другим книгам. Но замечает за окном движение. На улице что-то происходит: собралась толпа, и общажные, и чужие. Все стоят, смотрят — Данилу кажется, что прямо в их окно. Но у них смотреть не на что — значит, интересное происходит у соседей.

Интересное или страшное? Данил слышит рёв — это сосед, изолированный и уволенный. Из коридора тоже доносятся вопли — похоже, он выгнал всех из комнаты и заперся изнутри.

— Савва, открой! Открой, Савва! — кричит жена не своим голосом.

Данил бросает книгу и выбегает на улицу.

Сосед сидит на подоконнике, свесив ноги наружу.

— Сегодня я, а завтра вы! — слышит Данил.

— Лезь обратно! — кричат снизу. — Не дури!

Савва хохочет. Ему не страшно. Ему нравится дразнить тех, кто внизу.

В толпе обсуждают, что надо ломать дверь, и несколько мужиков ныряют в подъезд.

— Думаете, я всё это забуду? Ни фиги! — кричит Савва.

Потом оборачивается. Здесь, снаружи, не слышно, но там, наверное, начали ломать дверь.

— А вот ни фиги! — выкрикивает он в полный голос. И прыгает вниз.

Данил не видит, что происходит с Саввой дальше, — соседа заслоняет толпа. Все кричат и толкают друг друга. Из окна свешиваются жена и сестра — дверь всё-таки снесли.

Потом приезжает скорая и увозит страдальца.

Данил возвращается в комнату.

— Что? — говорит он маме, которая наблюдала сцену из окна и видела, как сосед упал и что с ним стало внизу. — Как он?

Мама качает головой:

— Перекисью не поможешь.

Данил садится в угол кровати, скрестив ноги. Зачем всё так? Когда это закончится? А даже если закончится, сосед прав — вряд ли забудется.

Интересно, Савва — это Савелий или Савватей?

Раздаётся звонок. Данил смотрит на экран и удивлённо поднимает брови.

— Привет. — Это Иван, как ни в чём не бывало. — В твоей общаге ковидник суициднулся?

Ого, как быстро расходятся новости!

— Ну, — отзывается Данил.

— На твоих глазах? Реально?

— Да.

— Прямо насмерть?

— Нет. Ноги переломал, но живой.

— Ясно.

Данил молчит. Иван тоже. Не знает, что ещё спросить.

— Ладно, пока, — говорит он.

— Ага.

Данил отнимает трубку от уха. Ещё совсем недавно он бы обрадовался этому звонку! А сейчас ему почему-то всё равно.

И про ножик не сказал.

Данил разжимает другую руку, которая без телефона. И обнаруживает смятый в кулаке лоскут полосатой ленты. Цапнул не глядя, когда выбегал вместе со всеми.

Он подходит к окну. Снаружи всё уже спокойно. Как будто ничего и не произошло. И книга опять. Лежит на подоконнике, где он её оставил.

Данил раскрывает обложку и вкладывает туда кусок ленты на манер закладки.

А потом наконец возвращает книгу на место.

ЧЕРТОВКА

След на двери я обнаружила после возвращения из магазина. Чёткий такой, от туфли-лодочки. Носят сейчас такие? Лично я не видела.

Я заорала.

Кир выпрыгнул из квартиры заспанный и лохматый, в одних трусах.

— Всё норм, — он поднял руку, успокаивая соседей, которые сразу повыскакивали из всех трёх дверей. — Чего людей пугаешь? — это уже мне, затолкав внутрь и отобрав пакет с продуктами.

— Ты видел?

— Ну.

Кир выудил из пакета бутылку минералки, открутил крышку и забулькал.

— Ты разве не понимаешь?

Мне было страшно и тошно, хотелось выть, драться и пинать какие-нибудь предметы.

Кир оторвался от своей бутылки.

— И что теперь? — поинтересовался он. — Что тебе угрожает? Ты дома. Ты в безопасности. Ну давай я сам буду ходить по утрам за минералкой. Всё просто.

У Кира всегда всё просто. Совсем недавно так было и у меня.

Всё началось с туфель.

Я вышла из подъезда и увидела туфли. Они стояли под балконом первого этажа. Аккуратно так. Будто не на земле, а в прихожей на коврике.

Я не то чтобы испугалась. Просто стало неприятно. Те же самые туфли. Ну, то есть не те самые, конечно. Но очень похожие.

Я решила, что совпадение. Ну а что ещё? Пошла в школу. Но настроение испортилось на всё утро. К концу уроков отпустило, правда. Мы с Кас уселись за последнюю парту и потихоньку ржали над всем, что видели.

Кас ничего так. Считает меня подругой. На самом деле она другой породы. Обычная домашняя девочка. Но хочет быть как я. Подруги так подруги, я не против. Тем более что Кас может быть полезной.

Когда я возвращалась домой, не удержалась и посмотрела под балкон. Никаких туфель, сапог, тапок и прочей обуви там не наблюдалось.

Я выдохнула — ну разумеется, просто дурацкое совпадение.

Но когда я поднималась по лестнице на свой этаж, увидела на крашеной стене цепочку следов. Как будто кто-то специально прикладывал подошвы, предварительно вымазав их в побелке. На нашей двери следы заканчивались: два отпечатка застыли носками в разные стороны. Финиш.

Сердце у меня билось всё быстрее и быстрее, когда я шла за следами, и под конец уже колотилось как бешеное. Надо было успокоиться и позвонить Наташке.

Я не успела ни того ни другого. Только взялась за телефон, брякнул дверной звонок. Я аж подпрыгнула. А в голове замигала красная лампочка: я вообще дверь заперла, нет?

Заперла всё-таки! Снаружи кто-то толкнулся, а потом снова позвонил.

Я подкралась к двери и осторожно заглянула в глазок. Человек стоял отвернувшись и вытянув руку в направлении звонка. Рука казалась огромной, а голова — маленькой. Но я уже видела, что это не тот, кого я боялась увидеть.

Человек обернулся. Я отпрянула, на лету сообразив, что этого делать не стоило. Он, конечно, уловил игру светотени в тоннеле глазка.

— Натали! Открой!

Я молчала, прижавшись спиной к двери. Он не рвался, а легонько постукивал снаружи, но я чувствовала эти удары.

— Нат! Ты дома, я знаю! Я ведь не уйду!

Не уйдёт, с тоской подумала я. А ещё подумала: надо ответить, чтобы он не выломал дверь.

— Наташи нет!

Молчание. Постукивания прекратились.

— А ты кто? — наконец донеслось из-за двери.

— Сестра.

— Сестра? Слушай, сестра! Я Наташин одноклассник. Меня Кирилл зовут.

— Толоконников? — ахнула я.

— Она меня помнит! — возликовал Кирилл.

Не она, а я.

Он изменился, конечно. Постригся — а ведь волосы носил ниже плеч и даже в хвост не собирал. Поправился и теперь выглядел худым, но не измождённым, как раньше.

— Я не знал, что у Наташки есть сестра, — радостно сообщил он, с готовностью плюхнувшись на табурет.

Я пригласила его на кухню, поставила чайник. Еды, правда, не нашлось. Той, что к чаю подают, точно — ни конфет, ни печенья.

Этот Толоконников Кирилл считался хулиганом, неформалом, позором семьи и болью школы. Постоянно дрался, наводил суету и мешал жить другим. Однажды он сбежал из дома и две недели прятался у нас в подвале. Тогда ещё мама жила дома и где-то работала. Наташка носила ему еду. После того как она пустила его к нам домой, помыться, погреться и поесть из посуды, я оказалась посвящённой в их тайну. Обязанность снабжать его провизией перешла ко мне.

— Звучит обидно и странно, — заметила я, всё ещё рассматривая пустой холодильник.

— Ох, извини, — он, видимо, тоже что-то припомнил. — Просто у меня много чего случилось. И тогда, и потом. Когда я уехал.

Да, он ведь даже школу не закончил. Прямо посреди учебного года свалил куда-то. С тех пор я его не видела. Насчёт Наташки не знаю. Мы с ней Кирилла не обсуждали.

— У меня группа своя. Мы полстраны объездили. А в родном городе не бывали. Меня и не тянуло, если честно. А потом я про Наташку вспомнил. И всколыхнулось что-то. Представляешь?

— Угу, — я кивнула. — Булку с маслом будешь?

— Давай.

— Ты какой-то неприхотливый для звезды.

— Ты мне не веришь, что ли?

— Чай пей!

Он усмехнулся, вытянул чайный пакетик из чашки, надкусил бутерброд. На стол посыпались крошки — батон был не первой свежести.

Я уткнулась в телефон.

— Гуглишь? — догадался он.

А как же!

Я уже рассматривала фотки. Разные: с концертов, анонсов, рекламные, студийные. Группа «Трикстер». Не мировой уровень, конечно, но всё равно странно, почему я о них никогда не слышала.

— А это кто?

— Агата.

— Солистка?

— Да.

— И всё?

— Ну... Она классный музыкант. Хороший человек. Друг офигенный.

— Понятно. Татуху покажи.

Агата была татуированная до ушей. У Кирилла я заметила только одну тату — рыба на предплечье. Зато огромную — от локтя до кисти.

Он задрал рукав водолазки.

— Лосось!

— Ну, круто, — сказала я.

Не про тату, а вообще про группу. Про всё.

— Ради этого стоило сбежать из дома, да?

Вот смеялся он по-прежнему. Запрокидывая голову и во весь рот. А в конце резко прерывал смех, будто насильно, будто спохватившись.

— Так а Натали твоя где? — вспомнил он.

Я пожала плечами:

— Работает.

На самом деле я не знала. Вряд ли работает, конечно. Я даже не в курсе, есть ли у неё работа сейчас. Зато парень точно есть. Я его, правда, не видела ни разу, ну не будет же Наташка знакомить меня с каждым своим поклонником. Но дома она бывает редко, вечерами пропадает — не одна же?

Всего этого я Кириллу говорить не стала. Мало ли как он отреагирует. Хоть и лет много прошло, хоть и не ждали его тут. Помнится, он был вспыльчивым как чёрт. Вряд ли что-то изменилось.

— Ну, бывай, сестра, — прощаясь, он клюнул меня в висок, но я этого прикосновения не заметила.

Зато ладонь его у меня на плече показалась нереально горячей. И когда я закрыла за ним дверь, я ещё какое-то время чувствовала её. Как ожог.

Наташке я ничего про Кирилла не сказала. Когда она вернулась домой, как обычно, за полночь, я уже спала. Утром дрыхла она, я ушла в школу, после обеда её не застала. А потом новость перестала быть новостью.

Побелку со стены я отмыла. Никаких знаков больше не появлялось, и я решила, что это дурной сон, а снам лучше не верить.

Я не верю. Я вообще живу в реальном мире и исключительно сегодняшним днём.

Поэтому мне не очень нравилось то, что я теперь постоянно думаю про Кирилла. Зачем он приехал? Наташка небось не обрадуется, у неё свои представления о хорошей личной жизни.

Хотя он звезда, это может соответствовать.

Я, кстати, запустила пару треков. Так, для знакомства. Ни один не дослушала до конца. Никогда такую музыку не слушала и не буду. Мне бы чего попроще. Пусть даже на три слова и тех не разобрать. А ещё лучше на иностранном. Чтобы точно ничего не понимать. И, главное, не задумываться.

Прошло два дня, и я снова встретила Кирилла. Он сидел на лавочке возле нашего дома. Поджидал, видимо.

— Дома Наташа? — спросил он.

Я покачала головой.

— Опять работает?

— Типа того.

— Слушай, передай ей мой телефон. Пусть позвонит, когда время появится.

Он протянул кусочек картона. Я ожидала увидеть крутую визитку, но на квадратике вихлялись вручную вписанные цифры и имя — Кир.

— Чаю выпить зайдёшь?

— Не.

Он мотнул головой, провёл рукой по волосам. Рукава его кожаной куртки были короткими — из-под манжеты выглядывал хвост лосося.

— Ладно, передам, — я спрятала записку в карман.

— Эм... прости. Как тебя зовут? Я забыл.

Ничего особенного. Я сама забыла.

Наверное, тот год, когда мы с сестрой прятали Кирилла, был последним годом, когда я ещё носила прежнее имя.

Марфа.

Да, на самом деле меня так зовут. Но Марфа — никогда мне не нравилось. Похожее на надкушенный пончик. Или на домотканый половик. Будущего у девушки с таким именем нет. Только прошлое, постыдное и безвыходное, как движение вспять...

Поэтому Марфы больше нет, Марфа удалилась в другой таймлайн.

— Меня зовут Миранда, — сказала я.

После Кирилла домой я не пошла. Купила багет, пачку томатного сока и отправилась в своё тайное убежище. Балкон пятнадцатизажки, самый пятнадцатый этаж.

Считается, техническая зона, поэтому туда никто не ходит. Ни разу не заглянул, сколько я там бывала.

Многие шарятся по заброшкам. Не знаю, что они там находят, кроме пивных бутылок и пластиковых стаканов, оставленных такими же бродягами. На балконе гораздо лучше. Ветер в ушах и город весь как на ладони, как в стеклянном шаре.

Хорошее место, серьёзно. Я хотела даже привести сюда Кас, но потом передумала. Хватит с неё того, что я её домой приводила.

Я сидела, жевала багет, запивала соком и ни о чём не думала. Почти ни о чём. Кир всё-таки появлялся у меня в голове. И визитка его чувствовалась сквозь ткань кармана.

Чтобы отвлечься, я погримасничала, запостила ролик в сторис. Это норма: чем тревожнее у тебя на душе, тем шире улыбка на аватарке.

Металлическая лестница вдруг задрожала, словно по ней кто-то шагал. Я напряглась.

Я ведь уже сказала: сюда никто не заглядывает. Даже местные обходятся, у многих вообще входы в эту зону закрыты или заколочены.

Я осторожно посмотрела вниз. Никого не увидела. Но кто-то, несомненно, поднимался: лестница сотрясалась в такт шагам.

Я потянулась к сумке и быстро отстегнула ремень. У него мощная пряжка, и она не только выглядит круто, а может сойти за оружие.

Шаги затихли. Человека я по-прежнему не видела, но прикинула, что он на девятом-десятом этаже. Житель дома? Рабочий? Такой же одиночка, как я?

Потянуло сигаретным дымом.

Так прошло несколько минут.

А потом, кто бы там ни был, начал спускаться обратно. Докурил и ушёл, ничего особенного.

Я вернула ремень на место и тоже засобиравалась домой. Ничего не случилось, но на душе стало как-то тоскливо. Погода менялась внутри стеклянного шара.

Предчувствия не обманули. В почтовом ящике что-то белело. Ключ я, конечно, не захватила. Он, в общем, и не требовался. Мы открывали ящик раз в месяц, очистить от рекламного мусора и забрать платёжки. Мать, правда, иногда присылала бандероли, но всегда сообщала о них, и за получением почтовых извещений мы следили.

Короче, ключ лежал дома. Пришлось воспользоваться скрепкой — не первый раз, не страшно.

Почтовый ящик распахнулся, и к ногам моим упал бумажный самолётик.

Я медленно наклонилась и подняла его. Осмотрела со всех сторон. Никаких надписей. Ничего особенного. И нечего волноваться.

Просто таким способом складывал самолётики только один человек...

Я бросилась вверх через три ступеньки, забыв про распахнутый ящик. Руки у меня тряслись, так что я никак не могла попасть ключом в скважину.

Дверь открыла Наташка.

— Ты чего гремишь? — недовольно спросила она.

А я так обрадовалась, что она наконец дома, что именно сейчас дома, — что даже не огрызнулась.

Наташка прошла в комнату. Я за ней.

— Ты не уйдёшь?

— Какая ты догадливая! Уйду. Причём надолго.

Только тут я заметила чемодан и рюкзак, которые стояли в коридоре, привалившись друг к другу.

— Деньги в шкатулке. На первое время тебе хватит, потом мать пришлёт. Продукты сама купишь.

Она проворно складывала футболки, сворачивая их в трубочки и распахивая по свободным местам ещё одной сумки.

— Я тебя не пущу! — запаниковала я.

— Сестричка, у меня в кои-то веки что-то срывается в личной жизни. Не капризничай. И не мешай.

— Я боюсь!

— А то ты одна не ночевала!

— Да ты же ничего не знаешь! — взревела я.

И сунула ей в лицо скомканный самолётик.

Наташка взглянула, оторвавшись на секунду от своих футболок.

— Ну и что?

— Как — ну и что? Ты не понимаешь, что это значит?

— Это было сто лет назад! И ты помнишь, чем закончилось. Думаешь, после этого он здесь появится?

— Уже появился!

— Ты его видела? Вот прям собственными глазами?

— Нет, но...

— Вот и не выдумывай!

Я замолчала. Не стала говорить ни про туфли, ни про следы. Она всё равно не поверит. Не захочет поверить.

Ничего не оставалось, кроме как пойти с козырей. Которые я хотела приберечь для себя.

— Кирилл вернулся, — сказала я.

Наташка замерла над застёгнутой наполовину сумкой.

— Он просил тебе передать, — я протянула записку с телефоном. — Знаешь, какой он теперь крутой?

Наташка записку взяла. Осмотрела её.

— С Кириллом всё сложно, — сказала она. — С ним всегда как на качелях. А я уже накаталась, хватит! Мне уже приземлиться хочется. И другого шанса может не случиться. Так что нет.

Она уронила карточку, вжикнула молнией и рывком подняла сумку на плечо.

Я слышала, как щёлкнул замок. Как Наташкины каблуки процокали по ступенькам, а потом всё стихло.

Я опустилась на пол.

Углы комнаты задрожали, чёткий прямоугольник потолка поплыл, и я оказалась на дне колодца с застоявшейся водой, где годами гниют выброшенные вещи и блуждают забытые голоса...

Детские колготки и туфли-лодочки. «Марфа, — произносят блестящие сытые губы. — Марфа — хорошая девочка... У тебя новые туфли? Знаешь, кто купил? Не хочешь называть меня папой? Ма-арфа...»

Я нащупала картонный квадратик. Поднесла его к лицу. Глаза смотрели как будто сквозь стекло, ничего не разобравшись. Я моргнула несколько раз и наконец смогла разглядеть одиннадцать цифр и имя «Кир». Детский у него какой-то почерк.

Где мой телефон? Набираю номер. Давай, Кир, отзовись!

— Алё! — отозвался. — Натали?

— Нет, всего лишь я.

— Миранда?

— Наташка уехала, а меня преследует маньяк. Мне больше не к кому обратиться!

Молчание. Потом:

— Ты шутишь?

— Ага!

Я рассмеялась. Хорошо, что он меня не видел. Хорошо, что никто не видел. Потому что смех вместе со слезами — зрелище то ещё. Не каждому к лицу.

Помощи мне ждать неоткуда. А потому я пришла в себя. Или наоборот, из себя вышла, я не знаю. Такое случается. Из меня будто выдуло ледяным ветром все мысли, все долгоиграющие чувства. Осталась пустота, и в этой пустоте — чёткая схема того, что делать дальше.

Я вытерла слёзы и пошла осматривать дом. Задёрнула шторы. Вынесла на балкон ножи. Ничего странного — можешь нарваться на того, кто умеет ими пользоваться лучше тебя. Я ножами умею только хлеб резать, так что лучше не рисковать.

Отвинтила ножки у табуретки. Одну из них покачала в руке, примериваясь. Годится.

Еды в доме нет, это плохо. Кроме вскрытого пакета гречки и банки томатной пасты — ничего. А, нет, в морозилке пельмени. Восемь штук в хрустящей пачке. Уже веселее.

Ладно, можно будет попросить Кас чего-нибудь притараканить. Только бы её заодно не подставить.

Стемнело. Я не включала свет. Наверное, глупо. Если он за мной следит, он всё равно знает, что я в доме.

Совсем стемнело. Я велела призракам заткнуться. Но настоящие звуки пугали не меньше. Шаги за стеной, например. Нет, реально шаги!

Я подкралась к двери и прислушалась. Кто-то остановился прямо здесь. Никаких сомнений — я слышала шорох одежды и даже, кажется, дыхание. Я сжала ножку от табуретки, так что хрустнули ногти. Маникюра не жалко, но я испугалась, что хруст услышит он.

Тот, что за дверью.

— Миранда, ты здесь?

Вот такой он меня и увидел, когда вошёл внутрь и включил свет. Лохматой, зарёванной, с обломанными ногтями и табуретной ножкой наготове.

Не знаю, почему я ему выдала всё.

Про маминого бойфренда. Как страшно было возвращаться домой, не зная, мама уже вернулась или нет. Или хотя бы Наташка. Хотя Наташка его не особо смущала. Но можно было проскользнуть к ней в комнату и не вылезать до маминого прихода. Как я пыталась рассказать маме, но у меня не получалось, я не знала, какие слова найти и как вообще можно о таком говорить!

В конце концов я рассказала Наташке. Вернее, она сама догадалась. И маме всё-таки сообщила.

Мама не поверила. Она орала на нас обоих, что мы две испорченные неблагодарные сучки, что мы не хотим её счастья и вообще все соки из неё выпили.

Но с бойфрендом вскоре рассталась.

А я после этого поняла, что меня в этой жизни уже ничто не напугает и не остановит. Как будто пружина,

которая долгое время меня удерживала, наконец распрямилась и я полетела, руки мои развязаны, я дышу свободно и наслаждаюсь полётом.

Насладилась. Хватит.

Пружина никуда не исчезла, просто растянулась на максимум и теперь тянет обратно.

Я не знала, что так бывает. Ты можешь не бояться ничего на свете. Кроме одного-единственного страха, который однажды вернётся без предупреждения.

Квартирка у Кира оказалась тесной. Вытянутый коридор, три двери по одну сторону: кухня и две комнаты. Как общага.

— Заходи, располагайся.

Кир подхватил мой рюкзак и уронил его на пол, в кучу обуви.

— У тебя ещё кто-то гостит? — я кивнула на эту кучу.

— Ах, это... — он пнул ближайший ботинок. — Я не знаю, откуда у меня так много. Выброшу потом. Нет, здесь только я и зверь.

— Какой зверь?

— Увидишь. Вот твоя комната.

Я прошла, куда он указал. Кровать и шкаф. На стене фотография с растущими вкривь соснами. Больше ничего. В шкафу, правда, оказалось безупречно чистое постельное бельё. Даже выглаженное, чего в нашем, например, доме

отродясь не водилось. Ни Наташка, ни я никогда не заморачивались до такой степени, чтобы утюжить простыни.

Насчёт Кира я тоже сомневалась. Скорее всего, пользуется родительскими запасами.

Со стороны окна донеслось скребыхание. Я напряглась. Окна здесь, кстати, были старые, деревянные. Форточка распахнута. И в эту форточку протискивалось...

Протискивался кот.

Здоровенный. Мне сначала показалось, что это енот. Несмотря на размер, двигался он ловко и как-то... разумно, что ли. Не дёргаясь, не совершая лишних трепыханий. Достал передними лапами подоконник, подтянул задние, не забыл про хвост, уселся удобно и посмотрел на меня.

Я хотела сказать «кис-кис», но посмотрела ему в глаза, и язык не повернулся.

— Ты, значит, и есть тот самый зверь?

— Ну да. Познакомились уже?

Кир вошёл без стука. Не вошёл даже, а стоял в коридоре и заглядывал в комнату.

— Тебе нужно что-нибудь?

Я затрясла головой. Волосы выбились из причёски. Голову бы помыть.

— Ванная там, — кивнул Кир.

Санузел оказался совмещённым. Вода текла тонкой струйкой, под ногами звякала отставшая кафельная плитка. Квартира убитая, надо признать.

Я долго стояла под душем. Под таким слабым напором мою гриву пришлось полоскать шесть раз. И волосы всё равно оставались жёсткими и спутанными. Кир не заморачивался насчёт ополаскивающих бальзамов.

В ящике с шампунями, гелями, пеной для бритья и туалетной бумагой лежали, между прочим, презервативы. И я сейчас стояла под вялыми струйками душа и не торопилась выходить, хотя тело уже покрылось мурашками.

Не будь всего этого, я сказала бы: да, хочу! Всегда хотела! Это же Кирилл! А сейчас — что?

Кир сидел в своей комнате на полу перед ноутбуком. На голове — большие наушники.

Он заметил меня, сдвинул наушники. Я застыла на пороге, укутанная в дурацкое полотенце с утятами. Он молчал, я молчала тоже.

— Иди спи! — отрывисто произнёс Кир.

— Это из-за того, что я тебе рассказала, да? Я тебе противна?

— Ты что несёшь! — взвился он. — Что ты про себя напридумывала! Я намного хуже тебя! Но не настолько, чтобы заставлять тебя платить за элементарное участие!

Я не дослушала, убежала.

Кот лежал на моей кровати, вытянув лапы. Он подпрыгнул, когда я кинулась на кровать лицом в подушку. Хотелось зарыться поглубже, вообще провалиться, утонуть!

Ты же всегда смеялась над всякими там чувствами-любовями. Ты хотела быть циничной и неуязвимой — ну так лови ответочку от мироздания.

Миранда...

Потом случился карантин. Мы с Киром жили как на острове. И хотя все концерты отменили, и у нас кончались деньги, и Кир из-за этого скучал и психовал, я была, наверное, счастлива.

До сегодняшнего дня.

Кир допил минералку. Смял бутылку. Кивнул.

— Я тебя увёз к себе не для того, чтобы ты пряталась, — сказал он. — А чтобы поняла, что ты не одна.

Я ничего не ответила. Прошла в спальню и, как обычно, улеглась ничком на кровать. Когда же я освоюсь со своей новой ролью? И это точно моя роль? Я доверилась Киру полностью. Я показалась ему вся, до самого моего чёрного дна. После такого человека положено либо убить, либо принять.

Убить я не смогу...

В тот первый вечер Кир ничего больше не сказал. Подошёл и напялил на меня наушники. В них звучала музыка, которую я никогда не собиралась слушать.

ПЛЮС-МИНУС Я

Сейчас не модно быть взрослым. А старым тем более. Это раньше думали, что чем старше, тем мудрее. А потом до человечества дошло, что не стоит всё принимать на веру. Поэтому взрослеть стало невыгодно. Уважения — не факт что добьёшься, а проблем по-любому вагон!

Ну и внешность. Все из кожи вон лезут, чтобы выглядеть моложе. Не мамы кругом, а подружки.

Лично я этого не одобряю. Иногда хочется, чтобы рядом стоял по-настоящему взрослый человек.

Моя ма тоже изо всех сил старается. Соответствует.

У неё, конечно, Леон. Он на семь лет моложе. Это много. Вообще-то он Леонид. Но ему больше нравится Леон.

Но ма и до него повернулась на вечной молодости. Фитнесы-пилатесы разные. Блин, да я этого даже не выговорю! Она всерьёз думает, что именно это сработало и она получила своего Леона.

Счастье-то какое!

Метр девяносто с бицепсами, почти блондин, хвост на затылке. Альпинист, дайвер, спортсмен. Похож на Криса Хемсворта. И тоже помешан на своей внешности. Они с ма в фитнес-центре и познакомились.

Теперь сидим в одной квартире, как пауки в банке.

Самоизоляция, ёлки! У меня дистант, у Леона удалёнка, у ма тоже удалёнка. Как она выживет-то теперь, без своих бьюти-салонов!

И Никитка ещё. От няни пришлось отказаться: решили, что небезопасно. Теперь он бегают по квартире от одного к другому, внимания требует.

Никитка, по мне, — единственный плюс, связанный с Леоном. Они с ма вместе его родили, он, получается, мой сводный брат.

Хотя именно Никитка поменял расклад. Раньше жили-были я и ма. Мы ещё вдвоём думали — принимать Леона в наш круг или нет. А потом родился Никитка — и хоба! Они втроём семья по умолчанию, а я непонятно кто.

А вот и Никитка. Притопал ко мне. В руках телефон. Леонов, что ли? Ну конечно, проще ребёнку гаджет всунуть, чем поиграть с ним нормально! Что ма, что этот...

Сколько раз им выговаривал — бесполезно! У них работа, видите ли! Насчёт ма не знаю, а этот... папаша. Видосы на ноуте гоняет — своими глазами видел!

Телефон я у Никитки отобрал. Нашарил мяч под креслом. Поиграл с ним в «съедобное-несъедобное». Развивающая, между прочим, игра! Лучше, чем тупые приложения из «Seeofgames».

Но и моя развивающая игра Никитке скоро наскучила. Ему быстро всё надоедает, мал ещё.

Под креслом ещё что-то валялось. Книжки какие-то, кубики. Но Никитка всё отпихивал. Пришлось достать с полки «Лего». Космическая станция из Star Wars. Никитка сразу заулыбался, загудел. Ладно, пусть развлекается. Нужно следить только, чтобы он мелкие детали не расшвырял. Или чего хуже — не проглотил бы. Но он вроде осторожно пока играл.

Я понаблюдал за ним и принялся за домашку. Одно название, конечно, что домашка. Главное, высылать всё в срок, а сам пыхтел или вытянул из общего чата — никто проверять не будет. Мне такая учёба нравилась!

И не только из-за уроков. Дома можно не напрягаться, не играть в весёлого парня, как в школе. Не придумывать шутки дурацкие, не париться потом: смешно — не смешно, да почему Алёнка не веселится вместе со всеми. Над Яриковыми шутками небось всегда смеётся.

Оно как-то так повелось — Ярик Корольков вечно хохмит, вечно прикалывается. Всем нравится. И я тоже

прикалываюсь. Если честно, мне уже надоело. Но я же не могу ему уступить!

Телефон Леона принялся звонить. Даже мелодию на звонок не мог нормальную выбрать. Что-то приторно-медовое. На итальянском, что ли.

Я слышал, как Леон отодвинул стул, прошагал от своей комнаты до нашей, остановился у двери, постучал. Нет, нельзя, ёлки! Не видишь, что ли, дверь нараспашку, чего стучать-то!

Пока он, короче, в культурного играл, телефон замолчал. Пришлось ему самому перезванивать. Для этого он зачем-то прошёл на балкон.

А балкон у нас тянется на две комнаты: через мою комнату и кухню ещё. Леон отправился через кухню, но не подумал о том, что я его из своей комнаты прекрасно слышу. Тупица! Надеюсь, Никитка не в него пошёл.

Вообще, мне пофиг, о чём он там трещит. Но он вдруг такое сказал...

— Не могу, сейчас жена дома.

И почти сразу после этого разговор прекратил.

Может, и ничего особенного. Мало ли с кем он там не может разговаривать. Но подозрение во мне уже поселилось, а его просто так не выкуришь. Я даже за Никиткой перестал следить, и он превратил космическую станцию в две подстанции. Я молча отобрал у него «Лего» и вернул на место.

Никитка, конечно, заревел.

На рёв явился папаша и забрал его. Давно пора.

А я остался думать.

На следующее утро план у меня был готов. Громко сказано, конечно. Завладеть телефоном и посмотреть контакты — вот и весь план. Если, конечно, Леон не удалил лишнее. Дальше — по обстоятельствам.

Как нарочно, Никитке он всё утро телефон не давал. Пришлось гнать от себя малого, чтобы тот канючил по-качественнее. Наконец сработало.

Никитка валялся на полу в коридоре с телефоном в руках. Я подошёл.

— Му! — сказал Никитка.

Вообще-то «му» — это не корова, а подъёмный кран. На Никиткином языке. Не знаю уж почему.

— Му, — согласился я.

Брат собирал картинку из пазлов на экране. С краном, да.

Так сразу телефон отжать не получилось. Никитка ныл и тянул игрушку к себе, как только я пытался ею завладеть.

«Лего». Опять «Лего», «Лего» — наше всё. Ради своей цели я готов был пожертвовать космической станцией безвозвратно. Да мне и времени-то нужно всего ничего! Если повезёт, конечно.

Нужный контакт нашёлся быстро.

Юля.

Просто Юля, прелесть какая.

Чат почти пустой, но звонков много.

Я увеличил фото, посмотрел ещё раз на эту Юлю. Молодая, спортивная. Моложе, чем ма. Но вообще — ничего особенного.

А настроение-то испортилось. Я снова забрал у Никитки Star Wars. Без ухищрений, просто выхватил, и всё. Бедный Никитка, у него должны быть травмирующие ассоциации с этим конструктором. То дают, то отбирают, никакой стабильности.

Я решил, короче, сам всё выяснить. Юлю нашёл быстро, спасибо гугл-поиску. Фотографий у неё, как ни странно, мало оказалось. Но все красивые, горные пейзажи в основном, и она в костюме и с альпинистским снаряжением. Скалолазка, значит. Как Леон.

Между прочим, на одной из фоток я его увидел, Леона. Ну, я, конечно, не уверен на сто процентов, что это он, — лицо наполовину закрыто очками, шапка опять же. Но похож очень!

А потом я взял и написал Алёнке Васнецовой. А она ответила! Мы попереписывались чуток. Вышло, конечно, по типу «Привет. — Привет. — Как дела? — Да ничё так». Но всё равно. Ответила хотя бы. А то она меня всерьёз никогда не воспринимала. Так, к Ярославу в придачу. Совсем скучно ей, наверное.

Несколько дней я следил за Юлей. А заодно прислушивался к телефонным разговорам Леона. Он болтал только по делу, для этого на балкон не сбегал. А Юля хотя и выходила в сеть каждый день, но не особо активничала: ни постов, ни фоток новых. Или её опции мне были недоступны.

И я решился.

Создал фейковый аккаунт. Попросился к ней в друзья. На аву кинул портрет Хемсворта. Ну а что: если ей нравится Леон, значит, должно зацепить. Или хотя бы не забанит сразу.

Через два дня она меня зафрендилла. Я вообще-то хорошо подготовился: подписался на все её группы и ещё на несколько, чтоб без палева и чтоб страничка пустой не казалась.

Теперь я стал думать, стоит ли начать разговор. Раз уж она сама не раскрывается по поводу своей личной жизни. Не спугнуть бы!

Если честно, я ещё не решил, что буду делать, если докопаюсь до правды насчёт Юли и Леона. Выдать всё ма или нет? Всё-таки у них Никитка, да и ма кое-как счастлива. Или с Леоном поговорить, вразумить его? Ага, послушает он! Ну и как с ним под одной крышей жить потом? Сплошные, блин, знаки вопроса!

Пока я подкрадывался к Леоновой подружке, дома началась какая-то движуха. Ко мне в комнату принесли

огромный ящик. Курьер доставил. Задвинули ящик за шкаф, Никитку при этом усиленно отвлекали.

У него день рождения скоро. А в коробке — электро-мобиль на аккумуляторах.

Я, конечно, думаю, что двухлетке рановато такую игрушку. Да и не вовремя. Где он на ней кататься будет? По квартире, из которой лишний раз не выйдешь? Но ма с Леоном давно запланировали. Пусть их! Когда-нибудь же пандемия кончится.

Но это ещё не всё. Ма нервничала. Я почему заметил — она стресс снимает в ванной. Накрошит ароматической соли и отмокает. Так вот в последние дни она оттуда не вылезала. Но даже это не помогало, и вечером она не могла заснуть, а утром у неё подгорали сырники.

— Да не волнуйся ты так. Еду можно заказать, вечернее платье не обязательно. Нет, если ты хочешь, конечно... Никто не придёт, и не надо! — сказал однажды Леон.

— И что? Давай теперь платья вообще повыбрасываем! Всё равно в прежнюю одежду скоро не влезем!

— Ну а кто тебе мешает держать форму?

И тут я вспомнил. Годовщина у них! Она с Никиткиным дэрэ в один день! Так вот совпало. И я всё время о ней забываю. Про день рождения брата помню, а годовщина мимо! Хотя я ведь и не обязан про такие вещи помнить.

Но ма очень серьёзно относится к датам. Прошлые праздники она сделала запоминающимися! Например,

бассейн с аниматорами и вечеринка в стиле «Пиратов Карибского моря». Ма у меня с фантазией.

Я, конечно, не очень понимаю: если это праздник для двоих, зачем привлекать ещё кого-то? Ну, это их дело, конечно.

Но если бы я был, допустим, с Алёнкой... Ну, можно же представить, да? Чисто теоретически. Я бы осел с ней на каком-нибудь необитаемом острове. Или, на край, на необитаемой даче. И наслаждался бы, что мы только вдвоём и нам никто не мешает. Хотя так, наверное, тоже нельзя. Алёнка вряд ли согласится. Она тоже любит праздники всякие.

Наверное, ма и в этот раз что-нибудь готовила. Но пандемия спутала все планы.

— Не волнуйся, — сказал Леон. — Главное, чтобы причастные остались довольны. А это я тебе гарантирую.

Идеален, ёлки!

Я спросил у Алёнки: отправилась бы она со мной на остров? В шутку, конечно. А она вдруг ответила: да, там хорошо. Это на острове-то! Ну да. Хорошо первые дня два. Пока маникюр цел.

А она обиделась на это. Да так серьёзно, что пришлось потом убеждать, что красивого у неё не только ногти и волосы, и вообще... Не только за красоту она всем нравится.

Я, кстати, правда так думаю.

Но Алёнка не ответила. Не поверила, что я серьёзно, эх!

Я вздохнул и потащился опять к Юле на страничку. Как обычно, ничего интересного. Хотя нет, статус обновила. «В радостном ожидании». Давай догадайся, чего она там радостно ожидает.

В день рождения Никитка проснулся рано. Но ма с Леоном вообще вскочили чуть свет. Распаковали электро-мобиль, обмотали его гирляндой. Кругом флажков повешали.

Никитка, понятно, сразу потянулся к машине. Леон усадил его, стал тыкать на кнопки, дёргать за рычаги, показывать, где что. Но Никитка упорно тянулся к единственной знакомой вещи — рулю.

Я не выдержал, развернул машину вместе с Никиткой и стал его катать по коридору. Гирлянду оставил на полу, включённую, она так и мигала в густом ворсе ковра.

Места, конечно, было мало — по коридору и обратно. Брат с упоением крутил руль, но скоро ему надоест, это ясно.

Ма поумилялась, записала видео, показала Леону, они поумилялись вместе. Потом уселась за работу — день был обычный, не выходной. А Леон куда-то свинтил.

Вернулся только после обеда с огромным букетом лилий. Для ма. Та расцвела, конечно. Она-то между делом стол собрала. На четверых. Для Никитки тоже — приборы для мелких, но всё как положено: вилка, там, ножик

столовый. Никитка, кстати, уже рвался к столу — не проголодался, а потому что не пускали.

У взрослых рабочий день ещё не закончился. Поэтому отвлекать его досталось опять понятно кому.

Я усадил брата на колени и полез в комп за мультиками. Но увидел оживший колокольчик уведомлений. Юля!

На фото крупным планом цветы, а поверх букета два сцепленных карабина. Символично, ага! Я смотрел поочередно на сцепку карабинов — и на букет. Такие же лилии, над которыми сейчас хлопала крыльями ма, не знала, куда пристроить: то ли в гостиную, то ли пусть на праздничном столе постоят.

Дождалась, альпинистка!

Внизу под фото уже выстроилось полсотни поздравлений. Я не выдержал. Пролистал. И под всеми этими «крепкой страховки» да «лёгкого подъёма» я написал...

Не буду повторять. Самому противно. Никогда такого даже в мыслях не держал. Тем более что Юля эта, может, и ни при чём. Она, может, и не знала ничего ни про ма, ни про Никитку.

Страничку с пафосным Крисом Хемсвортом я удалил потом.

Включил Никитке мультики, прижал его к себе. Сердце колотилось прямо ему в спину. Если Леон с ма расстанутся, я брата ему не отдам!

Заглянула ма, позвала к столу. Никитка запротестовал было, но увидел в руках у ма свой любимый виноград и сдался.

Леон выглядел недовольным. О другом думал. И я догадывался о чём. Меня распирало от злости. Невыносимо было видеть счастливую ма, которая надела-таки вечернее платье, и натужно улыбавшегося этого её пока-ещё-мужа.

Вообще-то ма тоже заметила, что Леон хмурится и постоянно пялится в телефон.

— Ты ждёшь чего-то? — спросила она.

Она накладывала Никитке всякие вкусности, но смотрела при этом на Леона.

Он неопределённо дёрнул плечом. Что это за жест такой? Как его понимать? Когда нормально ответить нельзя, вот так вот дёргаются!

— Как там Юля? — не выдержал я.

Может быть, я пожалею потом. Может быть, сразу пожалел. Но я чувствовал, что взорвусь, если промолчу.

— А что с Юлей?

Леон очень тихо это произнёс. Даже как-то зловеще.

— Что за Юля? Вы о чём? — ма всё ещё улыбалась, но подбородок у неё затвердел — она силой держала эту свою улыбку. — Лёня?

— Лю-лю! — Никитка всё расслышал по-своему.

Слишком часто повторяется имя Юли, я согласен.

Тут в дверь позвонили.

— Дождался, — прошипел Леон.

И стал вытискиваться из-за стола, чтобы отпереть дверь.

— Игорь, ты мне объяснишь что-нибудь? — спросила ма.

Я представил, каково это, и с какого далека придётся объяснять, и почему я это вообще должен делать, что они, сами не могут, и вообще — кто меня просил ввязываться в эту историю, праздновали бы себе сейчас спокойно... И у меня голова загудела просто! Ну невозможно же чувствовать и мыслить одновременно!

— Я сейчас, — и выскочил из-за стола, не глядя на ма.

Заперся в ванной. Слышал, как Леон сердито отпускал того, кто пришёл. Это курьер оказался, доставил очередной какой-то подарок, не совсем вовремя, испортил Леону сюрприз, вот он и психовал. Потом слышал, как Леон объясняется с ма.

— Юля, моя однокурсница, — бубнил он. — Раньше альпинизмом занималась. А теперь у неё свой бизнес. Горы пришлось забросить, после того как... Несчастный случай, в общем. Я путёвки в Италию заказал, ещё до пандемии, ты же давно мечтала. А теперь всё накрылось. Вот тебе и Италия...

Что отвечала ма, я не слышал. Но она спокойно разговаривала, без наездов. Какой у неё голос приятный, никогда раньше не замечал...

Я потихоньку пробрался к себе в комнату. Минуту спустя вошёл Леон. Как будто поджидал.

— Юлька замужем. Её муж тоже альпинист, — начал он. — Всего месяц назад на ноги встал. Буквально встал то есть. После травмы и реабилитации. Это он Юльке цветы подарил — в первый раз после этого всего. А ты что подумал?

Я молчал.

— Никто не верил, что он будет ходить, — продолжал Леон. — Он даже с собой покончить пытался. А Юлька всё время с ним, верила до последнего. И его поддерживала, и бизнес на себе волокла. Трудные годы.

Я вспомнил сцепленные карабины. И сколько слов горячих после картинки этой. От людей, которые знали Юлю лучше, чем фейковый Крис.

Мне стало стыдно. Не так, когда неудачно шутканёшь и словишь кринж. А по-настоящему.

— Если уж пошёл такой разговор, — Леон хмурился, но говорил решительно. — Ты зря сомневаешься, у меня с твоей матерью всё серьёзно. С самого начала. Вот наладится, и мотанём в Италию все вместе. И с тобой, и с Никитосом.

— Но... лилии?

Это так глупо прозвучало! Но Леон даже не улыбнулся.

— Ну что лилии? Где ты другие цветы найдёшь в разгар пандемии? Большой у нас выбор, что ли?

Я молчал и думал, как теперь поступить. Сделать вид, что это не я, это неизвестный хейтер решил испортить счастливый момент? Или...

Как сделать по-другому, я не представлял. Очень не хотелось, чтобы Юля считала, что мир полон злобных хейтеров.

— Давай я разрулю, — предложил Леон.

— Нет, я сам. Только попозже.

Леон усмехнулся.

— Как хочешь. Пойдём, что ли, торт лопать?

Торт стоял на столе, пока нетронутый. В форме сапожка — Италии. Мамина мечта.

Ма улыбнулась, когда мы вошли. Леон разрезал торт. Он оказался больше красивый, чем вкусный. И не только мне так показалось. Почти никто до конца не доел.

А потом пришло сообщение от Алёнки. Сама написала! Длиннущее письмо! Она писала про то, что этот злобный коронавирус на самом деле такой глобальный тест. Один на всех. Когда мы удалились друг от друга и уселись каждый перед своим экраном, стало ясно, кто на самом деле близкий, а кто чужой. И я для неё не чужой. Неожиданно.

Так и написала, я три раза перечитал!

Мне аж жарко стало, я пошёл на кухню попить и увидел ма.

Заметив меня, она встrepенулась и что-то отложила в сторону. Но я-то видел, что она там рассматривала и почему у неё такое грустное лицо. Это был телефон Леона. Да, никакими подтяжками не добьёшься такого румянца, такой физической формы. Как у Юли, я имею в виду.

Но ведь не за внешность же Леон любит мою ма! Я думал, пока пил, передать ей его слова или нет. Решил, что не буду. Пусть сами говорят друг другу то, что считают нужным.

Ещё я подумал о том, как всё перемешано в жизни и как трудно разобраться: круто это или наоборот. Вот пандемия эта хотя бы — Алёнка всё правильно написала, умница она!

Вообще, конечно, плохо, когда много людей болеет и умирает. Но если бы не изоляция, я бы не решился заговорить с Алёнкой. Ну, так, серьёзно заговорить. И навсегда остался бы для неё шутком на верёвочках.

Я бы так и считал Леона пафосным ничтожеством. Нет, я и сейчас не то чтобы его сильно зауважал. Но, эм... Как бы это сказать... Если меня рядом не будет, есть кому доверить ма и Никитку.

Ну и всё.

Не так много, но это, наверное, самое главное.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Победительница	3
Соулмейт	43
Крюк и бабочка	79
Тайный город	107
Мэри Сью	122
Шекспир сказал...	168
Сигнальная лента	219
Чертовка	249
Плюс-минус я	269

Анна Зенькова

Григорий без отчества Бабочкин

Автор обложки Татьяна Перова
Для среднего и старшего
школьного возраста: 12+
336 с.

Григорий Бабочкин и Герман Сто... нет, Герман Бабочкин и Григорий Столяров. Два совершенно непохожих подростка. Один мечтает стать хоккеистом, идёт к этому семимильными шагами, попутно становясь любимцем всех вокруг. Другой — объект всеобщих насме-

шек, но при этом как будто... бесстрашный? безрассудный?

Две противоположности сходятся, открывают друг в друге что-то, чего им самим недостаёт. Кажется, что эта Настоящая Мужская Дружба может обоим справиться с чем угодно: с тревогой перед соревнованием, с семейными трудностями и непониманием близких, с травлей и насмешками. Так и есть — но лишь до тех пор, пока в дело не вмешивается первая любовь. Пока знакомое чувство не запускает часовой механизм — который взорвёт мину замедленного действия в самый неожиданный момент...

Новый роман Анны Зеньковой — удивительной силы текст, раскрывающий личности 14-летних героев во всём противоречии и во всём том общем, что есть у подростков. Построенная в форме двух аудиодневников, которые Григорий и Герман ведут в течение учебного года, книга отзовётся в душе у каждого — подростка или взрослого.

Анна Зенькова — молодая писательница, победитель конкурса «Подросток N», организованного «КомпасГидом» совместно с «Лабиринтом» в 2019 году. Её дебютная повесть «С горячим приветом от Фёклы» удостоилась Крапивинской премии в почетной номинации «Выбор Командора», а едва выйдя в свет, попала в списки лучших детских произведений и получила множество хвалебных отзывов — в том числе как «достоверная книга о взрослении, в которой нет разделения на добрых и злых персонажей, но есть место обстоятельствам жизни и личному выбору». Вторая изданная «КомпасГидом» книга Анны Зеньковой, «Григорий без отчества Бабочкин», столь же осторожно касается неоднозначных семейных и социальных тем — и создаёт правдивый портрет поколения.

Дарья Полукарова
**Зовите меня
Джин Миллер**

Автор обложки
Марина Павликовская
Для среднего и старшего
школьного возраста: 12+
328 с.

Десятиклассница Женя Высоцкая — абсолютно неинтересный человек. Об этом ей, не скрывая, говорят и одноклассники, и родители. Дочь — настоящее разочарование, совсем не творческая личность. У нее нет никаких особых интересов: разве что смотреть фильмы и сериалы, переводить

тексты песен, слушать музыку и читать — но это разве увлечения? Женя и сама это знает. В эссе на уроке английского она честно признаётся: «I have no dreams».

Неожиданно для себя она становится невольной свидетельницей странных событий: младший брат ее одноклассника передает незнакомцу пакет с чем-то красным. На следующий день в школе только и разговоров, что о пропавших красных конверсах одного из семиклассников. Что же видела Женька? Кражу? Розыгрыш? Или что-то гораздо более существенное — что-то, что может привести к серьезным последствиям даже для случайного свидетеля?

Дарья Полукарова (родилась в 1991 году) — автор нескольких романов о подростках и тех, кто только-только пережил стихию переходного возраста. Она очень хорошо понимает проблемы, подобные тем, с которыми сталкиваются персонажи книг «Янка» Тамары Михеевой или «Первая работа» Юлии Кузнецовой. В 2019 году повесть «Зовите меня Джин Миллер» вошла в финал литературного конкурса «Подросток N», организованного издательством «КомпасГид» совместно с интернет-магазином «Лабиринт».

Литературно-художественное издание
Для старшего школьного возраста
Маркировка согласно Федеральному закону № 436-ФЗ: 16+

Елена БОРОДА
ZOOM. Карантинная история

Иллюстратор Настя Хилькевич
Дизайн обложки Артём Суменков

Издатель Виталий Зюсько
Главный редактор Марина Кадетова
Художественный редактор Дмитрий Дервенёв
Выпускающий редактор Яна Сартан
Литературный редактор Ольга Громова
Художественное оформление и верстка Дмитрий Дервенёв
Подготовка обложки Маргарита Чечулина (Greta Berlin)
Корректоры Зоя Скобелкина, Надежда Власенко

Регистрационное свидетельство № 1187746607146 от 27.06.2018

ООО «Издательский дом «Тинбук»
115172, Москва, Новоспасский пер., д. 7А, стр. 4

Товарный знак «КомпасГид» используется на основании договора
с ООО «Издательский дом «КомпасГид» № 201901-ТЗ от 18.01.2019 г.

Купить книги «КомпасГид» вы можете на сайте www.kompasgid.ru
или в отделе продаж издательства:

тел. (499) 707-74-75, book.kompasgid@gmail.com

Заказать книги в библиотеку: пишите на kompassgid@gmail.com

Читать в электронном формате: ищите нас на www.litres.ru

Следить за новостями и книжными новинками:

подписывайтесь на нас в социальных сетях

Facebook, VK, Instagram

Подписано в печать 04.03.2021. Формат 60×90/16 (140×210 мм).

Печать офсетная. Усл. печ. л. 18.

Отпечатано в

Заказ №